

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Михаиломъ Катеновскимъ.

ЧАСТЬ LVI.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,

1 8 1 1.

*Съ одобренія Цензурнаго Комитета,
учрежденнаго для Округа,
Императорскаго Московскаго
Университета.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 5. МАРТЪ 1811.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

*Аместанъ и Мелединъ , или Ислы-
таніе ольблности.*

Вослочная ловѣсть.

„Въ молодости своей имѣлъ я харак-
теръ пылкой, и еспрастно любилъ женщинѣ.
Я вѣрилъ ошъ всего сердца словамъ ихъ
и ласкамъ. Онѣ говорили мнѣ, что я первый
красавецъ во всей Персїи, и я почпилъ себя
красавцемъ; онѣ превозносили мой умъ, и я
почипалъ себя необыкновеннымъ умникомъ.
Но ихъ обольспипельныя похвалы были
причиною моей погибели; я разорился , и
шеперь почти неимѣю насущнаго хлѣба. О
Мелединъ! какъ безразсудны молодые люди.
Что , если бы при началъ жизни имѣлъ я
нынѣшнюю свою опышность; я и шеперь
еще могъ бы сидѣть на ряду съ первѣйши-

ми боґачами Испагани! Но чтожь я напрошивъ? Бѣднякъ, и всѣ меня презирають!“

— Правда швоя, Амеспанъ, сказалъ Мелединъ, когда бы и пы и я въ двадцать лѣтъ имѣли шу опытность, какую имѣемъ въ восемьдесятъ, то безъ сомнѣнїя избѣжали бы многихъ несчастныхъ дурачествъ. Не заставляешъ ли ето думать, что опытность совсѣмъ почти бесполезна для человѣка? Онъ приобретаетъ ее въ шакое въ время, когда уже неможешъ послѣдовать ея совѣтамъ. На что и знанїя, когда нѣшъ способа употребить ихъ въ свою пользу? Меня погубило еуешное шщеславїе. Я небылъ глупъ, и я ето зналъ; но по несчастїю имѣлъ я шакое непомѣрное желанїе удивлять своимъ осипроумїемъ, что не было никакой возможности обуздать болпливость моего языка, а еша гибельная болпливость лишила меня всего моего счастїя. О, если бы можно было вернуть мою молодость! Будучи опытенъ, я уже не боялся бы своего языка: я могъ бы удерживать въ должныхъ границахъ свое шщеславїе, умѣлъ бы молчать, говорилъ бы во время и къ шпашни, и самые взгляды мои были бы послушны осипорожному благоразумїю. —

Такъ разговаривали два старичка, сидѣвшїе подъ пальмою у входа пещеры Ма-

аравской. И шопъ и другой очень дорого заплашили за свою мудроспъ. „О Магомепъ! — восклицали они — уже невозможно возврапипъ намъ прежняго времени! уже не можемъ воспользоавшья своими несчастпями, своими проспупками и спою мудроспю, кошпоруо даровали намъ годы!“

Въ епу минушу послышался пихпй шорохъ у входа пещеры; они подымающъ глаза, и видящъ приближающагося къ нимъ Духа. Онъ говоритъ имъ съ прпямною улыбною: „Амеспанъ! Мелединъ! не ужасайпесь моего присущспвпя! Хочу васъ сдблать счастливыми. Уже давно обпшаю въ епой пещеръ. Я слышалъ ваши жалобы, почишаю ихъ справедливыми, и чувспвую искреннее о васъ сожалбнпе. Судьба несправедливо сб вами поспупила; она даровала вамъ мудроспъ въ пакое время, когда уже невозможно вамъ упопрбпшь ее въ свою пользу: вы научились жпшь шогда, когда вамъ надобно уже думать объ одной только смерпш. Хочу загладпшь несправедливоспъ судьбы и возврапипъ вамъ упраченныя вами блага: цвбпущую молодоспъ, силу и красопу. Говорпше, сколько лбпшь вы желали бы имбшь въ епу минушу? — „Двадцать!“ воскликнули спарпкп въ одпнъ голосъ. — Да будепъ по вашему! сказалъ духъ.

Какое чудесное превращеніе! Уже горячая, быспрая кровь спремишся по ихъ жиламъ; глаза ихъ снова блистають; голова не шрясается; спанъ распрямился; мѣсто сѣдыхъ волосъ заспунили густыя, какъ шелкъ мягкія кудри; длинныя бороды исчезли; мягкій пухъ едва пробивается на ихъ подбородкахъ. Геній подаетъ имъ зеркало; они съ восхищеніемъ любуются своею красою; они вѣ себя отъ восторга, прыгаютъ, обнимаются, падаютъ на колѣни передъ небеснымъ своимъ благошворителемъ.

Но Геній, поднявъ ихъ съ улыбкою, говоритъ: друзья мои, неспѣшите благодарить меня; еще мнѣ надобно видѣть, будете ли въ сосшоюніи воспользоваться моими дарами. Мелединъ! даю тебѣ ещо очарованное кольцо. Носящій его на пальцѣ можетъ узнавать тайнѣйшія мысли человека при первомъ взглядѣ на его лицо. Иди въ Испань съ ешимъ драгоценнымъ подаркомъ; тамъ ожидаютъ тебя опыты. А ты, Амеспанъ, оспавайся здѣсь! вѣрю смо: шрѣнію швоему мой очарованный замокъ, кошораго входомъ служитъ еща пещера, и неисчисленныя мои сокровища, хранящіяся въ моемъ замкѣ. Въ семъ мѣстѣ, всякое желаніе швое будетъ исполнено — одно шолько условіе, и условіе вѣрѣна неважное — хранишь мой садъ, кошорый люблю я бо-

лѣе всего на свѣтѣ. Ни для кого изъ смертныхъ не должны отворяться его двери; и ты самъ погибнешь, если осмѣлишься въ него проникнуть. Но служба швоя продолжится не болѣе года; и если по испеченіи ешаго срока останусь доволенъ швоимъ усердіемъ; то всѣ желанія швои будутъ исполнены: ты возвратишься въ Испагань, и сдѣлаешься первымъ богачемъ ешаго славнаго города.

Помолодѣвшіе старцы падаютъ къ ногамъ своего благошворителя. Они не находятъ словъ для извѣщенія своего восшорга. Въ будущемъ представляется имъ зрѣлище жхшишительное. Они разлучаются; Мелединъ идетъ въ Испагань, Амеспанъ слѣдуетъ за Геніемъ въ пещеру. Нѣсколько времени окружала ихъ мрачность; она исчезла; глазамъ Амеспана представился Геніевъ замокъ архитектуры величественной; колонны изъ драгоценныхъ камней поддерживаютъ золотую кровлю; ступени вылины изъ чистаго золота. Амеспанъ, пораженный такимъ великолѣпиемъ, молчитъ. „Вопъ жилище швое, говоритъ ему Геній; ты повелишель ешой волшебной области. Милліоны невольниковъ головы исполняютъ волю швою, какъ собственную мою. Прости! намъ надобно разлучиться на нѣсколько дней; береги мой садъ и помни наше условіе.“

Геній удаляется ; Амеспанъ остается единственнѣмъ обладателемъ очарованнаго замка. Безчисленное множество невольниковъ приходивъ узнать его повелѣнїя , и всѣ его желанїя — едва родились , уже исполнены. Гопювъ великолѣпный и вкусный обѣдъ ; Амеспанъ садится за столъ ; между щѣмъ играетъ пѣвническая музыка ; невольники пляшутъ вокругъ стола ; ноги ихъ кажутся окриленными ; они лепашутъ ; въ каждомъ движенїи щѣла ихъ легкость , приятность , чувство. Потомъ согласный хоръ тысячи голосовъ начинаеть прославляеть красоту Амеспанову пѣнїемъ восхищительнымъ ; ему подносятъ разныя вина. Генїевъ погребъ былъ очень богатъ винами ; извѣстно , что жители емира не подчинены щѣмъ строгимъ законамъ Алькорана , которыми должны поворсрствовать мы , обыкновенныя Адамовы чада , готовые изъ всякаго блага извлекать свою гибель.

По окончанїи обѣда являюся молодые , какъ день прелесныя невольники , несущїе изумрудныя сосуды , полныя сладкаго благовонїя : душищый паръ окружаеть Амеспана. Его несущъ на постель ; ложе мягкое какъ пухъ подоишь упомленные члены его ; онъ засыпаетъ , и милыя мечшы , лагнїя чада прошекшаго дня , слешаюся веселишь его , погруженнаго въ сонъ глубокїй.

Онъ просыпаешся вмѣстѣ съ солнцемъ — его ведутъ въ купальню, украшенную тысячу каршинъ сладоспращныхъ; два невольника искусною рукою напираютъ ему плѣло; всѣ поры его наполнены ароматами; нѣга лѣпится по всѣмъ его жиламъ; онъ дышитъ наслажденіемъ; онъ мыслитъ, что нѣкая сила пренесла его на шестое небо.

Что день, то новыя удовольствія, и добрый Амеспанъ не понимаетъ, какъ могутъ его невольники такъ быстро угадывать и исполнять малѣйшія его желанія; но глазамъ его не представляется ни одна женщина, и онъ давно уже это замѣтилъ. „Странное дѣло! думаетъ онъ: не уже ли Геній не вѣритъ опытности моей и благоумію! Онъ очень ошибается; хотѣ бы замки его наполненъ былъ прелеснѣйшими женщинами запада и востока, я и тогда не обольстился бы красою ихъ; я знаю, что такое женщины; я знаю ихъ хитрость, и она уже не можетъ ввести меня въ заблужденіе. Я человекъ опытный, и если когда нибудь влюблюсь мнѣ быть влюбленнымъ... Но нѣтъ! понимаю намбреніе Духа; онъ удалилъ изъ ешаго мѣста женщинъ единственно для того, чтобы присутствіе ихъ не возбуждало во мнѣ воспоминаній досадныхъ. Онъ судитъ обо мнѣ весьма несправедливо; я не имѣю къ женщинамъ нѣ

ненависти, ни отвращенія; теперь ни одна красавица не побѣдитъ счастливаго моего равнодушія.“

Однако, несмотря на это счастливое равнодушіе, Амеспанъ въ нѣкопорыя минуты говорилъ себѣ: „я чувствую, что мнѣ, при всѣхъ наслажденіяхъ, которыми окружилъ меня Геній, недостаешь чего-то, необходимаго для моего счастья. Признаюсь, что будучи молодъ и хорошъ лицомъ, я ждалъ бы узнать, что скажутъ обо мнѣ женщины. Я увѣренъ, что всякая изъ нихъ старалась бы мнѣ понравиться; это могло бы меня забавлять — забава вечная, и благодаря пышности моей, самая неопасная. Словомъ сказать, я очень бы желалъ, чтобы и женщины находились въ этомъ замкѣ.“

Въ такомъ расположеніи души пошелъ онъ взглянуть на садъ, вѣренный попеченію его Геніемъ. Прекрасная долина привела его къ свашу высокаго холма; онъ видитъ мѣсто, окруженное серебряною рѣшешкою, и въ этомъ мѣстѣ находился Геніевъ садъ. Амеспанъ подходитъ къ рѣшешкѣ, смотритъ, и восхищается — онъ видитъ истинный рай Магомедовъ.

„Какое очаровательное мѣсто! Какъ жаль, что Геній запретилъ мнѣ входить

въ него и имъ наслаждаться.“ Но въ епу минушу новое зрѣлище глазамъ его представляется. Онъ видитъ — видитъ шолпу молодыхъ дѣвицъ, прелестныхъ какъ Гурїи. Ихъ лица открыты; легкая, полупрозрачная одежда съ приятностію обвивается вокругъ ихъ стройнаго стана. Веселость, желаніе нравиться, блистающъ въ глазахъ ихъ. — Увидя Амеспана, онъ останавливаясь съ удивленіемъ, смотритъ одна на другую, начинаютъ шептаться, и взглядываютъ на него съ улыбкою; подающъ ему знакъ, чтобы онъ вошелъ къ нимъ въ садъ. — Амеспанъ спешитъ неподвижно. — Одна изъ дѣвицъ приближается къ рѣшечкѣ и приглашаетъ Амеспана отъ имени прелестныхъ подругъ своихъ — осыпаетъ его лестными похвадами — а всѣ другія между шѣмъ играющъ на цитрахъ, поющъ, и легкою, очаровательною пляскою выражающъ желаніе свое привлечь въ жилище ихъ молодого красавца.

Амеспанъ любуется ими; усиліе обольщенія его сердце приятно его самолюбію; но онъ не обольщенъ — и можно ли быть обольщеннымъ съ такою опытностію, съ такимъ благоразуміемъ? Онъ только смѣется, и забавляется усиліями бесполезными.

Но вдругъ примѣчаетъ онъ молодую дѣвушку, уединенно сидящую подъ шѣнью

миршѣ, близъ свѣтлаго тихо лѣющагося
испечника. Она въ унынїи смопршѣ на
чисныя волны — вздыхаетѣ — глаза ея
подымающія кѣ небу — въ шихой задум-
чивости своей она какѣ будто забываетѣ
вселенную.

Амеспанѣ замѣшилѣ, что она не удо-
споила его и взгляда — и, прошивѣ воли,
смопршѣ на одну польку ея; сила непо-
спшижимая влечетѣ кѣ ней всю его душу —
но милая незнакомка вспаетѣ, и черезѣ ми-
нупу исчезаетѣ въ глубинѣ миршовой ро-
щи. Амеспанѣ возвращается въ замокъ,
погруженный въ глубокую задумчивость.
„Теперь понимаю, для чего Геній удалилѣ
изѣ замка своего женцинѣ: епо удоволь-
ствїе сберегѣ онѣ для одного себя, а мнѣ
шеперь надобно бытѣ смопршелемѣ его се-
рала. Завидная, и особенно приличная пы-
вому молодому человекѣ должностѣ! Спы-
жусь, что могѣ показаться ему спо-
собнымѣ играть такую забавную ролю!
И каково же будетѣ мнѣ слушатѣ, когда по
возвращенїи моемѣ въ Испаганѣ и женцин-
ны и мушны будутѣ говоритѣ, указывая
на меня пальцами: епотѣ Амеспанѣ до-
споинѣ блестящаго своего счастїя! онѣ былѣ
смопршелемѣ перваго въ мїрѣ серала; и
должностѣ свою исполнялѣ очень вѣрно! Я
сдѣлаюсь предметомѣ колкихѣ насмѣшекѣ,

и мнѣ уже не лзя будешь поможешься на глаза моихъ сверстниковъ.“

Онъ заснулъ, но сонъ его не былъ спокоенъ; задумчивая красавица преслѣдовала его и въ сновидѣнїи — онъ видящъ ее въ слезахъ, и плачущъ вмѣстѣ съ нею; хочешь приближиться въ ней, дабы усладить горестъ ея словами нѣжнѣйшей любви; но ровная серебряная рѣшетка его удерживаетъ, и онъ уже готовишься изломать ее — уже простираешь руку. — но въ эту минуту слышишься грозный голосъ: *стой! дерзновенный, вспомни условіе Духа!* Онъ пробуждается, горячій потъ бѣжитъ по его щекамъ, въ жилахъ его лѣется пламень; онъ вскакиваетъ и ходитъ въ волненїи по чертогу, ожидая появленїя девицы.

Заря занялась. Амеспанъ бѣжитъ къ очарованному саду, и видящъ опять за рѣшеткою шѣхъ же молодыхъ красавицъ, кошорыя предсказывались ему на канунъ: всѣ онъ одѣши въ прелесныя платья, веселость блистаетъ въ ихъ взорахъ; но въ ихъ улыбкѣ замѣтно что-то насмѣшливое и колкое. Увидя Амеспана, онъ начинающъ смѣяться. „Здравствуй, прекрасный спорожъ серала! хорошо ли ты спалъ нынѣшнюю ночь! какое свѣжее, цвѣтущее ли-

це! гдѣ взялъ нашъ Геній такого прекраснаго внуха?“ — Другія посматривали на Амеспана съ сожалѣнїемъ, и пожимая плечами, говорили: „какая жалось!“ — Наконецъ онѣ разошлись, и Амеспанъ осмался одинъ, исполненный стыда и досады.

Но онѣ еще не видалѣ шой милой красавицы, которая одна занимала его душу. Въ саду все тихо; онѣ ищетѣ ее глазами — напрасный трудъ! она не являеться — наконецъ, прождавъ ее болѣе шести часовъ, Амеспанъ рѣшился возвратиться въ замокъ. „Я буду опять здѣсь въ вечеру, увижу мою прелестницу, и можеть быть услышу ея голосъ. Геній не запрешилъ мнѣ на нее смотрѣть, слушаъть ее, любить и даже спараться овладѣть ея сердцемъ. Одно условїе: не входить въ садъ, и оно будетъ исполнено! Ахъ! если бы она любила меня! Но что я говорю, безумецъ! . . . мнѣ любить! Кто можеть увѣрить меня, что прелестныя черты ея не служатъ покровомъ предательству и коварству? О нѣтъ! не возможно! лице ея зеркало милой души. Она неспаралась прельстить меня подобно своимъ подругамъ; она неспаралась блистать передо мною своими принашностями и шаланшами; она невинна и просердечна; душа ея святилище непорочности и добродѣтелей! Бѣдшвенная рѣшетка насѣ

разлучаешъ! Что нужды! будемъ стараться овладѣть ея сердцемъ — такое сердце не есть ли благо верховное! Пройдешь годъ, Геній захочетъ исполнить свои обѣщанья, и я скажу ему: оставь, оставь у себя свои сокровища, отдай мнѣ ту, которая одна владычествуетъ моимъ сердцемъ.“

Солнце приближается къ западу — Амеспанъ идетъ къ Геніеву саду; смотришь сѣвострѣль — садъ кажется пустыннымъ; слышны одни только птицы, поютъ по мирповымъ и лавровымъ вѣтвямъ; слышно одно журчаніе источника. Амеспанъ стоитъ неподвижно — ждетъ съ нетерпѣніемъ — ночь уже близка. Вдругъ послышался ему жалобный голосъ — кто то рыдалъ; смотришь — прелестная незнакомка стоитъ подъ вѣтвями лимонныхъ и алычевыхъ деревьевъ; она склонилась на плечо молодой подруги, которая говоритъ ей: на что предаваться печали, милая Амелина! чего недоспашъ тебѣ въ епомъ очаровательномъ мѣстѣ? Счастіе швое совершенно! Геній любитъ тебя спросно! отъ тебя одной зависишь царствовать надъ епою областью, быть всемогущею и раздѣлять съ нимъ его сокровища. Прилично ли плакать въ то время, когда всѣ наши подруги завидуютъ швоему жребію! Ошкрой же искреннему дружеству шайну

твоего сердца! и да поможетъ мнѣ Маго-медъ пролить на него по утѣшеніе, которое успокоиваетъ горестъ, и исцѣляетъ глубокія раны души! — „О милая подруга! напрасно спараяешься исцѣлишь мое сердце! судьба моя ужасна! и одна только смерть можетъ возвратишь мнѣ потерянное спокойствіе. Я опнипа у милой мапери, кошорая во мнѣ одной при пягоспной ницешѣ находила опраду, кошорая меня обожала, кошорая вмѣспѣ со мною послѣднихъ радостей своихъ лишилась. Епотиѣ всемогущій Геній увидѣлъ меня; я имѣла несчастье ему понравиться, и онѣ похишилъ меня изъ нѣжныхъ объятій мапери. Всякую минушу воображаю ее въ слезахъ, горестною, умирающею отъ пяжкой поски по своей дочери. Но можетъ бышь ее уже нѣшѣ! На чпложѣ мнѣ шеперь и по могущество, кошорое пы шакѣ превозносишь, и шѣ сокровища, кошорыми надѣвешься ослапишь мою душу. Въ бѣдности была я счастлива; я молила отъ неба одной только мапери. Оспавшись съ нею, я можетъ бышь нашла бы супруга бѣднаго какъ и я, но милаго моему сердцу; вмѣспѣ съ нимѣ пеклись бы мы о сохраненіи ея счастья, и дни наши проходили бы въ ясномъ спокойствіи непорочности. А шеперь? о жестокій! онѣ все у меня похишилъ!“

При этомъ словъ Амелина выходилъ изъ роуци и идевъ мимо рѣшешки, близъ которой Амеспанъ стоялъ неподвижно, исполненный восхищенія спраспи. Увидя ее такъ близко подлѣ себя, онъ не могъ побѣдиль своего чувшва, и воскликнулъ: Амелина! Амелина! милое, восхищительное швореніе! люблю тебя! сердце мое пылаелъ сильнѣйшею къ тебѣ спраспію! — Амелина оборотилась, увидѣла Амеспана и покрасѣла. — Не удайся, Амелина! умоляю тебя! швое ошущствіе лишилъ меня жизни! — Амелина опять взглянула на прекраснаго молодаго человекъ; она хотѣла ошановилься; но спущница сказала ей въ полголоса: „Уйдемъ, уйдемъ, Амелина! ешо смощришель серала; онъ вѣрно подслушалъ наши разговоры.“ И онъ скрылся.

Но Амеспанъ доволенъ былъ своимъ вечеромъ. Онъ видѣлъ Амелину, онъ говорилъ съ нею, и она уже знаетъ о его спраспи. О! какъ она прелесшна, восклицалъ онъ: какъ шрогаешъ меня ея учасшь! Окруженная величїемъ и блескомъ, она сожалелъ о бѣдной хижинѣ, въ которой жила для одной шолько матери! Какое сердце! какая невинность! О! нѣтъ сомнѣнїя, Амелина превосходитъ всѣхъ женщинъ на свѣш! ешо не женщина — ангелъ. Душа ея чиста какъ день! она не способна обманывашъ!

Но горестное размышленіе смутило Амеспана: онъ вспомнилъ слова Амелиной подруги. Она презираешь меня; подумалъ онъ: я не иное что въ глазахъ Амелины какъ низкій приспавникъ серала. Онъ вспомнилъ такъ же и то, что Геній спрашно влюбленъ въ Амелину: получить такое сокровище изъ руки совѣшника казалось ему невозможностію.

Прошло три дни — Амеспанъ неимѣлъ случая увидѣться съ Амелиною. И какъ изобразить его безпокойство? Что съ нею сдѣлалось! Не похишилъ ли ее ревнивый Геній изъ очарованнаго сада? или печаль ее умершвила? . . . Ужаснѣйшія мысли преслѣдовали Амеспанову душу. Наконецъ въ четвертый день около вечера Амелина представилась опять его взорамъ. Онъ видѣлъ ее сквозь рѣшетку; можетъ ее слышать; но Амелина его непримѣчаетъ. Лице ея не такъ уже печально, и никогда еще не была она столь прелестною. Амеспанъ разсмаприваетъ ее съ восхищеніемъ; но что изобразить его чувства, когда она сказала своей подругѣ: „Напрасно, милая Нирца, хочешь ты вооружить мое сердце противъ ешаго молодого человека, котораго видѣли мы здѣсь подлѣ рѣшетки; никогда не повѣрю, чтобы онъ приходилъ сюда съ намѣреніемъ низкимъ. Замѣтила ли ты его

красоту? Какое величїе и благородство во всѣхъ чертахъ! съ какою нѣжностію онъ на меня смотрѣлъ! Онъ меня любилъ — могу ли въ епомъ сомнѣваться? Онъ мнѣ сказалъ люблю тѣмъ голосомъ, который прямо льется изъ сердца. И съ той минуты могу только думать объ немъ. Я чувствую, что люблю спрасно его, и буду любить до гроба!“

О! какъ расстроено сердце Амеспана! Онъ любимъ, Амелина не можешь его обманывать; она увѣрена, что онъ ее не слышитъ; она проливаетъ слезы свою въ сердце дружбы. „Такъ, Нирца! съ етой минуты существованїе мое обновилось — надежда вошла въ мою душу; онъ любилъ меня, Нирца! а ты знаешь, что въ его власти извлечь насъ изъ ешаго ненавистнаго сада и сдѣлать на вѣки счастливыми.“

Вниманїе Амеспаново удвоилось. „Ахъ! если бы онъ имѣлъ довольно смѣлости — продолжала Амелина! Ты знаешь, Нирца, что всемогущество Генїя связано съ однимъ только происшествїемъ, могущимъ его уничтожить; ты знаешь, что всѣ мы сдѣлаемся свободны въ ту минуту, въ которую смѣлый юноша дерзнетъ вступить въ серебряныя ворота: — и очарованный садъ и пышный Генїевъ замокъ дел-

жны быть наградою нашего избавителя. О! пошлѣ, кому принадлежишлѣ мое сердце, одинѣ достоинѣ обладашлѣ ешими сокровищами!“

Боже! что я услышалъ! воскликнулъ Амеспанѣ. Я могу обладать Амелиною, могу ее сдѣлать владычицею ешаго восхищительнаго мѣста! — И съ симѣ словомъ онѣ сильною рукою пошрясаешлѣ серебряныя вороша; онѣ были пошлько пришворены; въ минушу распворились; Амеспанѣ въ саду, лежишлѣ у ногѣ Амелины О небо! какое чудо! — Амелина исчезла, а съ нею и садѣ, и долина и Геніевѣ замокъ. . . . Все улешлѣло какѣ легкій парѣ, унесенный вѣшромѣ и Амеспанѣ увидѣлѣ себя при входѣ Мааравской пещеры, на пошлѣ самомѣ мѣстѣ, на кошпоромѣ вѣ первый разѣ предшавилѣся глазамѣ его Геній. Какѣ описашлѣ его изумленіе, горесшлѣ, досаду, сшудѣ! Силы его исчезли; спина согнулась; колъна дрожащлѣ; ноги едва могушлѣ передвигающлѣся; длинная борода закрываешлѣ его грудь; глубокія морщины пропшянушы по его щевамѣ блѣдымѣ и впалымѣ; голова его обнажена, и едва, едва вѣсколько сѣдинѣ защищающлѣ ее онѣ солнечнаго зноя. Все исчезло, и молодосшлѣ, и красота, и сила — вдругѣ онѣ двадцашлѣлѣшлѣ перешелѣ онѣ къ осмидесяши. Долго

стоялъ онъ безмолвенъ, погруженный въ глубокое уныніе, съ опущенными въ землю глазами; несмѣешь поднять ихъ, дабы не вспрѣшишь какого нибудь неприятнаго свидѣшела своей горести — вдругъ слышишь: идушь; смощришь, и узнаешь — жого же? . . . Меледина! Да, Мелединъ такой же спарый, сѣдой и слабый идешь къ нему, подпираясь клюкою.

Спарики долго смощрѣли въ молчаніи другъ на друга. Соединеніе въ минушу печали было для нихъ въношорою опрадою. — „Епо шы, прекрасный Амешанъ?“ — Епо шы, очаровашельный Мелединъ? — „Увы! епо я! молодосшь наша продолжалась не долго!“ — Сами виноваты! — „Что мы надѣлали?“ — Множесшво глупосшей. — „Правда швоя! мы были очень безрасудны.“ — Амешанъ разсказалъ приключенія свои Меледину, который въ свою очередь исповѣдалъ ему свои дурачесшва какъ слѣдуешь:

Ты знаешь, Амешанъ, какой подарокъ мнѣ сдѣлалъ Геній: чудесное кольцо, посредшвомъ котораго шайнѣшя мысли человека дѣлались мнѣ опкрышы. Короче сказашь: иду въ Испаганъ молодъ, здоровъ, прекрасенъ по прежнему. Въ умѣ моемъ шысячи плановъ о приобрѣшеніи несмѣшнаго

богатства, почестей, славы. И какое же удовольствие! я буду зрителемъ человеческихъ спрассей — ихъ мысли, желанія, выдумки, хитроссти, обманы, словомъ всѣ планы сердець ихъ будущъ мнѣ открышы! Въ моей волѣ прослышь ученѣйшимъ чело-вѣкомъ, умомъ превосходнымъ и проница-тельнымъ! Мнѣ можно предсказывать бу-дущее и почти никогда нешибашься!

Уже подхожу я къ Испагани; уже про-шелъ прекрасные сады Зурфы; иду по ули-цѣ Сцеарбахъ — попадается мнѣ на встрѣ-чу спарушка, одѣтая въ длинную епанчу; въ рукахъ ея корзина. Приподымаю покры-вало ея, смотрю ей въ лице и говорю улы-баясь: спарушка, спарушка! къ кому спѣ-шишь съ ешою корзиною? Господинъ швой Акелибе не осщавешся тебѣ благодарнымъ, когда узнаешъ, какія прекрасныя порученія ты исполняешь. — Спарушка испугалась. „Ради самаго пророка не погуби меня! вос-кликнула она; правда швоя, одна изъ женъ повелишеля моего Акелибе спрашно влюбле-на въ прекраснаго Тахмаса; они назна-чили мѣспомъ свиданія своего садъ, на-ходящійся неподалеку опсюда, и я не-сла шуда корзину съ плодами и винами. Еще разъ прошу себя, не обнаруживай на-шей тайны.“ — Я умиралъ съ голоду и сказалъ спарушкѣ: небезпокойся, буду мол-

часть, но съ условіемъ: отдай мнѣ эти плоды и вина. — Спарушка не долго думала, бросила корзину и скрылась. Я вошелъ съ добычею своею въ одинъ изъ лучшихъ караванъ - сералей Испаганскихъ; поужиналъ очень вкусно, сибялся своему приключенію и внутренно благодарилъ Генія за драгоценный подарокъ, которому былъ и обязанъ приятнымъ ужиномъ. Я думалъ о себѣ, пилъ за швое здоровье и въ сердцѣ своемъ молилъ пророка, дабы простеръ надъ шобою покровъ своего милосердія.

Я еще не успѣлъ доужинашь, какъ вошли въ караванъ - сераль чешыре молодыхъ человекъ. Они садясь подлѣ меня, веляшь подашь себѣ мороженаго, и начинающъ разговаривашъ о любовныхъ своихъ приключеніяхъ, нопорыя возбуждающъ и мое любопытство. Мнѣ пришло въ голову повеселить ихъ своимъ разсказомъ, и я описалъ имъ самымъ забавнымъ слогомъ встрѣчу мою со спарушкою. Вино разгорячило мое воображеніе; оспрыя слова сыпались съ языка моего — и я былъ очень доволенъ своею ролею. Но заключеніе епой комедіи было не такъ для меня забавно какъ ея начало. Одинъ изъ чешырехъ молодыхъ людей вскочилъ съ мѣста и закричалъ: друзья мои! вощъ пощъ человекъ, котораго намъ надобно; онъ знаетъ тайну моей любви; долж-

но увбришь себя въ его молчанїи; а самое вбрное кб шому средство — опправивъ его на пошв свбшв. Они броеаюпся на меня какв ббшеные. Въ рукахв ихв были полспны палки. Начинаюшв меня бишь нещадно. Подымаю ужасный крикв. По счастьяю вв караванв-сералв было много людей; они сббгаюпся на мои вопли — мучишели мои принуждены сокрышься, и я оставленв безв чувшва, израненный, окровавленный; но благодаря пророку, раны мои были неопасны, и черезв нбсколько дней я могв уже выдши изв караванв - сералл.

Хочу идиши кб себв въ домв; но самв незнаю, подв какимв предлогомв явишься на глаза моихв дбшей и жены. Если назовусь Мелединомв — думалв я — то всв сочнушв меня сумасшедшимв! Дбши мои шеперь меня шарбе; онй спанушв надо мною смбяться и выгоняшв меня изв дому. Я выдумалв наконецв способв. Пицу кб смошришелю моихв невольниковв письмо, вв которомв говорю, что важныя нужды заспавили меня на долгое время удалиться изв Испагани, и повелбваю, ему слушашься подателя письма какв меня самаго; а сроку моего возвращенїя неназначаю. Св ешимв висьмомв иду въ мое жилище и все мнв повинуется; всбмв располагаю, какв повелитель самовлашный и ни кому непридо-

дитѣ въ голову узнашь во мнѣ Меледина. Между шѣмѣ начинаю замѣчать, что дѣшамѣ моимѣ не совсѣмѣ неприятно опусксивѣ ихѣ опца; вижу, что они живутѣ безѣ расчета и прапятѣ имѣнѣ мое на пущья издержки; наконецѣ замѣчаю, что старшій мой сынѣ собираетѣ похипишь изѣ моего гарема любимую мою невольницу; заспаю ихѣ однажды вмѣстѣ; дѣлаю упреки — мнѣ опвѣчаютѣ насмѣшливою улыбкою; бранюсь — со мною обходящя грубо; прихожу въ бѣшенство — все мое семейство прошивѣ меня буншуетѣ; говорю наконецѣ, что я Мелединѣ — меня называютѣ сумасшедшимѣ и выгоняютѣ изѣ дому.

Не имѣя никакого способа доказать въ судѣ, что я подлинно Мелединѣ, рѣшаюсь оспавишь собственнй домѣ мой, и занимаю маленькую кварширу на площади Анмейданѣ. Всякое утро прѣхаживался я по пому обширному мѣстцу, на которое со всѣхѣ краевѣ свѣта сходились купцы и гдѣ вспрѣчались мнѣ люди всякаго сосшоянѣя и промысла. Здѣсь очень свободно могѣ я разсмашривашѣ подвижную каршину спрасшей человекскихѣ: я видѣлъ передѣ собою покущиковѣ и продавцовѣ, любопышныхѣ, честныхѣ людей и бездѣльниковѣ. Кольцо мое опкрывало мнѣ шайны человекскихѣ мыслей: на лицахѣ купцовѣ чищаль я на-

стоящую цѣну ихъ поваровъ, и собиралъ свѣдѣнія, копорыя со временемъ могли бы послужить мнѣ въ пользу, когда бы я болѣе спарался, нехваспаясь ими, извлечь изъ нихъ надлежащую выгоду. Я подавалъ прекрасныя совѣты покупателямъ, назначая имъ настоящую цѣну шѣхъ вещей, копорыя они приобрѣсти желали; но еша роль не имѣла большаго успѣха: обманщики всегда находили проспьяковъ, копорыя не хотѣли имѣти довѣренности къ моему знанію, ибо оно прошиворѣчило ихъ желаніямъ, и я наконецъ увѣрился, что приходи и спрасити честныхъ людей всегда въ половинѣ съ коварствомъ обманщиковъ, и что желаніе сильное способствуешъ много обману.

Собравши порядочный запасъ наблюдений новыхъ и щонныхъ, рѣшился я войти въ большое общешво; не пропускалъ ни одного праздника и пиршества. Меня узнали; ибо, не открывая шайны кольца, я рассказывалъ пакія удивительныя вещи на счешъ извѣстныхъ въ городѣ людей, и всѣ мои замѣчанія были пакъ сходны съ истиною, что скоро начали говорить обо мнѣ какъ о человекѣ необычайномъ, чудномъ, единственномъ, и ешо льстило суешному моему честолюбію. Но скоро замѣтилъ я, что самыя шѣ люди, копорыхъ наиболѣе забавлялъ я своими рассказами, нача-

ли меня убѣгать: ибо нашедши, что все мои замѣчанія на счетъ другихъ были удивительно вѣрны, они опасались, чтобы и ихъ не обличила чудесная моя проницательность. Не рѣдко удавалось мнѣ слышать, что я человекъ ядовитый; и даже на инокшорыхъ лицахъ прочиталъ я шайное желаніе бросить меня въ рѣку Сандеронъ съ камнемъ на шеѣ.

И я еще не успѣлъ извлечь никакой истинной для себя пользы изъ Геніева подарка: я думалъ объ однихъ удовольствіяхъ суешнаго самолюбія. Однажды, по обыкновенію своему, прохаживался я по обширной площади Апмейдану. Слышится шумъ; вокругъ меня говорятъ, что Шахъ Сефи скоро пройдетъ черезъ улицу Сцеарбахъ со всеми своими женами въ сады Зурфы. И въ самомъ дѣлѣ отворяющіяся двери дворца; спускени мраморной лѣстницы усиливающія богатыми коврами, и Шахъ Сефи сходящій по нимъ, окруженный всеми великими чиновниками Имперіи.

Онъ садится на прекраснаго Арабскаго коня, копораго збруя украшена перлами, алмазами, бирюзой и золотомъ. Знавшіе придворные также садятся на коней, убранныхъ весьма богато. Они вдушь щихимъ шагомъ по улицѣ Сцеарбаху;

женъ великаго Шаха несущъ на носилкахъ, покрытыхъ богатыми коврами, парчею и шелковыми пѣкьями. Визирь бѣдѣ по лѣвую руку Шаха, который разговариваетъ съ нимъ весьма благосклонно. „Великій визирь пользуется полною довѣренностію, нашего государя!“ говорятъ мнѣ люди, выдающіе себя за полишниковъ. — Я посмотрѣлъ на лице Шаха, и радуясь случаю доказать свою проницательность, сказалъ довольно громко: завтра пришлютъ къ нему рововую пещлю. Всѣ начали осматриваться съ удивленіемъ — пророчество мое показалось признакомъ сумасшествія.

Между шѣмъ шолпа разсѣялась, всѣ разошлись по домамъ; а на другое утро весь городъ узналъ, что великій визирь удушенъ. Сіе извѣстіе разнеслось вмѣстѣ съ моимъ пророчествомъ по Испагани. Каждый спрашиваетъ у самаго себя: „Ктожь ешть чудесный человекъ, который имѣетъ даръ шакъ вѣрно угадывать? конечно онъ вдохновенъ пророкомъ, или имѣетъ умъ превосходящій обыкновенное понятіе смертнаго!“ Во всѣхъ домахъ говорятъ обо мнѣ; народъ собирается шолпами на меня смотреть; короче сказать, я сдѣлался предметомъ всеобщаго любопытства; наконецъ и самъ великій Шакъ Сефи повелѣваетъ меня къ себѣ предшавить. Онъ хочетъ

со мною говоришь; хочешь узнать меня в лицо; какое счастье! какая слава! и я располагался непременно воспользоваться этим случаемъ. Иду во дворецъ; меня предзнавляють Шаху. Я вижу великаго повелителя Персїи во всемъ блистанїи его могуществва. Падаю ницъ; онъ повелѣваетъ мнѣ встать и говоритъ: Кто ты, чудесный человекъ, угадывающій будущее? Кто сказалъ тебѣ, что мой великій Визирь будешь сего дня удушенъ? — „О мудрѣйшій и могущественнѣйшій изъ государей! опровергну тебѣ истину. Ты видишь во мнѣ человека, могущаго оказывать тебѣ самыя важныя услуги; ибо однимъ взоромъ я проникаю во внутренность человеческого сердца. Могу отличать любящихъ тебя отъ враговъ, кошорые тебя ненавидящъ, и разрушающъ ковы своихъ неприятелей. Нѣтъ тайны, сокрытой отъ моего пронзанія!“ — Увидишь! хочу тебя испытать. Скажи мнѣ, за что приказалъ я удушить своего любимца? — „За то, что онъ имѣлъ неоспоренность напомнить о Магомешовомъ законѣ, запрещающемъ пить вино.“ — Что дѣлалъ я вчера вечеромъ, прежде нежели легъ въ постелью? — „Курилъ ароматы, и пилъ ширасское вино, кошораго осушилъ восемь полныхъ кубковъ.“ — Что видѣлъ я во снѣ? — „Ты видѣлъ, государь, что будто ты солнце; что море обратилось въ вино, и что ты лучами

своими его осушаешь.“ — Кому давалъ я аудіенцію нынѣшнимъ ушромъ? — „Кипайскому посланнику!“ — Чшо дѣлалъ я на ешой аудіенціи? — „Ты почивалъ.“ — Довольно! воскликнулъ Шахъ, нахмуривъ ужаснымъ образомъ брови. Удались, бѣги ошъ моего присушствія. Я не хочу, чшобы на землѣ существовалъ человекъ, проникающій въ шайну моихъ мыслей и могущій чшпашъ во глубинѣ моего сердца. Поди! — — О Амеспанъ! могу ли изобразить свое удивленіе, свой ужасъ? Я ожидалъ блестящихъ наградъ, а царь произнесъ мой смершнній приговоръ. Иду изъ дворца, схожу съ мраморной лѣшницы; но еще неуспѣлъ я спустить на послѣднюю ступень, какъ чувствую, чшо ноги мои шрепещушъ, колѣна подгибаются; глаза пускнушъ, длинная сѣдая борода вышпупаетъ изъ моего подбородка — словомъ, я ошпашъ шарикъ въ восемьдесятъ лѣшъ.

И я не успѣлъ еще пройти сто шаговъ, какъ увидѣлъ Шаховыхъ спражей. Одинъ изъ нихъ останошилъ меня за руку и сказалъ: шарикъ! не попадался ли шибѣ молодой человекъ, лѣшъ двацшпи, прекрасный лицомъ, румяный, бѣлокурый, съ блестящими глазами? Онъ шолько шеперь вышелъ изъ дворца, и вѣрно пошелъ по одной дорогѣ съ шобою. — „Чшо вы хо-

пшите сдѣлать съ ешимъ молодымъ человекомъ? спросилъ я, содрагаясь отъ ужаса.“ — “Хопимъ опрубить ему голову. — Слова сїи привели меня въ препенъ; мои послѣднїе сѣдые волосы поднялись дыбомъ; страхъ помутилъ мой разумъ; я бросился на колѣни и воскликнулъ: сжалъсь! помилуйте! ешомъ несчастный молодой человекъ, котораго вы ищете, я! не погубите меня! — Спражи не ожидали такого опвѣща. Наружность моя ни мало не опвѣчала ихъ описанїю. Они засмѣялись и побѣжали впередъ. Ужасъ мой миновался; мое внезапное превращенїе спасло меня отъ неминуемой гибели. Оспавляю поспѣшно Испаганъ, иду къ епой пещерѣ въ надеждѣ встрѣпиться здѣсь съ шобой — надежда меня не обманула; шы здѣсь, Аместанъ! и молодость швоя шакъ же была не продолжштельна, какъ и моя!

— Такъ, Мелединъ! мы оба худо воспользовались дарами Генїя! Но что, если бы онъ вздумалъ возобновить ихъ? — „Мы были бы вѣрно благоразумнѣе?“ — Обманываешесь, мои друзья, сказалъ имъ голосъ, чрезвычайно приятный, и они пошчасъ узнали Генїя: обманываешесь, и ваше желанїе доказываештъ, что опышность васъ никогда не исправитъ. Молодые люди не имѣютъ недоспашка ни въ умѣ, ни въ опышности:

ихъ заблужденія и глупости происходятъ не отъ невѣжества; но спроси ихъ заставляющъ молчать разсудокъ и забывашъ уроки опытности. Послѣ двадцати кораблекрушеній плаваешь опять распускаешь паруса, опять стремишься на бурное море, которое двадцать разъ гогово было поглотить его судно. Опыты оццовъ существующъ и для дѣшей; но они совсѣмъ для нихъ бесполезны. Напрасно прошедшя поколѣнія дающъ уроки грядущимъ: страшныя войны, гибельныя революціи всегда будутъ свирѣпствовать на епой глыбѣ земли, на которой человѣческія спроси до скончанія вѣновъ будутъ волноваться. Возвратишь спроси прежнюю силу и склонности не пожели, что возвратишь ей всѣ заблужденія молодыхъ лѣтъ? Ты, Мелединъ, былъ суешенъ, неоспорженъ, болталивъ, щеславенъ — и тысячу разъ былъ ты обманушь своею нескромностию и суеитностию. Сдѣлаешь себя молодымъ, значишь даешь тебѣ прежніе свои недостатки, слѣдовательно сдѣлаешь себя ихъ жертвою. Ты, Амеспанъ, любилъ спрашно женщинъ, и тысячу разъ еша спрашно вводила тебя въ заблужденіе; будь молодъ и опять тысячу разъ будешь обманушь. Послѣдняя женщина, которую плѣнишь, поважаешь тебѣ совершеннѣйшею изъ всѣхъ, и ты будешь говоришь объ ней поже, что

говоришь объ Амелинѣ ; сердце ея чисто какъ небо ; она не можетъ обманываться. Перестаньте же укорять небо въ несправедливости. Опышность есть пробужденіе , которое уничтожаетъ обманы призраковъ ; она не столь приятна , не столь весела какъ заблужденіе ; но должно ею наслаждаться какъ истиною.

Съ Франц. Ж.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Единоборство Танкреда съ Аргантомъ.

(Отрывокъ изъ VI книги Тассова Иерусалима.)

Благочестивый вождь среди бѣзспрашныхъ лика
Не зналъ, кому сей при достоитъ честь велика;
Безмолвствовалъ, но зрѣлъ, что всѣхъ одинъ
обѣтъ,
Что мысли всѣхъ къ тебѣ усремлены, Тан-
кредъ!

Ланишы, чела, взоръ — душъ видимы скрываютъ —
Избраннѣйшимъ тебя, казалось, признавали! —
Уже разлился шумъ согласія, похвалъ,
И маніемъ его владыка ободрялъ. —

Уже гласящъ вокругъ: „Танкреду подвигъ сла-
вной!“ —

И тайна мысль Вождя раскрылась въ выборъ
явной.

Гряди, вѣщаетъ онъ; благословенъ швой пушъ!
Смири невѣрнаго неистовую грудь! —

Восхищилъ герой о подвигъ столь красномъ,
Веселье пылокое во взорѣ блещетъ ясномъ;
Попребовалъ коня, шлемъ поднялъ, поскакалъ,
Сопровождаемый героями, чрезъ валъ. —
Еще онъ не достигъ долины рашеборной,
Гдѣ ждалъ его Арганшъ, какъ отъ спраны на-
горной

Явилась предъ его внезапно очеса

Клоринды гордыя воинственна краса.

Не столь блистательнъ утеса кровъ снѣжи-
стой,

Какъ бѣлизна ея колчуги серебристой. —

На высотѣ холма дочь брани предъсказашъ;

Чело и шанъ и росъ для випязя открышъ. —

Несчастныи все забылъ, уже не склонилъ
взгляда

Туда, гдѣ злой Черкесъ, какъ движима громада,
Грозящее чело возноситъ къ небесамъ.

Чушь конь подъ нимъ идешъ. — Горящи взо-
ры шамъ,

Гдѣ милая краса... позналъ... недвижимъ...
камень! —

Наружность льдяная скрываетъ Есны пла-
мень. —

Къ Клориндѣ усремленъ, и весь для ней одной,
Танкредъ забылъ и чепъ, и мщеніе, и бой!

Межъ шѣмъ Срацинъ искалъ соперника
напрасно.

На бившу я пришекъ! взываетъ велегласно:
Кшо шанешъ, кшо со мной боролся дерзнешъ?
Ужель въ сихъ тысячахъ безпрепятнаго нѣшъ?
Но щещно! — нащъ герой не видилъ и не
слышилъ;

Восторженъ, изступленъ . . . одной любовью
дышетъ.

Тѣмъ временемъ Опшонъ кою даетъ броды,
И первой сходитъ въ долъ погибельной вражды.
Опшонъ, молодой герой, въ которомъ отъ начала
Душа на битву спать съ Аргантомъ воспылала,
Сей громкой почестью Танкреда оправдалъ,
И вмѣстѣ съ храбрыми пришекъ за нимъ чрезъ
валъ;

Теперь, зря Вишазя стремленіе иное,
Когда не помышлялъ, казалось, онъ о боѣ,
Ошважной юноша, кипящая глава,
Онъ радостно вступилъ сотрудника въ права.
Какъ леопардъ, или тигръ среди дремуча лѣса,
Стремится молнійный на дикаго Черкеса;
Предвѣстникомъ грозы шлетъ ярое копье;
Въ ошпоръ ему жужжитъ враждебно остріе. —
Въ то время пробудясь отъ спрашнаго пом-

ленья,
Танкредъ вспомнилъ часъ рѣшительный сра-

женья;
Постой, постой, вопишь, о Вишазь! — не шебъ —
Мнѣ биться! . . . Позднѣе гласъ! Опшонъ
уже въ борьбѣ! —

Герой оцѣпенѣлъ, полнъ гнѣва и досады;
Стѣснилась бурна грудь; кружась, пылающъ
взгляды,
Видъ яростью блѣднѣлъ, рдѣлъ пламенемъ
спыда:

Лишишься пылосно златаго битвѣ плода! —
Но се уже Опшонъ въ своемъ полетѣ яромъ
Поэшигъ Срациновъ шлемъ губительнымъ уда-

ромъ;
Арганша хитраго сверкающій булатъ
Раздралъ Опшонѣвъ щипъ и швердоссть мѣд-

ныхъ лашъ.

Упалъ молодой герой; — столь сильна тяжесть
взмаха!

Не раненъ, изъ сѣдла онъ грянулся средь праха!
Могучъ, шпатель и пвердъ, окованный извнъ,
Невѣрный, какъ скала, недвижимъ на конѣ. —

И се презрительно, и гласомъ напыщеннымъ,
Смѣясь упадшему: „признайся побѣжденнымъ!
Довольно для себя, вѣщаетъ, славы той,

Что нѣкогда рѣчешь: я смѣлъ съ Арганпомъ
въ бой!

Нѣтъ, нѣтъ! Ошонъ гласитъ, у насъ не
шакъ удобно

Грудь рашну прохладить, и мечъ насыпишь
злойной!

Герои мнѣ въ вину паденья не причислѣ. —
Рѣшился мстить тебѣ — или погибну шумъ! —
Какъ Фурія, или Медуза змѣевласа,

Черкесъ воскрешалъ, испорнулся громъ
гласа:

Ты милости мои дерзаетъ презирать! . . .
Слушай, и будь готовъ гнѣвъ лютой испы-
тать! —

Изрекъ, пустилъ коня, исполненный презор-
ства;

Забывъ священные устави ратоборства, —
Лешатъ Ошонъ далъ пушь, боясь
свирѣпыхъ вспрѣчь,

И вдругъ съ десной стороны въ ребро вонзаетъ
мечъ:

Испорнулся въ пару кровавомъ мечъ широкой..
Но что въ сей выгодъ, въ сей ранѣ столь глу-
бокой? —

Не умаляя силъ богатыря, — ударъ
Лишь только воспалилъ неистовой въ немъ
жаръ. —

Вдохнулъ, напрягъ броды, сдержалъ коня
спремленье,

И завративъ его , въ единое мгновенье ,
Ужь былъ не ждавшаго героя впереди ;
Отшоявъ подвѣмлетъ щипъ . . . но смерть въ
его груди !

Дыханье прервалось , дрожатъ его колѣни ;
Погасла жизнь въ очахъ ; въ ланипахъ смерт-
ны шби ;

И гнѣвная душа восходитъ отъ земли ,
И шбло блѣдное препещетъ въ пыли ! —
Свирѣпый , позабывъ спрахъ къ ближнему и
Богу ,

По пруну падшаго творитъ себѣ дорогу . —
И тако дерзкій всякъ , рыкаетъ лютой звѣрь ,
Падетъ , падетъ , какъ сей , поправный мной
шеперь ! —

Не медлитъ болѣ Танкредъ правдолюбивой ,
Ужасенъ Вишязю поспупокъ сей спропшивой ;
Рѣшился подвигомъ великимъ наконецъ

И силы показать незримой образецъ ,
И первую вину вознаградить спорицей ; —
Приблизился , гремитъ герой передъ убійцей :
О ты , копорый могъ побѣды самой блескъ
Позоромъ осквернить ! — тебѣ не славы плескъ ,
Тебѣ проклятіе за подвигъ сей жестокой !
Въ гнѣздилищѣ Гіенѣ , въ Аравіи глубокой ,
Средь лютыхъ изверговъ воспицанъ ты , зло-
дѣй !

Бѣги , спыдися дня и солнечныхъ лучей ,
Бѣги во мракъ лѣсовъ , закройся скалъ буграми ,
И тамо раздѣляй свирѣпство со звѣрями ! —
Умолкъ ! — Арганшъ къ словамъ укора не при-
выкъ ;

И губы онъ грызетъ , — и пѣну льетъ языкъ .
Стремится отшѣщать исходитъ гулъ
смущенной :

Такъ левъ рычитъ въ лѣсахъ , внезапно раз-
драженной ;

Таковъ перуна гласъ , какъ облако раздравъ,
 Съ ужасной быспрошой онъ падаетъ спрем-
 главъ,
 И разливается и въ прески и въ блиспанья;
 Подобно громныя Арганповы вѣщанья
 Съ усилиемъ разишь , что встрѣшатъ впе-
 реди ,
 Изъ воспаленныя выносящся груди
 Уже истощены взаимны посрамленья : —
 Уязвленная спесь взалкала крови мщенья. —
 Уже спремшельны , порывны , томъ и сей
 Разносящся , чтобы ударишься сильнѣй. —
 О Муза! днесъ даруй моимъ глаголамъ крѣпость,
 Внуши шоликовой жаръ , колика ихъ свирѣпость,
 Да бранна пѣснь моя досшойно возгремитъ ,
 И шумъ оружій ихъ попомству повшоритъ.

Борцы лицемъ въ лицу ; какъ сосны по
 пожаръ
 Иглисны рынды ихъ подвѣшны на ударъ. —
 Пустылись. — Съ чемъ сравнить сей бѣгъ,
 или полетъ!
 Ни бѣга на земли , ни въ небѣ лѣту нѣтъ ;
 И сами Фуріи не столь на казни скоры ;
 Шеклись , ударились , какъ вихремъ взяты горы ;
 Опъ шлемовъ опразясь , ихъ копыя врозь летятъ ,
 И въ шысячи кускахъ на воздухѣ блестящъ ! —
 Опъ преска громнаго дрожатъ земли основы ,
 И воютъ въ препетъ и горы и дубровы ;
 Все измѣнилось живущее кругомъ ;
 Не измѣнились ни взоромъ , ни челомъ ; —
 Ихъ кони грудю ударясь , пали оба ;
 Не въ силахъ спашъ , храпящъ , ноздрями пы-
 шешъ злоба.
 Изпорглись изъ спременъ великіе борцы ,
 И сводятъ пѣшіе мечей своихъ концы.

Искусство движешь всѣмъ, отвагой, силой,
 бранью,
 Глазъ съ глазомъ, съ шагомъ шагъ, и длань
 волешь съ дланью. —
 Что мигъ, по новой видъ порывовъ, оборонъ;
 Разходяшся; сошлись; сей выпалъ; здался онъ;
 Коварная рука, казалось, метишь къ спали,
 Мгновенье — шамъ ударъ, куда не ожидали;
 То вдругъ ограждены; по оба безъ щиповъ,
 Искусство мужеству, обманъ обману левъ! —
 Танкредъ, склоня свой мечъ и щипъ серебромъ
 одѣтой,
 Далъ правое ребро Срацину вѣрной мешью;
 Неисповой шуда ударъ свой устремилъ,
 И лѣвую спрану сопернику открылъ; —
 Герой, движениемъ, непостижимымъ оку,
 Отбилъ враждебной мечъ, и рану далъ глубоку,
 И въ шопъ же самой мигъ, далекъ уже, при-
 крышь,
 Недостигаемый, на спражъ онъ стоишь.
 Арганшь отчаяньемъ и гнѣвомъ распаленный,
 Зря кровию своей dospѣхи омовенны,
 Возскрежешалъ, вздохнулъ, услышалъ въ серд-
 цѣ страхъ,
 Досада и болѣзнь въ сверкающихъ очахъ:
 И се! весь — злобы духъ, весь — бѣшенство
 слѣпое,
 Подѣмлешь съ крикомъ вдругъ желѣзо роковое,
 Бѣжишь нанести ударъ рѣшишельной — и вновь
 Онъ въ мышцу пораженъ, онъ нову видишь кровь!
 Какъ яросный медвѣдь, дремучихъ Альпъ ро-
 жденъ,
 Почувствуя въ ребрѣ рогатины грызенье,
 Ревешъ въ неистовствѣ, и мчишь на ловца,
 Да мщеньемъ усладитъ боль скорого конца:
 Такимъ являлся днешь воишель обуявый,
 Двѣ раны, два шпыда въ груди своей познавый.

Не зрѣшь опасностей , не ищешь оборонѣ :
Едина мечь ему искусство и законъ ;
И сила страшная , и крѣпость груди чудна ,
И дерзость рьяная , одной себѣ подсудна ,
Слѣвшись , кинули убійственный булавъ , —
И возшумѣла швердь , и грохотѣ отдалъ адъ ! —
Ужасна быспроша ! ужасное спремленье !
Не столько молніи порывисто паденье . —
Танкреду мига нѣтъ для взмаха одного ,
Нѣтъ времени , себя защитишь самага ;
Едва дышалъ герой , сверканьемъ ослѣпленный ;
Онъ ждалъ , оградою оружія покровенный ,
Пока престанетъ сей ударовъ ярыхъ градъ :
То спавилъ крѣпкой щипѣ , по отступалъ
назадъ ,
Въ движеньяхъ рукъ и стопѣ всегда неистощимый ! —
Напрасно . . . не успалъ Срацинѣ неукротимый , —
И разгорѣлся самъ огнемъ его Танкредѣ .
И ярость ярости ударила въ слѣдѣ ;
Желѣзо смертное еще быспрѣй сверкаетъ ,
И гнѣву здоровой умѣ и хитрости уступаетъ ;
Неисповество — ихъ вождѣ , ихъ пища ; ихъ
ширанѣ ;
Не гадалъ лютой мечь безъ нанесенья ранѣ ,
Тамъ лапы раздраны , пробила здѣсь колчуга ;
Ошпаченѣ всякъ ударѣ ударомъ равнымъ друга ;
Усѣяна земля обломками вокругъ ;
Оружіе въ крови ; кровь съ лощомъ каплетъ
вдругѣ .
Сѣченіе мечей — борьба перуновъ встрѣчныхъ :
Блѣскающѣ и гремящѣ , какъ громы сводовъ
вѣчныхъ ! —

Свидѣтели сея ужасной , новой при ,
Двѣ раши , въ сумракѣ вечернія зари

Стоятъ, надеждою и ужасомъ боримы; —
 Вожди возносятъ взоръ на небо нервшимый. —
 Всѣхъ очи на бойцахъ; всѣхъ чувства имъ во
 слѣдъ;
 Всякъ хочешь угадать, въ чемъ польза ихъ и
 вредъ. —
 Но въ сонмахъ тысячей ни слова, ни движенья! —
 Какъ стѣны хладныя, огромны ополченья,
 Недвижимы, нѣмы, — смущенія въ цѣпяхъ! —
 Ихъ жизнь стѣснилась вся въ шрепетующихъ
 сердцахъ! —

Ослабли Храбрые . . . изсякнули ихъ силы;
 И, можешь бышь, сей бой открылъ бы имъ мо-
 гилы
 Не благовременно для братій и друзей; —
 Но скоро Ночь сошла, и ризою своей
 Одѣла окрестность и виды приближенны;
 Тогда съ обѣихъ странъ гляшатаи почтенны
 Текутъ ихъ раздѣлишь и кончить спрашной
 споръ.
 Отъ Вѣрныхъ — Аридей, а отъ Срацинъ Пин-
 доръ,
 Премудрый, боя вѣсть Арганту давшій прежде;
 И пошъ и сей, возставъ въ безшрепетной на-
 деждѣ
 На свяшость ратныхъ правъ, извѣстныхъ отъ
 вѣковъ,
 Просперли скипетры златыя межъ бойцовъ. —
 Пиндоръ приемишь рѣчь: о войны преславны! —
 Вы оба силами; искусствомъ оба равны! —
 Престаньте грозные! да будетъ шишина!
 И да свяпшся днесъ благое царшво сна! —
 Богъ смершному далъ день на шрудъ и упраж-
 ненъ;
 Чшо дышетъ, все піетъ въ ноци успокоенъ. —

Великая душа потѣ подвигѣ низкимѣ чшитѣ,
Которой вѣ шмѣ ночной невидимѣ, негремитѣ.
Мыѣ шѣни мрачныя, вѣщаль Аргантѣ, прошивны,
Не ночь, а день цѣнитѣ успѣхи храбрыхѣ див-
ны. —

Желаю раповашѣ при ясности небесѣ;
Но пусть клянешѣ сей для при явишѣся здѣсь!
Но поклянись и ты, Танкредѣ вѣщаль Срацину,
Явишѣся вѣ должный часѣ на рашную долину,
И пѣвника привешѣ побѣдоносцу мздой; —
Иначе не рѣшусѣ откладывашѣ сей бой! —
И оба поклялись. — Два мужа отѣ Совѣша
Опредѣляющѣ день свершенью ихѣ обща. —
Чшобѣ время даровашѣ цѣленью славныхѣ ранѣ,
Шестшаго дня восходѣ вѣ начало бишвы данѣ. —

Мрзлькѣ.

П. К Р И Т И К А.

*Ксенія и Темирѣ, Трагедія вѣ ляли
дѣйствіяхѣ (*).*

Очинивши перо свое, я сидѣль часа два
надѣ бѣлою бумагою и надѣ *Ксенією и Те-*

(*) Вѣ С. Петербургѣ, вѣ Морской Типогра-
фіи 1810 года.

миромъ, тщетно ожидая вдохновенія. Что дѣлать? Расярываю одну книгу, другую, прешью; все напрасно! На конецъ Муза умилосердилась надъ моимъ шупоуміемъ, и направила руку мою къ ближней полкѣ, на кошорой помѣщается Театръ Вольперовъ. Снимаю шестой шомикъ, нахожу приложенное къ *Ореслу* разсужденіе, пробѣгаю двѣ послѣднія страницы, и рѣшаюсь перевести ихъ для своихъ чипапелей вмѣсто вступленія къ кришию на *Ксенію и Темира*.

„Очень справедливо, и въ епомъ должно признаться къ спыду нашей липшерапуры, что въ большей части нашихъ прагическихъ спихопворцовъ рѣдно найдется сряду шесть спиховъ, кои неимѣли бы подобныхъ недостатковъ, и сіе происходитъ отъ того, что они по гордоспи своей ни съ кѣмъ не совѣщаются, или по упрямству не пользуясь ни чьими совѣщами. По малому знанію ученыхъ языковъ, благородной просшосы древнихъ и гармоніи Греческой Трагедіи, они все сіе презираютъ. Поспѣшность и лѣнь суть другіе недостатки, кошорые губятъ ихъ безвозвратно. Тщетно Ксенофонтъ вопіетъ къ нимъ, что работа есть пища мудраго *οἱ πικροὶ οἴοντο ἄγασθαι*; упоены будучи мнущимъ успѣхомъ, они почитаютъ себя

превыше величайшихъ учителей, и древнихъ, копорые извѣстны имъ почти только по имени. Хорошая прагедія и хорошая поема есть дѣло высокаго разума, magna mentis opus, говоритъ Ювеналь. Успѣхи въ нихъ приобретающя не умѣреннымъ трудомъ и не слабымъ усиленемъ.

„Знаменишый Расинъ съ безпредѣльнымъ трудомъ соединялъ глубокія свѣдѣнiя въ Греческой прагедiи, непрерывное изученiе красотъ ея и обоихъ языковъ, то есть Греческаго и нашего; онъ прашивалъ совѣщовъ у судей самыхъ спрогихъ, самыхъ просвѣщенныхъ и искренно ему преданныхъ; охотно слушался ихъ, и равно какъ Де-предъ гордился получаемыми отъ древнихъ добычами; онъ усовершенствовалъ слогъ свой по образцамъ ихъ слога: вопшъ какъ спяжалъ онъ себѣ имя безсмертное! Никогда не достигнувшъ сего шъ, кои идушъ другою дорогою. Можно превзойти его въ соспавленiи развязокъ; можно возбудишъ болѣе ужаса, проникнушъ глубже въ чувсшва, ускоришъ ходъ въ завязкахъ: но кто не образуешъ себя, какъ Расинъ, по древнимъ, а особливо кто не будешъ подражатъ имъ и Расину въ чисшошъ слога; пошъ никогда не будешъ славишся въ попомсшвѣ.

„Уже нѣсколько лѣшъ предспавляющъ у насъ варварскiе романы, подъ названiемъ

трагедій; наконецъ глаза ошкроются; сколько бы ни были хвалимы сїи сочиненія, однакожь кончипся пѣмъ, что просвѣщенные люди спанушъ почиташъ ихъ памяшниками жудаго вкуса.

. . . . Vos exemplaria Graeca

Nocturna versate manu, versate diurna (*).

Horat.“

Такъ заключилъ Вольперъ сужденіе свое о Кребиллоновой *Електрѣ*, которую надобно ему было унизить передъ своимъ *Орестомъ*, и на кошорую напададъ онъ подъ именемъ какого-шо Дюмолара. Намъ нужды нѣшъ въ соперничествѣ между Вольперомъ и Кребиллономъ; но есть нужда въ мыслихъ опышнаго крипика, когда онъ основательны и справедливы. Литтература наша въ такомъ состоянїи, что мы написанное Вольперомъ смѣло можемъ принаровить къ своимъ трагедїямъ. Оставимъ неумѣспную скромность, и пересчитавши извѣстнѣйшія Русскія трагедїи, спросимъ у самихъ себя: многіе ли наши спихопворцы слѣдуютъ пушемъ прославляемыхъ ими прагиковъ иностранныхъ? многіе ли учащя по образцамъ и правиламъ древнихъ? многіе ли даже почитаютъ за нужное разумѣшъ тѣ языки, посредствомъ кошорыхъ

(*) Т. е. Читайте Греческіе образцы и днемъ и ночью.

приобрѣтающся съ лезвяхъ рукъ свѣдѣнїя, необходимыя для писателя, и съ помощію коихъ Корнели, Расины и Вольперы обработали Французскую Трагедію? Увы, число ихъ весьма не велико! Къ стыду нашему справедливо даже и по, что нѣкоторые умышленно осперегающся отъ пишики Аристошелевой, какъ отъ заразительной болѣзни, и почипаютъ ее школою педаншсва! Чшожь отъ того происходишь? Въ каждой мѣсяцъ видимъ новыя трагедїи, шолько числомъ актовъ и раздѣленїемъ сценъ похожія на Расиновы.

Однимъ изъ самыхъ несчастнѣйшихъ почипаю нынѣ усиливающееся обыкновенїе украшашъ историческими лицами произшесствїя совсѣмъ неисторическія. Можно подумашъ, что сочинители трагедїи предполагаютъ всѣхъ зрителей своихъ или невѣждами, или надмѣру уже чувствительными, вошорыхъ всякая небылица удобно засшавитъ проливать слезы. Такой способъ сочинашъ трагедїи доказываетъ крайнее небреженїе о правилахъ искусства и о самыхъ источникахъ, откуда почерпающся прагическія басни. Первые стихошворцы, говоритъ Аристошель, пользовались безъ разбора всякою баснею, какая имъ попадалась: вынѣшнїя же наилучшія трагедїи сосшавлены изъ событїй, относящихся къ немногимъ

фамиліямъ, какъ-по Алмеона, Едипа, Ореста, Мелеагра, Телефа, къ фамиліямъ, въ которыхъ случились ужасныя происшествія. Такова и должна быть наилучшая трагедія, сочиненная по правиламъ искусства (*). Въ комедіяхъ, говоритъ тотъ же писатель, стихотворецъ сперва изобрѣшаетъ вѣроятное происшествіе, а потомъ уже придумываетъ къ нему названія лицъ по своему произволу: но въ трагедіи употребляются лица историческія; ибо зритель охотнѣе вѣритъ тому, что дѣйствительно случилось (**). Были и у древнихъ трагедіи, въ которыхъ все отъ начала до конца состояло изъ вымысловъ; были и пасты, въ которыхъ при историческихъ главныхъ лицахъ являлись вымышленныя: но ни въ одной хорошей трагедіи не переименовано главное историческое происшествіе; ни одинъ хорошій стихотворецъ не отваживался возставать противъ общей увѣренности и противъ преданій всѣмъ извѣстныхъ. Въ Електрѣ Софокловой и въ Еленѣ Еврипидовой ходъ дѣйствія не одинаковъ; не смотря на то, въ обѣихъ трагедіяхъ дѣйствіе направляется къ одной и той же цѣли. Расинъ не назвалъ своего Миридада царемъ Сирскимъ или Египетскимъ. Дѣйствующія ли-

(*) Пист. XII. 3.

(**) Тамъ же IX. 1. 2.

ца въ *Британникъ* изобразилъ онъ такъ-
ми, какими нашелъ ихъ у Тацита. Вели-
кодушнѣйшій поступокъ Августа сохраненъ въ
Корнелевомъ *Циннѣ*, какъ онъ описанъ
Сенекою. Слѣдствіе сраженія Гораціевъ съ
Куртіаціями почти во всемъ сходно съ опи-
саніемъ Тита Ливія въ Римской его исто-
ріи. Что я говорю? Корнели и Расины
сполько уважали событія историческія,
что въ самыхъ необходимыхъ и едва замѣ-
ныхъ несходствахъ старались оправдываться
передъ своими чинапелями, и показывали
причины, для которыхъ они были принуж-
дены опустить отъ исторической точ-
ности. *Заира* и *Альзира* суть трагедіи вы-
мышленныя; ни содержанія ихъ, ни лицъ
не должно свращать съ исторіею.

Ищу главнаго дѣйствія въ *Темирѣ* и
Ксеніи. Вотъ оно: Михаилъ Князь Пере-
яславскій, находящійся въ плѣну у Та-
таръ съ племянникомъ своимъ Всеславомъ,
съ племянницею Ксеніею и съ воинами
Россійскими, исполняетъ заговоръ, и осво-
бождаетъ всѣхъ плѣнныхъ изъ неволи.
Когда это случилось? При нашествіи Ба-
шыя на Россію. Гдѣ происходитъ дѣйствіе?
Въ станѣ брата Башыева Темира, при вше-
ченіи Казанки въ Волгу. Казанка впадаетъ
точно въ Волгу; чтожъ касается до глав-
наго дѣйствія и до лицъ, то вы напрасно

стали бы иснашь ихъ въ Русской Исторіи. Михаилъ Князь Переяславскій ешь брашъ Мстислава Галицкаго, убишаго будто бы Темиромъ! Ксенія захвачена Ташарами въ плѣнъ у врагъ Рязани и досталась Темиру, кошорой полюбилъ ее, и къ кошорому сама Княжна пылаетъ любовію! Баснословный Темиръ сей очарованъ Ксеніею до такой степени, что согласился освободить изъ подъ спражи всѣхъ Россіянъ, вопреки повелѣнію Башня, кошорой онъ береговъ Клязьмы прислалъ плѣнниковъ своихъ въ спанъ къ Темиру, для того чтобы здѣсь всѣхъ ихъ предашь мучительной смерти. Русскіе плѣнники вооружающся, напаяющъ въ распахъ на Ташаръ и побѣждающъ ихъ. Самъ Темиръ содѣлался жертвою своего слабоумія. Повсюрюю, что ни главнаго дѣйствія, ни эпизодической любви Ташарина и Россіянки, любви несбыточной, неправдоподобной и противной обычаямъ тогдашняго времени, совсѣмъ нѣтъ въ Русской Исторіи. *Quodcumque ostendis mihi sic incredulus odi.*

Выхваляя иностранныхъ писателей хорошихъ, а по несчастію иногда и худыхъ, мы рѣдко слѣдуемъ ученію первыхъ. Боало говоривъ прагматическому писателю въ своей Письмѣ:

Des siecles, des pays etudiez les mœurs
(ш. е. Обычаи вѣковъ и странъ узнать спарайся.)

Господинъ сочинитель *Ксеніи и Темира* исполнилъ сего важнаго правила. Дѣйствіе у него предполагается во время Башыева нашествия на Россію, слѣдственно не позже 1240 года. Прилично ли же влагать въ уста Темира шахія слова, которыхъ ни онъ, ни Башый, ни сопридники ихъ немогли произносить:

Се, сквозь завѣсу звѣзду
Пророкъ таинственный, великій Магометъ
Со огненнымъ мечемъ, въ сіяніи планетъ
Ты мнѣ мечтася.

Клянусь вамъ *луной*, клянусь самимъ *пророкомъ*

Пойду *въ мечеть* свершишь раскаянья обѣтъ

Башыевъ братья магомешанинъ! . . .
Здѣсь неболѣ правдоподобія какъ и въ *Соренѣ*, гдѣ господинъ прагивъ представилъ дѣйствія въ городѣ Полоцкѣ, а Полоцкѣ по его мнѣнію находишься въ землѣ Половецкой!

Другое замѣчаніе. Въ пятомъ актѣ предсказывается Ташарское кладбище. Темиръ увѣдомленъ о вѣрности Ксеніи; онъ садится на камень и говоритъ:

Я вѣсь, среди могилъ безмолвныхъ и священ-
ныхъ,
Гдѣ прахъ моихъ отцевъ, въ гробахъ уединенныхъ
Лежишь, скрываемый шайншвенною иглой.
и проч.

Песчаные курганы гробницъ Ташарскихъ, дремучій лѣсъ, ночь — все сіе подобрано для увеличенія ужаса. Мѣсположеніе ошвѣчаетъ сосшоянію Темирова сердца, раздраемаго ревностію и бѣшенствомъ. Но г. сочинитель забылъ, что Ташары недавно и въ первой шолько разѣ двились на берегахъ Казанки; что войско Башыево тогда не имѣло постояннаго шпановища, и что прахъ опцовъ Темировыхъ долженъ бы лежать не въ Булгаріи, а близъ предѣловъ Нишайскихъ.

Разговоръ дѣйствующихъ лицъ необходимо долженъ происходить на одномъ языкѣ. Предположишь надобно бы, что Русскіе и Ташары говорятъ или по Русски или по Ташарски; но сего предполагать нельзя, когда дѣло идетъ о двухъ народахъ, которые до того времени совсѣмъ незнали одинъ другаго. Сіе обшояшельство не могло бытъ выгодно для взаимной спрашной любви Темира и Ксеніи. Особливо же замѣтною оказываеясь вольность спихошворческая памѣ, гдѣ Темиръ чипаетъ

перехваченное письмо отъ Всеслава къ Ксеніи, писанное безъ сомнѣнія на природномъ Русскомъ языкѣ, непонятномъ для Тапариана. Зришель самъ готовъ даваться въ обманъ, доставляющій ему удовольствіе; но ему не нравилося, когда слишкомъ уже полагающіяся на его легковѣріе, проспирая спиношворческую вольность далеко за предѣлы вѣроятности.

Посмотримъ на слогъ прагедіи. Первый актъ начинается словами Ксеніи:

О братъ родителей! почтенный Михаилъ!
Всещедрый рокъ меня съ тобой соединилъ!
 И сердце Ксеніи несчастьемъ упомяну
 Теперь внезапною опрадой оживлено.

Ксеніа не назвала бы рока *всещедрымъ*, и даже не обратилась бы къ нему съ своимъ восклицаніемъ; *рокъ* и *Богъ* на языкѣ благоговѣйныхъ Россіянъ принадлежала въ на не были словами однозначительными. О *соединеніи* сказано здѣсь не къ спасенію, вмѣсто свиданія; Михаилъ и Ксеніа соединены были узами родства и находясь въ разлуку. Глаголь *оживлено* (есть) не можетъ быть рифмою къ употребленному причастию *упомяну*.

На спросъ: го Темиръ предлагаетъ дружбу свою Михаилу. Слѣдуетъ отвѣтъ Князя:
 Чего Темиръ желаетъ?

Чья сердце у меня? чья въ жилахъ кровь ша-
чешь?

Ташаринъ шы — я Россѣ! межъ нами друж-
бы нѣтъ. . .

Тем. Къ ордынцамъ жеств всегда ошѣ Рос-
совъ я внимаю

Ты знаешь, жизнью пубей я обладаю. . .

Тебѣ ли дружество Темира ошвергаешь?

Михаилъ, ни на что невзирая, сулишь
Ташарину злобу и презрѣніе, а упрямый
Темиръ продолжаетъ добиваться дружбы
Русскаго Князя. Оба они другъ друга непо-
нимають. Темиръ оканчиваетъ рѣчь свою:

Вошѣ правила мои . . . ихъ свяшо сохраняю;
Безчеловѣчїя въ душѣ я нежизнаю. . .

Онъ хошѣлъ сказать, что сердцу его
чуждо безчеловѣчїе, и сказалъ совсѣмъ по-
му прошивное. Какъ бы шо ни было, Князь
Михаилъ услышавши, что привели ошѣ
мѣстѣ *сокрѣдѣльныхъ* Россїи, шо ешь
ошѣ береговъ Клязьмы, побѣжденныхъ Ба-
ныемъ Россовъ (которые чувствами, какъ
бы *окаленѣя*, рѣшились на смершь), для
свиданїя съ ними уходишь со сцены, про-
шивъ воли своей *освнечный* дружбою Те-
мира.

Сокранимъ наши замѣчанїя и вообще
скажемъ, что въ сей прагедїи маловаж-
ныя грамматическія погрѣшности довольно

часто попадающся: на спр. 18 усѣченное причастіе *приведенны* употреблено за рифму къ глаголу *осуждены* (супсь); на спр. 21 й у имени *достойнъ* испорчено окончаніе для рифмы къ слову *слокоень*; на спр. 50 й *олжроемъ . . . услокоемъ*; на спр. 47 й и 49 говорящъ, что Ксенія съ однимъ плѣнникомъ вмѣстѣ *пулъ свершала*; на спр. 50 й Ксенія признается, что она съ плѣнникомъ *Россійскимъ вѣщала*, ш. е. разговаривала; на спр. 52 й Ксенія увѣряетъ Темира, что если голосъ ея *ночь гробну пролетилъ*, то онъ и тогда любовь къ нему провозгласитъ и ш. д.

Нѣжные любовники превращаются въ людскихъ шигровъ, узнавши, что ихъ обманываютъ. Темиръ увѣдомленъ объ измѣнѣ Ксеніи и о заговорѣ плѣнниковъ. Надобно вспомнить, что онъ на кладбищѣ:

Сгущайся ночи нѣма . . . буншуйше вѣпры
злобны.

Скрыпите древеса . . . мелькайте шѣни гробны!

О громы ярые! . . . и вы должны сѣбщишь

Кровава поржества участниками бышь.

Сверкайте молніи . . . во грудь мою разите

И пламенемъ своимъ овой пламень попушите,

О смерть! злощасныхъ другъ! . . . сѣбщи

ко мнѣ . . . предстанъ,

И хладною рукой въ горяче сердце грянь! . . .

Я слышу ошвы ошцевъ моихъ прясущся,

Унылы шѣни ихъ прясрся надъ мной несущ-

ся

Ужасно! ужасно! отъ страха я чувствъ было не забывъ замѣшивъ, что прагедія напечатана весьма неисправно, и что съ бѣднымъ правописаніемъ поступлено безъ всякаго милосердія. Т.

Ш. С М Ъ С Ъ

О Р у н а х ъ.

Рунами называются старинные, особливаго рода азбучные знаки, находимые въ наибольшемъ количествѣ въ Упландіи и въ другихъ Шведскихъ провинціяхъ, также въ Даніи и Норвегіи, въ Англіи, въ Сѣверной Германіи и даже въ Испаніи, на утесахъ, каменныхъ зданіяхъ, надгробныхъ камняхъ, идолахъ и иныхъ памятникахъ древности. Нѣкоторыя изъ нихъ очевидно заимствованы изъ Римской азбуки. Другіе же, а можешь быть и первые вмѣстѣ съ ними, вѣроятно суть оспашки особливаго письма, которое нѣкогда было употребляемо вообще всѣми Европейскими народами, но въ теченіе многихъ вѣковъ, по случаю переходенія народовъ и по причинѣ разнообразныхъ отношеній между ними, измѣнилось до чрезвычайности. Въ какое вре-

мя, какимъ народомъ, при какомъ случаѣ оно сперва введено въ Европу, и какъ изъ одной страны по другимъ распространилось, о томъ рѣдительно ничего сказать не можно; однакожь древность сѣверныхъ руническихъ надписей простирается не далѣе седьмага столѣтія по Рождествѣ Христовѣ. На камняхъ руническихъ нѣтъ никакихъ историческихъ записокъ; надобно въ прочемъ замѣтить, что языкъ въ нихъ по большей части невразумителенъ. Датскіе и Шведскіе испытатели древностей, жившіе въ семнадцатомъ вѣкѣ, на руническихъ камняхъ и на другихъ Рунами означенныхъ остаткахъ древности чаяли найти памятники исторіи человѣческаго рода до потопа, или по крайней мѣрѣ придали имъ несравненно болѣе древности; однакожь ихъ предположенія опровергнуты изслѣдованіями новѣйшихъ, и неосновательность оныхъ доказана. Въ Швеціи руническія буквы оставались въ употребленіи для надписей до четырнадцатаго и даже до пятнадцатаго вѣка, долгое время спустя послѣ того, какъ у Европейскихъ народовъ и у самыхъ Шведовъ для обыкновеннаго письма были введены буквы Латинскія.

(Изъ *Vers. e. kritisch. Liter. d. Russ. Gesch. v. J. G. Buhle.*)

Письма къ Издателю.

1.

За тридцать пять лѣтъ предъ симъ открылась у меня болѣзнь на правомъ плечѣ, въ видѣ обыкновенной бородавки, и сначала шакѣ

мале меня беспокоила, что я самъ едва ее замѣшилъ. Прошло нѣсколько лѣтъ; возгорѣлась революція; долгъ и честь призвали меня для защищенія вѣры и прона: но небо не позволило торжествовать сей несчастной ошоронѣ, и я удадся изъ опечесшва. Скипаясь изъ спраны въ спрану, я нигдѣ не находилъ спокойшвнн; на конецъ обрѣлъ его подѣ кропкимъ скипшромъ Россійскаго МОНАРХА. Благодаря небо, что привело меня въ Россію, и избралъ ее вторымъ ошечесшвомъ и поселился въ Кременчугъ; нажилъ шрудами пропитаніе, если не изобильное, по крайней мѣрѣ честное и надежное, и безъ ужаса встрѣчалъ спарость.

Между тѣмъ болѣзнь моя усиливалась и очень меня беспокоила. Я призвалъ медика, которой почелъ ее важною, и совѣщовалъ искашь помощи въ столицѣ. Но узнавъ, что обшпояшельства меня къ шому не допускающѣ, препроводилъ къ другому, которой обвѣявилъ болѣзнь мою ужаснѣйшею, *ракомъ*; однако взялся вылѣчшть посредшвомъ прижиганія. Я чувствовалъ боль несказанную, но терпѣлъ съ швердосншо дука; попомъ онъ рѣшился срѣзать наростѣ; продолжалъ прижиганіе, и наконецъ ошавилъ меня, умноживъ болѣзнь и спраданіе. Тогда я совѣщовался съ весьма многими докторами. Общее мнѣніе было вырѣзать съ корнемъ наростѣ: но всѣ подѣ разными предлогами ошказались ошѣ операци, и ни одно лѣкаршво ихъ не облегчало боли. Наконецъ я былъ въ столицѣ, и шамъ нецашелъ помощи. Нѣкоторые не совѣщовали мнѣ подвергашься шрудной операци, увѣряя, что рана моя далека отъ нѣжныхъ частей и не опасна для жизни: но я начиналъ уже чув-

спивовати противное. Боль спановилась нестерпима, слабость чрезмѣрна; медленная и непрерывная лихорадка изсушала меня, сонъ и сила оставили, бытiе мое разрушалось. Тогда я послѣ шестилѣтнихъ спраданiй прѣдался въ волю Вышняго, подкрѣплялъ себя вѣрою и ждалъ смерти, какъ блага, которымъ долженствовало прѣкратишь мученiе.

Но небо, искусивъ шерибнiе, сжалилось надо мною,¹ и послало мнѣ добраго и опытнаго Докшора *Гекшера*. Онъ смотрѣлъ за больницу, въ 300 верстахъ отъ Кременчуга, и по молвѣ былъ призванъ для пользованiя одного больного. При первой встрѣчѣ, я почувствовалъ къ нему довѣренность: но онъ не могъ долго оставашься, и мы расшались. Въ другой разъ послѣ долгой разлуки, онъ самъ нашелъ меня и изумился, увидя рану: съ благородною оцккровенностию изъяснилъ мнѣ состоянiе болѣзни, и совѣтовалъ испытать операцію, хотя уже опасную, но единственное средство къ спасенiю. Мы согласились, чшобъ я приѣхалъ къ нему въ деревню; но болѣзь мнѣ не позволила: онъ отвѣчалъ на письмо мое съ живѣйшимъ соспраданiемъ, и наконецъ 23 Сенября самъ ко мнѣ приѣхалъ. На другой день поущру, вѣдшъ съ другимъ и соирудникомъ своимъ Докшоромъ *Гофельдамъ*, онъ оперировалъ, и въ шесть минушъ (ужаснѣйшихъ въ моей жизни) вырѣзалъ наростъ почти въ шри фунта. При семъ случаѣ любезный *Гекшеръ* оказалъ чрезвычайную ловкость и искусство: я въ ту минушу почувствовалъ облегченiе; рана была величиною въ шарелку; а шеперь, благодаря Бога и его, она шолько въ палець шириною и въ полшора длиною. Все дѣкарство мое состояшъ въ сухой корши.

Вашъ, милосливный государь, исторія
моей болѣзни, которую прошу помѣстить въ
вашемъ Изданіи, надѣясь, что чтицатели ваши
примутъ участіе въ искусствѣ г-на Гекшера и
въ моей благодарности. Съ истиннымъ почте-
ніемъ къ вамъ честь имѣю быть и проч.

Гр. Де Молеонъ.

Января 24, 1811.

Кременчугъ

2.

Оставшись послѣ родившейся своихъ безъ
проницанія, безъ помощи и безъ надежды, съ
18 ми до 25 лѣтъ возраста моего я мучимъ
былъ жестокими болѣзненными припадками.
Въ дополненіе къ тому оказалась еще нестер-
пимая ломота въ рукахъ, а на костяхъ наро-
сты, и даже нарывы, кои по подживали, по
 снова появлялись. Въ такомъ состояніи при-
нужденъ я былъ отправлять секретарскую
свою должность въ Сызранскомъ Городовомъ
Магистратѣ. Къ вѣдиному моему благополучію
узнавъ я Господина Спашскаго Совѣтника Ва-
силья Борисовича Вешужева, живущаго неда-
леко отъ города Сызрани. Я рѣшился прибѣг-
нуть къ нему и рассказать ему всю исторію
удручающей меня долговременной болѣзни, о
которой прежде бесполезно совѣтовался съ
нѣкоторыми врачами. Сей благодѣтельной
мужъ принялъ меня къ себѣ въ домъ, поль-
зовалъ своими лѣкарствами и покоилъ на сво-
емъ иждивеніи. Чрезъ двѣ недѣли я получилъ
облегченіе и можно сказать воскресъ, такъ
что нынѣ почти нечувствую нигдѣ боли,
имѣю уже большую надежду наслаждаться жи-
знію и быть полезнымъ членомъ общества.

Таковыя благодѣнія Господина Беспужева многимъ уже возвратили здоровье. Даже поселяне, въ окрестныхъ мѣстахъ живущіе, находящѣ прибѣжище въ больницѣ его, гдѣ не требуешся платы ни за содержаніе, ни за лѣченіе. — Чѣмъ я могу воздасть такому великому благопворишелю? Убѣдительноше прошу васъ напечатаніемъ письма сего извѣстить всѣхъ своихъ читателей о чувствахъ безпредѣльной благодарности моей Господину Беспужеву, и шѣмъ подашь облегченіе душѣ моей. Имѣю честь бысть и проч.

Семень Саложниковъ.

Февраля 8, 1811.

Сызрань.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Национальный Инспишутъ Италіянскаго Королевства называется теперь *Институтомъ наукъ и художествъ*. Онъ имѣетъ пребываніе свое въ Медиоланѣ, а чепыре его отдѣленія находящяся въ Венеціи, Болоньи, Падубъ и Веронѣ. Шестьдесятъ членовъ сего Инспишуша пользуются жалованьемъ, каждый по 1,200 лирѣ. Число почешныхъ членовъ неограничено. На ежегодныя издержки Инспишуша опредѣлено 120,000 лирѣ.

*

Иффландъ, извѣстный Нѣмецкій актеръ, издавъ въ Берлинѣ свои *Разсужденія объ управленіи театрами*, въ кошорыхъ нынѣшній унадокъ Нѣмецкихъ театровъ, какъ по

жовляйственной часши, павъ и въ рассужденіи драматическаго искусства, приписываетъ онъ усилившейся охотѣ къ великолѣпнымъ зрѣлищамъ. Множество актеровъ, безъ которыхъ обойтись не лзя въ нѣкоторыхъ новыхъ представленіяхъ, пышныя декораціи, перемѣляемыя при каждомъ актѣ, а иногда и при каждой сценѣ, богатыя и странныя одежды, торжественныя шествія, и вообще шумъ и блескъ, господствующіе на Нѣмецкихъ театрахъ, по свидѣтельству Иффланда, привели ихъ въ самое невыгодное состояніе касательно денежныхъ оборотовъ. Сочинитель замѣчаетъ, и можеть быть справедливо, что такія представленія портятъ вкусъ и даже развращають нравы публики. Многие приспали ко мнѣнію Иффланда и защищають его весьма ревностно; другіе напрошивъ того оуждаютъ оное.

Книгопродавецъ Николай, недавно умершій въ Берлинѣ на 77 году своей жизни, принадлежишь къ доешопамятнымъ людямъ осмнадцатаго вѣка. Его неушомимой дѣятельности приписывать должно появленіе въ свѣтъ множества книгъ, содержащихъ въ себѣ дерзкія мысли, и распространившихъ нѣмныя мнѣнія въ Германіи. Съ 1764 по 1792 годѣ Николай былъ издавателемъ кристическаго журнала, подъ названіемъ *Всеобщей библіотеки*, кошорой давалъ поунъ всей Нѣмецкой литературы. Онъ издалъ много своихъ сочиненій, къ числу коихъ принадлежишь и его *Путешествіе по Германіи*. Николай былъ Докторъ Философіи и Членъ Академіи Берлинской. По обширной торговлѣ его и важности въ кругу ученыхъ, насмѣшники нѣ сатираки сво-

ихъ называли его *идоломъ философовъ и бо-
гомъ бумаги.*

Въ Берлинѣ вышла книжка: *Preussische
Blumenlese auf das Jahr 1811* и проч. ш. е.
Прусское собраніе цвѣтовъ на 1811 годъ.
Вошъ что объявляешся о ней въ Рижской *Га-
зетѣ литературы и художества*: „Серд-
це сѣбѣсяеши скорбію при возрѣвнн на сло-
весность Нѣмецкую. Нація видѣла великія
произшествія, и вѣрояшно увидишь еще боль-
шія. Тѣсныя обстоятельства времени пребу-
юшъ *людей*, разумѣя слово сіе въ полномъ
смыслѣ; пребуюшъ необыкновеннаго: но ли-
шерапура непоказываетъ ниже малѣйшихъ слѣ-
довъ, чшобы зрѣло оно, или даже по крайней
мѣрѣ возникало. Авторскія фабрики по пре-
жнему заняшы одними только бездѣлками. Книж-
ка сія составлена шудами *молодыхъ людей*,
кошорые предлагаютъ публикѣ опыны о ходѣ
своихъ чувствованій и о шорывахъ своего во-
ображенія. Нигдѣ не примѣшно голоса па-
тристическаго; нѣтъ ниже признаковъ пона
важнаго и важнаго, кошорой показывалъ бы,
что ошветесшво для нихъ что-нибудь зна-
чншъ!“ и проч.

Одинъ Французъ изъ Парижа, по имени
*Шарль „сони avantagement par son talent
d'imiter le ventriloque“* шакъ говоришь онъ
самъ о себѣ, объявилъ въ Берлинѣ о намѣре-
ніи своемъ въ два предшавленія показашъ опы-
ны своего искусства говорить брюхомъ. Для
него очищена большая зала Королевскаго ше-
антра; цѣна первыхъ мѣсшв назначена по ша-
леру. Такимъ образомъ на фиглярство обра-
щаетсѣ вниманіе, равно какъ на изящныя ис-

худства; но почему знаешь? можешь быть и его скоро почищать спанувъ изящнымъ художествомъ! Господиъ Шарль общается представишь небольшія сцены, въ которыхъ будешь говоришь тремя и даже четырьмя голосами. Онъ признается, что показываніе искусства его сопряжено съ великими трудностями. Не ужели чревоуобщаніе есть такое дѣло, которому научишься можно? Не ужели не зависнѣ оно отъ особеннаго строенія шѣла? Не ужели до сихъ поръ ни однажды не случалось анастомировать мершваго чревобасника?

Живописецъ Дабу, родомъ Французъ, недавно въ Лондонѣ выставлялъ на показъ свои картины, изъ коихъ на одной изображена сцена изъ оперы *Земира и Азоръ*, гдѣ чудовище разговариваетъ съ красавицею. Въ шестой день является нѣкто г. Бересфордъ, всматривается въ картину, и вдругъ разрѣзываетъ ее своимъ ножикомъ. Живописецъ жалуется въ судъ; но Бересфордъ доказываетъ, что Дабу изобразилъ банкира Гоге, своего благодѣтеля, съ которымъ онъ поссорился и которому вздумалъ опмешить сею жестокою насмѣшкою; что красавица очень походила на госпожу Гоге, а въ чудовищѣ нельзя не узнать банкира, ея мужа; что онъ Бересфордъ есть шурина его и приятель, и проч. Въ судѣ опредѣлено, чтобы онъ заплашилъ живописцу за картину пять фуншовъ шерлинговъ.

IV. ПОЛИТИКА.

О Вагабисахъ.

(Продолженіе.)

Осада Джедды. Нападеніе на Медину;
Вагабисы разбишы.

Доселѣ Вагабисы всегда побѣждали; но они находили неукрѣпленные города, и многочисленныя войска ихъ содѣлались спель спранны, что на ошкрышомѣ полѣ ничто не смѣлѣ имѣ сопрощивляшся, Джедда (*) окружена каменною стѣною, которую Ралебѣ и Шерифѣ Паша посшарались исправить. Непримиримая жестокость Вагабисовѣ приуждала жишелей ко храброй оборонѣ; дикіе войны должны были осшановишся передѣ городомѣ. Будучи вооружены только одними копьями и фишильными ружьями, совѣмѣ неумѣя владѣшь сими послѣдними, незная военной дисциплины и неимѣя поняшя обѣ искусствѣ осаждашь крѣпости, Вагабисы наступали на защищаемыхъ зубчашою стѣною своихъ непріятелей, которые мѣшко спрѣляя въ нихъ, поражали каждого по своему выбору. При всякомѣ напа-

(*) Городѣ Джедда лежишь на западной сторонѣ въ 6 миляхъ отѣ Мекки, за цѣпью горѣ на самомѣ берегу Чермнаго моря. Имѣя при себѣ хорошую гавань, онѣ производишь важную шорговлю съ Суецомѣ и съ Индією.

деніи Вагабисы проигрывали. Уныніе овладѣло ими; прилипчивая болѣзнь распространилась въ ихъ войскѣ, и Сеудъ нашелся принужденнымъ, снявши осаду, обратнo идти черезъ пустыню къ Дредегу.

Стойвши еще подѣ Джеддою, Сеудъ послалъ отрядъ войска своего къ Мединѣ (*), которой также не имѣлъ успѣха. Жители Медины сдѣлали вылазку, побили многихъ людей и прогнали осаждающихъ. Военачальникъ Вагабисовъ вздумалъ получить по хитрости, чего не могъ силою оружія. Онъ попросилъ отъ жителей свободнаго пропуска въ городъ двумъ своимъ чиновникамъ съ военною ихъ свитскою въ качествѣ посланниковъ; но сіе пребываніе неуважено. Тогда отправлено въ городъ письмо отъ Сеуда слѣдующаго содержания :

„Сеудъ объявляетъ жителямъ Медины, большимъ и малымъ, свое привѣтствіе. Моя воля состоитъ въ томъ, чтобы вы были истинными мусульманами, вѣровали бы въ Бога и спаслись. Въ противномъ случаѣ воздвигну на васъ брань смертоносную.“

Жители Медины, ободренные удачею опоры, отвѣчали угрозами же, и Сеудъ не могъ удовлетворить своего мщенія. Многія племена Аравійскія свергнули съ себя иго зависи-

(*) Медина лежитъ въ 45 миляхъ къ сѣверовостоку внутри Аравіи, и славна гробницами первыхъ Калифовъ; въ прочемъ городъ сей не столько значителенъ, какъ Джедда и Мекка.

ности, и соединились съ жипелями Джедды и Медины; но Мекка оставалась во власти Вагабисовъ.

Смерть Абдъ-Елазиса. Соединеніе Вагабисовъ съ Англичанами.

Приобрѣтеніе Мекки доставило Абдъ-Елазису титулъ *слуги священнаго Арама*, и онъ чрезъ то получилъ высокое достоинство во мѣстѣ Османовъ; но послѣдовавшія неудачи изгладили сіе выгодное для него впечатлѣніе, и распространившееся въ Дрейгѣ уныніе еще болѣе усилилось отъ новаго ужаснѣйшаго событія. Скоро по возвращеніи Сеуда, отецъ его Абдъ-Елазисъ умерщвленъ однимъ изъ своихъ домашнихъ приятелей. Это былъ дервишъ, по имени Курде, лишившійся трехъ сыновей своихъ во время кровопролитія въ Имамъ-Гуссейнѣ. Вознаившись отмстить, онъ вступилъ въ службу къ Абдъ-Елазису, и постарался войти къ нему въ милость. Въ одинъ день (12 Ноября 1803) случилось имъ только двумъ быть въ мечети; дервишъ воспользовался минутою, когда военачальникъ молился, и пронзилъ его своимъ кинжаломъ. Убійца осужденъ на сожженіе; однакожъ пламя пощадило сего мученика за исламизмъ (такъ говорятъ набожные мусульмане), и Сеудъ велѣлъ опрुбить ему голову.

Извѣстіе о смерти Абдъ-Елазиса немедленно разнеслось по всей Османской Имперіи, и въ мусульманахъ родилась надежда, что скопище Вагабисовъ должно истребится. Шерифъ Ралебъ однакожъ призналъ за нужно отправиться Чермнымъ моремъ въ Египетъ,

а опшуда въ Константинополь для испрошенія помощи у Поршы.

Правленіе досталось Сеуду по смерти ошца его, и онъ спалъ называвшьяся главнымъ военачальникомъ надъ Вагабисами. Носилась молва, что Паша Багдадскій былъ причиною смерти Абдъ-Елазиса. Въ концѣ 1803 года войско Вагабисовъ двинулось къ Багдаду, и опустошило окрестности Имамъ-Али. Однакожь Паша незамедлилъ собрать свое войско, и прогналъ Вагабисовъ.

Еще при жизни Абдъ-Елазиса Вагабисы просперли завоеванія свои по восточной сторонѣ Аравіи до Персидскаго залива, по которому плавали въ большомъ количествѣ мѣлкія суда ихъ, и перехватывали Индійскіе корабли всѣ безъ извѣстія, плывущіе въ Бассору, Абушеръ, Бендеръ-Абасси и другія Персидскія пристани. Англичане, которые изъ Остѣ-Индіи производили торгъ съ Европою черезъ Бассору, Алеппо и Константинополь, чтобы удержавъ Вагабисовъ отъ разбоевъ, выслали нѣсколько фрегатовъ, которымъ удалось разрушить одну ихъ крѣпость. Но какъ не было отъ того желаемыхъ слѣдствій; то по заключеніи мира съ Багдадомъ, находившійся тамъ Англійскій консулъ вздумалъ опправить посольство къ Абдъ-Елазису, и просилъ напередъ о свободномъ онаго пропускѣ. Къ нему присланъ законическій отвѣтъ: „Я получилъ письмо швое. Пока живу въ мирѣ съ Багдадскимъ Пашею; до шѣхъ поръ для швоего посольства будешь свободной пропускъ.“

И дѣйствительно Абдъ-Елазисъ далъ спрощенія повелѣнія всѣмъ племенамъ необижаши

Англійскихъ посланниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ ограбленъ, и виновный Арабъ немедленно преданъ смертной казни. Абдъ-Елазисъ приказалъ Англійскія письма обогреть кровію преступника, и пошомъ отослалъ ихъ въ Багдадъ къ консулу.

Но такая выгодная для Англійскихъ посланниковъ безопасность прекратилась, какъ скоро Сеудъ сдѣлался главнымъ правителемъ. Англійскія письма были перехватываемы въ Персидскомъ заливѣ и въ пустынѣ, и прежне сообщеніе совсѣмъ пресѣклось, или по крайней мѣрѣ сдѣлалось труднымъ.

Первое нападеніе Вагабисовъ на Бассору. Смерть Имама, владѣльца Маскаши.

Между тѣмъ какъ Сеудъ распространялъ ужасъ на берегахъ Персидскаго залива, владѣнія его простирались часъ отъ часу далѣе. На южной сторонѣ Персидскаго залива лежатъ владѣнія Имама Маскапскаго, на сѣверной городъ Бассора. Имамъ то ссорился, то мирился съ Вагабисами, и едва могъ сопротивляться симъ опаснымъ сосѣдамъ. Онъ хотя и не былъ побѣжденъ ими, однакожъ не могъ избѣжать зависимости.

Сеудъ сперва направилъ путь къ Бассорѣ. Городъ сей лежишь, разстояніемъ въ тридцати часахъ отъ сѣвернаго конца Персидскаго залива, на правомъ берегу Евфрата, который, соединившись при ономъ съ Тигромъ, течетъ подъ именемъ рѣки Аравійской. Постоянное разливаніе рѣки сей, хотя не столь обширно какъ Нилъ, дѣлаетъ песчаные берега ея плоде-

носными. Они покрыты финиковыми деревьями, коихъ плодъ составляетъ лучшую пищу Аравиянъ и важнѣйшую отрасль ихъ торговли. Во времена Калифа въ Бассора была богатѣйшимъ городомъ; но подъ владѣнiемъ Турковъ она наполнилась развалинами, и содержитъ въ себѣ небольшое количество домовъ кирпичныхъ,

Сеудъ двинулся къ Бассорѣ въ 1803 году. Турки думая, что онъ послѣ неудачъ лишился своей бодрости, и ужаснулись, когда узнали, что Вагабисы находящяя уже при Евфратѣ въ 12 тѣ миляхъ отъ Бассоры. Въ пяти миляхъ отъ Бассоры къ югу лежатъ Цеберъ, а отъ него въ недалекомъ разстоянiи находится каменная крѣпость, значительная по ключевой водѣ своей. Цеберъ почитается щипомъ Бассоры. Вагабисы вознамѣрились ночью въ расплотъ напасть на городъ; но жители, увидѣнные паникой, успѣли вооружиться, а Вагабисы расположились надъ каналомъ, соединяющимся съ Евфратомъ, и обложили Цеберъ. По несчастiю весь гарнизонъ погибъ отъ загорѣвшагося порохового магазина; не смотря на то жители города отразили приступъ неприятелей, и Вагабисы отправились искать въ Бассорѣ того, чего получить не могли въ Цеберѣ. Оставленное для облежанiя Цебера войско захватило шейка Мансура, брата Цеберскаго губернатора. Сеудъ умѣлъ склонить своего плѣнника къ тому, чтобы отъправилъ отъ себя нарочнаго къ брашу; но губернаторъ остался непреклоннымъ: приказавъ отрѣзать у нарочнаго уши, онъ отослалъ его съ презрѣнiемъ.

И Бассоры также не могли покорить Вагабисы; за то они опустошили окрестности

города и берега Евфратскія. Такимъ образомъ окончилось сіе предприятие, по тому особливо что Багдадскій Паша, получившій военные припасы изъ Алеппо и Дамаска и безпрестанно подущаемый Персидскимъ Шахомъ, неутомимо приготавливался къ неприятельскимъ дѣйствіямъ противъ Вагабисовъ.

Сеудъ же съ своей стороны готовился напасть на Маскашу, и сіе предприятие его возбуждало вниманіе на всемъ востоку. Маскаша есть главный городъ одного Имама, котораго владѣнія простираются во внутренность и до береговъ Счастливой Аравіи. Она лежитъ при морѣ между утесами, и имѣетъ прекрасную гавань. Въ окрестности нѣтъ ни деревъ, ни кустарниковъ; горячіе пески и утесы ослабляютъ зрѣніе; права и даже мохъ высыхаютъ отъ зноя. Но жители сей страны добрые люди, съ чистыми нравами; тамъ видна древняя простота временъ папріаршескихъ; ни днемъ ни ночью дома не запираются, и никогда ничего не пропадаетъ. Сямъ добрымъ людямъ угрожали ежедневно Вагабисы, коихъ главное ополченіе стояло подъ Бассорою, а малые отряды разсыпались въ стороны южной. Еслибъ Паша Багдадской успѣшилъ вытѣснить съ войскомъ своимъ, то Сейедъ, тогдашній Имамъ Маскашы, уцѣлѣлъ бы. Но Паша, предложивши самъ помощь свою, отказался дѣйствовать наступательно, и Сейедъ прервалъ всякое съ нимъ сообщеніе, хотѣлъ пристать къ Сеуду и грозился даже напасть на Бассору съ пятнадцатью своими кораблями, буде жители не заплащутъ ему 100,000 піастровъ за щепыныя приготвленія. Етошъ Сейедъ былъ захваченъ на морѣ прои-

водившими разбой Аравитянами племени Алги-пазонъ, и убишъ въ сраженіи съ ними 10 Ноября 1804 года; со смертію владѣтеля сего Маската утратила независимость свою на нѣкоторое время.

Военныя приготовленія Багдадскаго Паша противъ Вагабисовъ.

Почти въ самое время смерти Маскатыскаго Имама Али Паша выступивъ изъ Багдада, остановился въ Гиллагъ съ 50,000 своего войска, 25,000 вспомогательнаго, и значительною артиллеріею. Все сіе приготовлено имъ въ двухлѣтнее время.

Гиллагъ лежитъ на югозападной сторонѣ отъ Багдада при Евфратѣ близъ развалинъ древняго Вавилона. Казалась почти невѣроятною возможность черезъ обширную песчаную степь переправить многочисленное войско, воду, съѣстные и военные припасы и тяжелую артиллерію; сіи препятства и дѣйствительно удержали до конца 1804 года Али-Пашу въ Гиллагъ.

Въ началѣ 1805 отправилъ онъ Солимана-Бея и 400 отборныхъ воиновъ, дабы развѣдать о дорогѣ черезъ пустыню. Фарисъ Джерба, начальникъ одного кочующаго близъ Гиллага племени Вагабисовъ, доброхотствующаго Туркамъ, вызвался быть ихъ пушеводителемъ, но за недостаткомъ воды оставилъ свое предприятие. Потомъ посланы въ пустыню и другія отдѣленія, изъ коихъ одно истреблено Вагабисами, а прочимъ удалось спастись бѣгствомъ отъ неприятелей. Послѣ сего безполезныхъ начинаній Али-Паша отправился

назадъ къ Багдаду. Вся прибыль отъ сего похода состояла въ томъ, что нѣкоторыя племена, опасаясь угрозъ Сеуда за слабое ихъ поведение, присоединились къ Пашѣ Багдадскому.

Покореніе Медины. Поступки съ поклонниками.

Абдъ-Ель-Вагабъ проповѣдывалъ строгое ученіе, и самъ былъ примѣромъ воздержанія. Рескошь изгнана была изъ военного стана и жилищъ Вагабисовъ. Они не знали другихъ потребностей, кромѣ необходимыхъ. Самъ Абдъ-Елазисъ, уже распространивши свои владѣнія и наконецъ покоривши себѣ всю Аравію, пребылъ вѣрнымъ исполнителемъ закона, и обладая великими богатствами, жилъ очень просто. Сеудъ получилъ въ наслѣдство могущество его, но не доблести.

Во дворцѣ его блистала Азіяшская роскошь, до тѣхъ поръ неизвѣстная въ Дрегеѣ. Явились Индійскія матеріи и пребогатыя утвари. Одна епанча Сеудова стоила 200,000 пиастровъ. Съ пышностію восточныхъ государей Сеудъ перенялъ и нравы ихъ. Къ братьямъ своимъ не имѣлъ онъ никакой довѣренности, и недопускалъ ихъ къ участию въ правленіи; за то уже преданъ былъ всею душою одному иностранцу, кошорой сѣялъ раздоръ въ его семействѣ, и кошорой имѣлъ власть визирскую, хоша и не носилъ на себѣ сего титула. Сеудъ презиралъ всѣхъ своихъ ближнихъ, слѣдовавшихъ правиламъ простоты; обижалъ ихъ и даже грабилъ. Онъ ошивалъ у мачихи своей прекрасныя сады, кошорыя ей принадлежали.

Сеудъ вознабрился опять дѣйствовать на берегахъ Чермнаго моря, которые поспыдно долженъ былъ въ 1801 году оставить. Правда что Мекка, охраняемая гарнизономъ, все еще находилась въ его власти; но смерть Абдъ-Елазиса и дальнее разстояние Дрейга отъ сего города очень ослабили подчиненность въ жителяхъ Мекки.

Извѣстно, что Мекка въ великомъ у Мусульманъ уваженіи. Каждой магометанинъ непременно обязанъ побывать въ ней хотя одинъ разъ въ жизни. Ежегодно стекается туда множество пилонниковъ изъ Азии и Африки. Восточные палgrimы собираются въ Дамаскъ, а западные въ Каиръ. Тамъ составляются караваны, которые переходя обширныя степи, торговыми сношеніями соединяютъ отдаленную Индію съ предѣлами Африки. Оборона сихъ каравановъ есть священная должность Турецкаго Султана, которому сверхъ того приносятъ она и великіе доходы,

Покореніе Мекки Вагабисами было страшнымъ ударомъ для Порцы. Она старалась угрожать Вагабисамъ изъ Джедды, и для того послала туда Пашами искусныхъ и опытныхъ воиновъ, которые могли бы защищать и караваны. Но ни одинъ изъ нихъ не отважился дѣйствовать насупательнo. Кромъ того съ отправленнымъ въ 1803 году караваномъ въ Мекку поступлено жестокииъ образомъ. Каждой путешественникъ долженъ былъ заплатить восемь піасровъ! поспыднѣйшее, неслыханное прищѣненіе! Для различія между Аравіянцами и Османнами, Сеудъ приказалъ брать двойную пошлину съ послѣднихъ, которые и по

уже за великое для себя счастье должны были почтись, что ихъ впустили въ Мекку. Въ прочемъ Сеудъ незапрещалъ приходишь въ Мекку на богомолье, которое обогащало казну его.

Въ 1804 году Порша, желая опшратить столь важное неудобство, поручила начальство надъ караваномъ Пашѣ Дамасскому, и возвела его на шрешью степень государственную, на степень Емирѣ - Гаджій, по ешь Князя пильгримовѣ. Надлежало сию должность ввѣришь чловѣку опышному и швердому, кошорой умѣлъ бы хитрою полишикою приобрьшь шо, чего не могъ бы досташь силою оружія. Выборѣ палъ на Пашу Ибрагима. Онѣ родился въ Алепо, и въ молодости своей былѣ погоньщикомѣ муловѣ. Неумѣя грамотѣ, онѣ рѣдкими своими дарованіями и преданноштію Поршѣ достигѣ высокой своей степени. Ибрагимѣ Паша въ 1804 году повелѣ караванѣ свой изѣ Дамаска, и благополучно прибылѣ съ нимѣ въ Медину. Городѣ сей тогда не былѣ осажденѣ Вагабисами; но Сеудѣ пресѣлѣ издали сообщеніе между нимѣ и другими частями Аравіи. Ибрагимѣ Паша помогѣ нуждающимся жителямѣ, и продалѣ имѣ часть принадлежавшихѣ каравану сѣспныхѣ припасовѣ. Опшуда опправился онѣ къ Меккѣ, и поклонниковѣ недопустилѣ плашиться Сеуду никакой пошлщины; за шо самѣ попребоваѣ опѣ нихѣ гораздо большую сумму, и пильгримы на бѣду свою узнали, что находяшся подѣ защиною такого корышполубца, кошорой для нихѣ былѣ несноснѣ Вагабисовѣ.

Емирѣ Гаджій возвращаясь обратно черезѣ Медину, опашь удѣлилѣ жителямѣ нѣсколько

сѣбѣстныхъ припасовъ, съ которыми однакожъ не могли они долго защищаться. Въ концѣ 1804 года они отворили Сеуду городскія во-роша.

Покореніе Медины нанесло смертельный ударъ Турецкому могуществу въ Аравіи. Въ 1805 году въ начальники каравана назначенъ Абдалла Паша, которой за четыре года прежде былъ въ Меккѣ. Онъ собралъ въ Дамаскѣ свое собственное войско, и недоходя Медины, совершенно разбилъ Вагабисовъ. Но между тѣмъ какъ воины его грабили побѣжденныхъ, подоспѣлъ сильный непріяшельскій корпусъ, и принудилъ Пашу къ отступленію. Медина охраняема была слабымъ гарнизономъ, которой не противился вшествію пильгримовъ, а только потребовалъ отъ нихъ большую подать.

Сеудъ, находившійся тогда въ Дрейгѣ, предусматривалъ, что присутствіе Емира Гаджія въ Мединѣ будетъ имѣть слѣдствія невыгодныя, и чтобы отвлечь ихъ, произвелъ голодъ. Сѣбѣстные припасы были чрезвычайно дороги, когда Абдалла всунулъ въ Медину. Жители приняли его не какъ избавителя своего, но какъ виновника шерпимыхъ ими бѣдствій. Путешественники обыкновенно въ Мединѣ перемѣняютъ своихъ муловъ для облегченія пушки черезъ пустыню. Новые погонщики на другой же день убѣжали съ мулами и съ поклажею, и сей великій убытокъ служилъ предзнаменованіемъ еще большихъ бѣдствій для каравана. Пришедши въ Мекку, онъ долженъ былъ заплатить 100 мѣшковъ пошлины, и сверхъ того съ cadaго путе-

шестивенника потребовано по 10 пiасшровѣ; на конецъ Вагабисы взяли по 10 же пiасшровѣ за каждую скотину и по 7 пiасшровѣ за каждой ценшнерѣ поклажи,

Поклонники обязаны посѣпипѣ гору Арафатѣ, находящуюся близъ святаго града. За восхождение на оную караванѣ долженѣ былѣ заплашпѣ 100 мѣщковѣ, и сполькоже за спиеспивіе внизѣ. Вообще Сеудѣ выдумалѣ множеспво предлогѣ кѣ собиранію денегѣ, и поклонники освободились онѣ пошлинѣ не прежде какѣ дошедши до пуспыни.

Раздраженный Абдалла помышлялѣ о мщеніи, но не могѣ ни на что опшважипѣся по причинѣ своей слабоспи. Ему удалось найши вѣ пуспынѣ Аравійскихѣ погонѣщипковѣ, которые прежде ограбили караванѣ его; онѣ многихѣ умерщпилѣ, а достпальныхѣ обрашилѣ вѣ бѣгспво; но скоро насшигла его многоцисленная шолпа Вагабисовѣ, и принудила заплашпѣ еще 600 мѣщковѣ за дозволеніе переправипѣся черезѣ одну рѣчку,

Сеудѣ велѣлѣ объявипѣ Абдаллѣ, что впредѣ не пропусчипѣ онѣ ни одного каравана, пшеспешспвующпго подѣ покровищелспвомѣ Сулшана Турецкаго; что онѣ самѣ хочешѣ быпѣ покровищелемѣ каравановѣ, и для того общпается высплпшѣ часть войска своего вѣ Мезеридѣ, городѣ лежащій вѣ разсппннн 24 часовѣ онѣ Дамаска кѣ югу. Онѣ спакже запрешилѣ пшеспешспственникамѣ имѣнѣ при себѣ музыка, какѣ прежде было, и шпшпые ковры, которые шоржеспшвенно были возимы вѣ Мекку.

Тщешныя нападенія Вагабисовъ на Имамъ-Али, на Цеберъ и на Семаву.

Вся Аравія была подъ властію Вагабисовъ; одна только Джедда сопротивлялась. Сеудъ запретилъ упоминашь въ молитвахъ имя Турецкаго Султана, и замѣнилъ оное своимъ собственнымъ. Онъ зналъ, что родственники его недовольны имъ за худые съ ними поступки, и потому, чтобы уничтожить партіи и утвердить власть свою, объявилъ преемникомъ себѣ Абдаллу, старшаго своего сына, котораго на первой случай отправилъ съ многочисленнымъ войскомъ противъ Имамъ-Али. Въ 1806 году Абдалла подступилъ къ стѣнамъ сего города, гдѣ совсѣмъ не вѣдали объ угрожающей опасности. Вагабисы чаяли удобно одержать побѣду надъ жишелями и получить себѣ значительную добычу.

Имамъ-Али есть городъ, въ стѣнахъ коего находится священная гробница. Абдалла подступилъ къ нему ночью, и нашелъ спящую стражу; ворота однакожъ были замкнуты. Вагабисы вошли на стѣну съ помощію альпинистовъ; уже поставили на ней свои знамена; уже одинъ изъ предводителей въ произнесенной крашкѣ рѣчи къ войнамъ общалъ имъ грабежъ и приказывалъ убивать всѣхъ жишелей. Радостныя восклицанія Вагабисовъ разбудили часовыхъ, которые ударили тревогу. Всѣ жишели сбѣжались и напали на Вагабисовъ. Темнота ночи увеличивала замѣшательство, и Абдалла, изумленный столь нечаяннымъ сопротивленіемъ, ошшутивши, распозналъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города. Онъ имѣлъ намѣреніе днемъ снова напасть

жа жищелей; однакожь рано поушру самъ принужденъ былъ обороняшсья прошивъ одного многлюднаго племени изъ Месопотаміи, предводительствуемаго своимъ шеикомъ. Вагабисы были совершенно разбиыты, и потеряли болѣе ста человекъ на мѣстѣ сраженія.

Абдалла, сильно огорченный сею неудачею, вздумалъ поправить ее нападеніемъ на Семаву, городъ лежащій на правомъ берегу Евфрата. Но жищели были въ самомъ безопасномъ состояніи, такъ что надлежало прислупить къ осадѣ, а Вагабисы совсѣмъ не разумѣли сего дѣла. Послѣ многихъ бесполезныхъ приступовъ, потерявши болѣе 1000 человекъ, Абдалла нашелся принужденнымъ и опшуда опшлупить съ посрамленіемъ.

Дорогою вздумалось ему еще разъ испытать счастье свое въ области Паши Багдадскаго. Онъ услышалъ тогда объ одержанной опщемъ его Сеудомъ побѣдѣ въ Мединѣ и надъ пилигримами въ Меккѣ, захопѣлъ самъ хопя однажды бытъ побѣдителемъ, и напалъ на Цеберъ. Уже въ третій разъ были Вагабисы подѣ симъ городомъ; однакожь и шеперь нашли шамъ худую удачу.

Сеудъ по видимому смолрѣлъ равнодушно на походы своего сына. Али - Паша собралъ тогда войско свое на Персидскихъ границахъ: время сіе казалось благоприятнымъ Сеуду для новыхъ предпріяшій прошивъ Бассоры, которая была бы для него весьма полезна выгоднымъ своимъ положеніемъ при Персидскомъ заливѣ и обиліемъ плодовъ финикс-

выхъ; однакожь вниманіе его обратилось на приготовленія, дѣлаемыя Турками въ Дамаскѣ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

Обозрѣніе заграничныхъ происшествій.

По извѣстіямъ, полученнымъ въ Лондонѣ изъ Испаніи, слышно, что Французскія батареи произвели страшныя дѣйствія въ Кадиксѣ. Бомбы упали среди города и всѣхъ привели въ ужасъ. Испанской гарнизонъ оказалъ мало дѣятельности; Англичане примѣнили по, и почидаютъ невозможную оборону крѣпости, ежели Французы успѣютъ занять мѣсто между городомъ и островомъ Леонъ. — Осаднымъ войскомъ при Кадиксѣ начальствуетъ Дюкъ Беллунскій. Дюкъ Далматскій съ осадною артиллеріею выступилъ изъ Севиллы къ Бадайоцу, для осажденія сего города и для соединенія съ Княземъ Есслингскимъ. Арагонская армія готовившаяся осадить Валенцію. Капалонская армія обступила Террагону.

Въ Вѣнѣ Императоръ продолжаетъ заниматься финансами и трудится вмѣстѣ съ Графомъ Валлисомъ. Денежной курсъ почти въ прежнемъ состояніи. Военной департаментъ имѣетъ мало упражненія. Уже болѣе неговорятъ и о движеніи войскъ по новому назначенію. Предписанныя реформы произ-

ведены въ дѣйство. Теперь вниманіе Кабинета усмѣрено на дальнѣйшія распоряженія, предложенныя Графомъ Беллегардомъ. Графъ Меттернихъ опредѣленъ въ Кураторы Академіи художествъ.

✱

Въ Саксоніи дѣла Сейма производятся тайно: однакожъ извѣстно, что онъ занимается вознагражденіями для потерпѣвшихъ убытки въ минувшую войну, доходами для содержанія войска и для жалованья гражданскимъ чиновникамъ, облегченіемъ жребія бѣдныхъ и народнымъ просвѣщеніемъ. По случаю собранія Чиновъ государственныхъ въ Дрезденѣ теперь жизнь очень весело.

✱

Въ Баваріи торговля съ Турецкими провинціями черезъ Боснію и Иллирію становится часъ отъ часу живѣе и обширѣе.

✱

Въ республикѣ соединенныхъ областей приводящъ къ концу занятіе Флориды; остается взять одну крѣпость, къ которой посланъ уже отрядъ войска. Извѣстно, что Соединенныя области опоздали своего министра изъ Лондона. „Причиною опозыва, такъ написано въ Алфредѣ; полагается то, что Англійское правительство до сихъ поръ не прислало въ Соединенныя Области дипломатическаго чиновника равнаго чина; однакожъ очень ясно, что республика благоприятствуетъ Франціи“ и проч.

✱

Въ Буеносъ - Ерѣ и въ Хили изданы отъ тамошнихъ Юншъ манифесты, въ которыхъ описываются мѣшежи, распространившіеся во

востадной части Америки. Наиболѣе важно то, что страны, которыя почитались приверженными къ Испаніи и отъ которыхъ надѣялись получить 20 милліоновъ пиастровъ подати, свергли съ себя иго зависимости. Такимъ образомъ Мексика послѣдовала примѣру Каракаса, Буеносъ-Ера и Хили. Думашъ надобно, что и вся Испанская Америка отдѣлится отъ Королевства. Въ Лимѣ по 23 Іюля все было спокойно; но пространство отъ Санта-Фе до Мексики представляешъ позорище кровопролитій. По извѣстіямъ изъ Вера-Круза отъ 31 Октябрия, въ Мексикѣ былъ ужасной мятежъ: природныя жители возстали противъ Испанцовъ Европейскихъ. На островѣ Кубѣ также вспыхнуло сильное волненіе; губернаторъ и судьи брошены въ тюрьму и угрожаемы были смертію; Архіепископъ острова начальствуешъ надъ мятежниками. Непосредственно за шѣмъ учреждена Юнта въ Порте Дель Принципе, главномъ городѣ острова.

(Изъ *Merc. de France.*)

1 Марта.

У в ѣ д о м л е н і е .

Полученныя Издашелемъ отъ неизвѣстной Благотворительной Особы 50 рублей и отъ Марьи Васильевны Г. . . . вой 30 рублей отправлены въ Карачевъ ко вдовѣ, Титулярной Совѣтницѣ Аннѣ Андр. Яновской (Вѣст. Евр. 1811 N 4 стр. 324).

Надворная Совѣшница Поликарпова, по требованію неизвѣстныхъ своихъ благодѣтелей, оказавшихъ ей великодушное пособіе, препоручила Издашелю Вѣшника Европы симъ увѣдомишь ихъ, что она теперь живетъ Курской Губерніи, Щигровскаго уѣзда, въ селѣ Озерномъ.

*

Вдовствующая Пасторша Вильгельмина Бауршмишъ (Вѣсп. Евр. 1810 N 21 стр. 71) желаетъ довести до свѣдѣнія великодушныхъ своихъ благотворителей, что присланныя къ ней деньги, изъ Бр. при письмѣ 28 минувшаго Ноября отъ П. К. 25 рублей; и изъ Заславя въ Декабрѣ конвертѣ безъ письма съ 25 ю же рублями, получены ею исправно. Сверхъ того господинъ П. Леванда извѣстиль Издашеля, что упомянушая Пасторша получила *сто пятьдесятъ* рублей отъ неизвѣстнаго своего Благодѣтеля, назначившаго ей эту сумму въ ежегодную пенсію. „Мыб, какъ сосѣду своему — пишеть почтеннѣйшій мужъ къ Издашелю — говорила она о полученіи денегъ сихъ, о небесномъ сердцѣ Благотворителя своего, и поручила увѣдомишь васъ. Глубокихъ чувствъ благодарности ея, оказывавшихся на глазахъ, орошаемыхъ слезами, бывъ очевиднымъ и очасливымъ свидѣтелемъ, я не могъ не мыслишь, что счастливо Ошечество, гдѣ родяся щаковыя сердца подашелей и принимашельницъ, когда жребій послѣднихъ содѣбался неминуемымъ.“

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 6. МАРТЪ 1811.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А .  
~~~~~

Отрывки изъ писемъ Иоанна Миллера къ Карлу Бонслеттлену.

Женева, 26 Дек. 1774.

Я здоровъ теперь совершенно. Всѣ мои болѣзни и тѣлесныя и душевныя единственно происходятъ отъ скуки, а скучно бываетъ мнѣ только тогда, когда я не на своемъ мѣстѣ; настоящее же мѣсто мое — обаянія дружбы, или спокойный учебный кабинетъ. Ты правъ, мой Карлъ; занятіе и дружба — въ нихъ заключено все мое счастіе; онѣ однѣ могутъ сдѣлать меня полезнымъ свѣту. Живость характера моего не можетъ согласоваться съ медлительнымъ ходомъ форшуну; самыя добродѣтели мои были бы для меня источникомъ несчастій: я мучился бы душой, видя ве-

личіе недостойныхъ, моральную слабость сильныхъ и порожество людей пресмыкающихся и ничтожныхъ. Я чувствую, что несравненно легче достигнуть и къ счастію и къ спокойствію, и къ истинному величію путемъ наукъ, и что одинъ епохъ путь можешь быть мнѣ приличенъ. Макіавель и честолюбіе владѣли нѣсколько мѣсяцевъ моею душою — они ее поршили; исторія, тайная хроника нѣкопрыхъ нынѣшнихъ Дворовъ, Боннепъ, сердце Бонспешпена, мои Шотландцы и Англичане меня исправили, и я опять возвратился къ добродѣтели. Немогу описать того спокойствія, той веселости, той восхищительной гордости духа, копорыя почерпаю я въ философїи.

Обхожденіе съ людьми не попому единственно мнѣ прїятно, что доставляетъ мнѣ новыя свѣдѣнія; нѣпъ, Бонспешпенъ! я нахожу въ немъ истинное счастіе: общество Трамблея, Боннепа, Клансона; тайная сила чувства привязываетъ меня къ ешимъ людямъ. Англичане любятъ меня отъ всего сердца, и жертвуютъ мнѣ своимъ временемъ весьма охотно. Трамблей между прочимъ вызывается познакомить меня въ Англїи съ тѣми людьми, копорые особенно могутъ мнѣ быть полезны.

Какъ ты думаешь, Бонспешпенъ!
Avec un bon esprit on a beaucoup de rei-

ne à être bon homme (съ умомъ нельзя имѣть добродушія) шы, который знаешь Боннепа! Не говори же: que les études donnent des défauts au caractere (ученье поршишь характеръ) это несправедливо; но вошь что неоспоримо: краснорѣчивые проповѣдники романической философіи, или мечпаній политическихъ, дѣлають песноснымъ для молодыхъ людей свѣтъ, ибо они дають объ немъ самое ложное понятіе; а молодыхъ людей для свѣта, ибо они не могутъ быть употреблены имъ въ пользу. Омъ ешаго должно предохранить насъ знаніе частныхъ, подробныхъ исторій и постоянное стремленіе заслужить похвалу отъ тѣхъ людей, которыхъ бы мы хотѣли имѣть друзьями.

Въ субботу сбѣдалъ я у нашего Генерала. И видѣ и характеръ ешаго человека меня пѣвняютъ; мнѣ весело на него смотря, и сердце мое полно довѣренности, жегда я его слушаю. У него нашель я господина Ц. . ., который написалъ полшую книгу объ основаніяхъ законовъ; она печашается въ Голландіи. Нельзя бытъ холоднѣе ешаго человека; два дни, проведенные въ его обществѣ, заморозили бы мою душу. Мы говорили о полишикѣ; онъ нападаеть на Монпешье за то, что онъ слишкомъ основываетъ мнѣнія свои на исторіи: желаю

знать, на чемъ иномъ могутъ онѣ бытъ основаны? Онѣ утверждаютъ, что просвѣщенный Монархъ не можетъ сдѣлать несчастнымъ своего народа. Но Фридриха, я думаю, не лзя назвать невѣждою. . . .

Переселеніе народовъ, случившееся въ пятомъ вѣкѣ, приготовлено Домиціаномъ, и едва ли не Августомъ. На воспоки Кнѣзайцы выгнали Гунновъ изъ сѣверныхъ предѣловъ своей Имперіи; Гунны сдвинули съ мѣста своихъ сосѣдей, которые по же сдѣлали съ своими, и наконецъ Ерманериковы Гошфы, во время Императора Валентина, явились на берегахъ Дуная. Сраженіе, происшедшее въ отдаленномъ Кишаѣ, сдѣлало Визиготовъ владыками Испаніи, Дириха посадило на Кесаревѣ шронѣ, и наконецъ насладо на насѣ грознаго Аппилу.

Съ другой стороны Марбодъ хотѣлъ повелѣвать независимою областію, и когда онѣ перешелъ въ Моравію, по въ Швабію бросился мѣлкой народъ, *levissimus quisque Gallogum* — и ешо были истинные наши прародители; они завладѣли Швейцарією, разсѣялись до Кельна; прошивъ ихъ и Римлянѣ образовался въ Вестфаліи оборонительный союзъ, называемый союзомъ Франковъ. Онѣ покорила Галлію и низпро-

вергъ Аллемановъ. Но Германцы въ то время жили не прудами, а хищничествомъ. Морскіе разбой покорили Генгсшу, Роллону и Рогеру Англію, Нормандію и обѣ Сициліи. Наконецъ явился великій человекъ; онъ вшоргся во львиную пещеру — Карлъ великій побѣдилъ Вашикинда. Попомъ образовалась Имперія въ Германіи. Какихъ движеній народныхъ невидимъ мы въ ешо время? и ешу чудесную испорцію буду на сихъ дняхъ проходитьъ съ Кинлохомъ.

Почта еще не опозшла. Имѣю время прибавить нѣсколько спрокъ, и скажу шебѣ, что размышленіе показало мнѣ, сколь невѣрны науки, копорыя все подводящъ подъ правила общія и подвергающъ насъ шѣмъ неудобствамъ, копорыя ны въ послѣднемъ письмѣ своемъ вообще на счещъ всякой науки слагающъ. Общая умозрительная полишика и произшествія безъ подробностей имѣли на меня весьма вредное вліяніе, и были начальною причиною моей удивительной неосновательности. Вниканіе въ дѣла, копорыя особенно до насъ насающся, и наблюденіе за человекомъ какъ въ общежитіи, такъ и въ запискахъ историческихъ, самыхъ подробныхъ и обстоятельныхъ — вошъ средства, могущія служить къ исцѣленію нашему отъ ешой болѣзни.

Съ начала Испорія была запаснымъ маг-
виномъ пышности, необходимой для упра-
вленія двами народовъ; но съ той мину-
ты, въ которую она обратилась въ испор-
цію всеобщую, и съ той минуты, въ кото-
рую идея общія овладѣли нашими мысля-
ми, истинная польза ея исчезла. И такъ,
Боншешпенъ, тотъ способъ ученія, о ко-
торомъ я говорилъ выше, почишаю несрав-
ненно полезнѣе всѣхъ *общихъ* наукъ: ме-
тафизики, всеобщей испоріи, общей пол-
птики и тому подобныхъ. Прости.

Женева 1775.

Епошъ Руссо доказалъ мнѣ одну ве-
ликую и мало обдуманную мною исти-
ну — важность и всемогущество краснорѣ-
чія. Вся мыслящая Европа имъ восхищае-
ся. Посмотри на нихъ: не всѣ ли они (вы-
ключая однихъ соотечественниковъ его)
спояшъ передъ нимъ на колѣняхъ? и чему
же отъ него научаются? — Ничему, со-
вершенно! Они обожаютъ его только за то,
что онъ владѣетъ словомъ, какъ богъ Юпи-
теръ своими громами. Такъ, Боншешпенъ,
и я ополчу себя ешимъ оружіемъ. Со време-
ни переселенія народовъ до Еразма лепеша-
ли одни младенцы; отъ Еразма до Лейб-
ница писали; отъ Лейбница до Вольпера
умствовали; я буду — говорить. На на-
шихъ Альпійскихъ высотахъ напишется громъ

и раздается по всѣмъ каншионамъ; въ ихъ
иъдрахъ зараждающся Рейнъ и Рона; съ вели-
чественнымъ ревомъ мчашся они по уше-
самъ союзниковъ и прошекающъ потомъ по
низкимъ долинамъ Германцевъ и Белговъ. А
нашъ языкъ, мой другъ! для чего подобни-
ся онъ болѣе шумному Шшауббаку, кошо-
рый осыпаетъ насъ влажною пылью, не
попрысая нашего сердца? Германцы кошашъ
поражашъ; но ихъ пошокъ спремился по
камнямъ, и пошъ, кто предаешъ себя его
волнамъ, или оспаешся неподвиженъ посреди
ушесовъ, или бываешъ разорванъ на части.
Неподалеку отъ моей родины свергаешся
Рейнъ съ высоты въ 80 фушовъ; когда восхо-
дишъ солнце, то пѣна влоочущихъ волнъ
сѣяетъ какъ радуга — нѣшъ силы, копорая
могла бы съ нимъ боролся — рыбы, суда и
все, дерзающее приближиться, увлекаешъ онъ
быстро ужаснымъ порывомъ; пушешествен-
никъ шеряешъ присупслывѣ духа и при-
ближавшся къ нему съ содроганіемъ. Цице-
ронъ, Квиншиліанъ и ешшъ водопадъ он-
крывающъ мнѣ, каково должно бытъ ис-
шинное красворбчѣе. Я раздѣляю работы свои
на два класса. Каждый день чешыре или
пяшъ часовъ пишу исторію; менѣ нельзя:
или надбно будешъ совсѣмъ онказашся
отъ сна, чшобъ кончишъ ее въ надлежащее
время; ошальные часы посвящаю великимъ
орашорамъ, лишперашуръ изящной, и во-

обще произведеніямъ вкуса или великаго гевія. Между классическими испориками предпочитаю шанихъ, которые описывали революціи народовъ, которые въ одно время изображали и человека и общество, которыхъ оригинальный характеръ могъ бы способствовать мнѣ въ образованію моего собственнаго. А ты, мой другъ, ты долженъ быть для меня Геніемъ-хранителемъ; осперегай меня, когда я или пропущу чтонибудь необходимое, или чтонибудь сдѣлаю лишнее; отъ всѣхъ другихъ желаю похвалы: отъ себя, моего друга, и самое неодобреніе было бы для меня драгоценно!

Завтра наши Англичане дадутъ балъ — я буду на этомъ балѣ. Хотя и неимѣю позанятія о музыкѣ, хотя и съ большимъ неудовольствіемъ смотрю на танцы, но видѣнь лица мнѣ очень приятно, а ещо заставляешь меня посѣщать иногда и концерты и балы.

Избави Богъ республики наши отъ папріотизма! Гамильтонъ боится размышленія, которое вредно его слабымъ нервамъ. И наши республики спржадушъ нервическими бодрзнями: продолжительное спокойствіе разслабило ихъ мускулы, и пламенная кровь, кипѣющая на сраженіяхъ при Мортарпенѣ и передъ Мурпеномъ, совер-

шенно остыла. Тиверій, желая увѣрить, что смерстный часъ его еще далеко, блъ болѣе обыкновеннаго, и епо причинило ему смерть: такъ почно и неумѣренность въ напруіопизмъ можетъ быть гибельною для нашего опечества, для котораго теперь всякое излишнее напруженіе силъ опасно.

Ты говоришь: *Les sociétés se conduisent au hasart et sans plan* (гражданскія опщества управляются случаемъ и дѣйствуютъ безъ плана). Монпешье, которому конечно не одно гражданское опщество было знакомо, говоритъ напрошивъ: *Que dans cette infinie diversité de loix les hommes n' étaient pas uniquement conduits par leurs fantaisies.* (Несмотря на безконечное разнообразіе законовъ, нельзя сказать, чтобы люди въ поступкахъ своихъ слѣдовали единственно своимъ прихотямъ.)

Нынѣшній годъ долженъ имѣть великое вліяніе на всю мою жизнь. И помоги мнѣ Богъ! Мнѣ надобно вооружиться всѣми моими силами. 13 Января вспунилъ я въ шопъ возрастъ, въ которомъ Исаакъ Невшопъ опкрылъ великія шайны природы. Но кто въ епомъ году опкроешь мнѣ шайну гражданскихъ опществъ и человекка? Да будетъ же надо мною благодѣтельная звѣзда швоей дружбы!

Воскресенье.

Вчера безжалостно поступилъ я съ нашимъ Жанъ-Жакомъ; но я продолжаю чистить его съ прилѣжаніемъ.

И планы мои и занятія сдѣлали для меня въ нынѣшнемъ году необходимыми сочиненія Италіанскихъ геніевъ и мыслящихъ Англичанъ, копорыя вообще предпочитаютъ красивымъ бездѣламъ эпоху блестящей націи бабочекъ, къ копорой Монпескье принадлежитъ однимъ только шѣломъ. И характеръ и свлонность и самыя занятія привязываютъ меня къ шѣмъ, who when they speak or write seek the substance et leave the sing, or medium of sonveyance to such as Pope called: *word catchers that live on syllables*. (копорыя — и въ разговорѣ и на письмѣ ищутъ одной только сущности, а знаки, способы выраженія, оставляютъ такимъ людямъ, копорыхъ Попъ называетъ: *ловцами словъ, живущими на слогахъ*.)

Винкельманъ, Лебрешъ, жизнь Кромвеля, *Historia della casa dei Medici* — эти книги ты долженъ прислать мнѣ какъ можно скорѣе. Въ Сульцерѣ неимѣю нужды. Какое мнѣ дѣло до его непонятныхъ отвѣщеній и мерзвой теоріи? Лучше

познакомь меня съ своимъ Гремъ : Геній ешаго человека приводитъ меня въ восхищеніе съ твоихъ поръ, какъ знаю, что онъ, подобно мнѣ, первыми въ свѣтѣ испориками называетъ Макіавеля и Тацитъ, и ближайшее къ нимъ мѣсто даетъ великому Канцлеру Кларендону.

Боннетъ находить въ тебѣ всеобщимъ другаго человека ; онъ никогда не воображалъ, чтобы ты могъ имѣть такую силу и такую крѣпкія нервы. Слогъ твой сдѣлался выразительнѣе и опредѣленнѣе. Но онъ приказываетъ тебѣ писать ко мнѣ по Нѣмецки, дабы нѣсколько болѣе приобрести навыка въ етомъ языкѣ ; а мнѣ приказываетъ судить тебя безъ пощады и не прощать тебѣ ни одной погрѣшности. Бюффона слогъ не почищаетъ онъ совершеннымъ ; онъ вызывается доказать на письмѣ , что періоды его весьма, весьма необработаны. И я съ своей стороны не желаю имѣть такого (слога ; хочу имѣть собственнѣй, отъ всѣхъ другихъ отличный. Что же значить длинная твоя диссертація объ етомъ предметѣ ? Не хочешь ли, чтобы я покорилъ себя игу Сульцеровыхъ правилъ ? Или слѣдовать правиламъ, или предписывать правила ! или быть кописомъ, или быть образцомъ ! Геній , Бонстеттенъ , Геній одушевляють слогъ ; но мертвое слово правилъ всеобщимъ

безполезно! Совѣтъ швой раздѣлишь мое время между замяштемъ и обществомъ гораздо благоразумнѣе прежняго швоего совѣта: бышь Филиппомъ Шпангомомъ, а не Юмомъ.

Кинлохъ, 19-лѣшній, проникательнаго, пламеннаго генія молодой человекъ — чистое, незнающее никакого пришворства сердце — говоришь мнѣ: „я еще недавно знакомъ съ вами, Миллеръ, но уже начинаю имѣть къ вамъ уваженіе; несмотря на то, хочу цѣлый годъ васъ разсмашивать, дабы позволишь себѣ назвать васъ моимъ другомъ.“ — Черезъ недѣлю потомъ сказалъ онъ: „Миллеръ, правила мои не позволяють мнѣ дать вамъ имени *другъ*, но я нешерцѣливо желаю еще сдѣлать, и я увѣренъ, что мы со временемъ будемъ друзьями!“ — О Бонспешпенъ, любезнѣйшій сердцу моему человекъ! вошь люди, кошорыхъ привязанность должна бышь моею наградою, моею славою, моимъ счастьемъ!

Женева, суббота, ночью. 1775.

Я опложилъ Руссо, и наслаждаюсь божественнымъ наслажденіемъ въ обществѣ Цицерона, счастливѣйшаго изъ лучшихъ людей, когда бы онъ оспался вѣренъ музамъ и не жертвовалъ нѣсколькими годами жизни своей пишригѣ.

Полно собирать и записывать! надобно обогащать себя правилами: какъ дѣйствовать во всѣхъ обстоятельствахъ жизни; всего важнѣе на свѣтѣ смотрѣть на вещи съ истинной точки зрѣнія — тогда понятія дѣлающіяся ясны, а слогъ благороденъ и простъ. Я почти пересталъ писать примѣчанія: всѣ эти записки дѣлаютъ умною одну бумагу, и образуютъ не человека, а писателя. Несчастливы пошлы другъ, несчастлива па спрана, которыхъ другъ и правитель во время нужды — собственной или чуждой — должны прибѣгать къ своимъ извлеченіямъ и выпискамъ; на что собирать такія сокровища, которыхъ могутъ погибнуть въ волнахъ, сгорѣть въ огнѣ, которыхъ одна опрокинутая чернильница можетъ уничтожить? И отъ чего философы обыкновенно такъ худо управляютъ общимъ дѣломъ? Отъ чего въ наше время гении такъ рѣдки? Не отъ того ли, что Гомеръ и Шекспиръ для приобретенія безсмертія не имѣли нужды въ компиціяхъ, не умерщвляли фоліантами своего духа? Будемъ замѣчать, глубоко вѣрзувать въ душу свои замѣчанія, и рѣдко записывать ихъ на бумагу. Мудрость и истинное достоинство свободного человека, одареннаго Гениемъ, должны быть въ немъ самомъ, и пиранны, которые гнетутъ или хотятъ угнести Европу, не шоль ужасны

своими приписаніями, какъ и въкошорые наши предразсудки и зашруднишельныя привычки.

Письма швои всегда меня восхищаютъ, особливо когда *ты* говоришь въ нихъ со мною. И въ самомъ дѣлѣ, человекъ, кошорый, съ такимъ геніемъ, какой имѣешь ты, учился и наблюдалъ нѣсколько лѣтъ, долженъ имѣть большой запасъ замѣчаній; а я швои замѣчанія, могу называть моими, и ешо избавляешь меня оцѣ прудной работы, оцѣ шяжкой пошери нѣсколькихъ лѣтъ драгоценной жизни. И шакъ прошу тебя, Бонспештенъ, ошперегай меня всегда, какъ скоро замѣлишь, что мои планы и перемѣны мои въ планахъ неразумишельны или неправильны! Дружба состоишь въ сліянїи, въ свободной мнѣ всѣхъ правилъ, мнѣній и чувствѣ. Какая мнѣ польза, что другъ мой и лучше меня и благоразумнѣе, когда онъ вмѣстѣ съ собою и меня не дѣлаешь благоразумнѣйшимъ и лучшимъ?

Бессингенъ

Ты созданъ бышь другомъ моего сердца — шакъ сходны наши мнѣнія о многихъ важнѣйшихъ предметахъ человѣческой жизни.

Скажи мнѣ въ двухъ словахъ, что именно не нравится тебѣ въ Чесперфильдѣ?

Бернскіе спашушы доказывають мнѣ, что нація наша, въ печеніи нѣсколькихъ вѣковъ спокойствія, почти ничего не сдѣлала для своего усовершенствованія; что никакой public spirit не оживляетъ ее; что ни одна изъ республиканскихъ ея конспирцій не дѣлаетъ ей чести, и что я непременно долженъ помѣстить въ моей исторіи главу: *объ учрежденіяхъ Гельветовъ, имѣющихъ предметами счастье цѣлой націи*, прибавивъ къ тому замѣчаніе, что всѣ сія учрежденія могли бытъ усовершенствованы только *большою дѣятельностію въ народныхъ собраніяхъ, большимъ патриотизмомъ въ членахъ совѣта и въ гражданахъ*. Бургундская война представляетъ мнѣ съ одной стороны варварство нашихъ почтенныхъ предковъ, въ большой противоположности съ образованностію Италіанцевъ: бѣшеная жестокость нашего народа, съ миролюбивыми городами, державшими спорову своихъ владѣльцевъ, приводитъ меня въ содроганіе. 18 Ломбардцевъ, взятыхъ въ плѣнъ и брошенныхъ въ пламя за ихъ *безвѣріе*, развалины прекраснаго города Шеффлеса, бездна кровопролитія и хищничества, Италія преданная огню и мечу, Елисейскіе сады Миланцевъ, Римлянъ и Неаполистанцевъ, опустошенные Альпійскими медвѣдями — все ещо вопіетъ о мщеніи противъ

сихъ варваровъ. Не думай однако, чѣшбы я не находилъ ничего извинительнаго для такихъ жестокостей, приводящихъ въ шредѣль; но признаюсь тебѣ, чѣшо безразсудныя крикуны, копорыя безпрестанно превозносятъ высокїя добродѣтели нашихъ праощевъ, выводятъ меня изъ шерпнїя!

Енциклопедїя (*) кажешся мнѣ источникомъ низпроверженїя Французской Мо-нархїи. Всѣ внушрєннїя безпокойшва, про-изводящїя вредныя общему благу союзы, обыкновенно происшекающѣ ошъ такихъ людей, копорыя почишающѣ себя свѣдущи-ми въ полишкѣ и наукѣ правленїя; но въ самомъ дѣлѣ смонрѣли на одно шолько цѣ-лое безъ зрительнаго спекла собшвенной опышности, и немѣя поняшїя о по-дробношяхъ, оную производящихъ. Ми-нисшрѣ, занимающѣ важными предмешиами го-сударшва и немѣя времени для при-обрѣшенїя полнаго поняшїя о ремеслахъ, можешъ съ великою для себя выгодною чи-пашъ Енциклопедїю; напрошивъ шакое чше-нїе поселяешъ въ голову ремесленника вре-дную идею, чѣшо и онѣ имѣешъ право бышъ преобразштелемъ государшва; и я почишаю весьма важнымъ ограничшшь разпроспра-шенїя знанїй пошерношныхъ или общшхъ,

(*) Писано въ 1775!!

ибо они необходимо вредятъ естественному ходу частной, приватной жизни. Сте- по незнаніе подробностей прежняго време- ни заставляють нашихъ демагоговъ кричать о простотѣ прародительской и ею восхи- щаться. Свѣденія поверхностныя произвели у Французовъ (которыя, надобно замѣтить, передъ всѣми народами Европы опличаются поверхностными знаніями) сихъ декламаторовъ, имѣющихъ даръ говорить много и не сказать ничего, и по презрительное для меня *нѣчто*, которое называютъ они жаромъ (*chaleur*) — *жва*, которая *жажени* мнѣ заразила нѣсколько и нашихъ молодыхъ людей. И съ своей стороны желаю первое, что- бы они, осмерегаясь своей чувствительности, своего воображенія, не предавались спремле- нію этой лавы краснорѣчиваго звука словъ, бесплоднаго, хопя и согрѣвающего сердце; второе, чтобы ты и меня въ случаѣ нуж- ды осмергалъ отъ этой заразы; и третье, чтобы мы оба спрашились противоположной болѣзни, которой многіе бывають подвержены: я называю ее жаркою прива- ванностию въ хладнокровію, сужостию, важ- нымъ бездушіемъ.

Разсмаприваніе частнаго увѣряетъ ме- ня, что слово *полюшка* почти не имѣетъ смысла; что каждая земля имѣетъ соб- ственную, и что дѣя земли не могутъ

имѣшь одной и той же полишики; что Англичанинъ имѣешь полное право непринимать конспитуціи Бернца, который такое же право имѣешь перевозосить ее, уврѣненъ будучи въ то же время, что она для другаго кансона была бы погибелью. Прости, Бонспештенъ — скорбе отвѣтивъ, и ради Бога помни, что ты единственныи другъ моего сердца. Ж.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Нижегородская Елегія.

Вечоръ былъ я во Поднавѣ во селѣ,
 Сшоялъ съ милой на широкомъ на дворѣ;
 Другъ на друга засмотрѣлися глаза,
 Рѣзко бились решивыя въ насъ сердца,
 Кровь молодая разыгралась на щекахъ.
 Ахъ! не все вѣдь имъ въ горячихъ рдѣшь слезахъ!

Горя много поперѣбли мы съ побой,
 И слеза изъ глазъ кашилась за слезой;
 Любовь нашу почишающъ люди зломъ:
 Богъ ихъ судишь! — что намъ въ мнѣннн чужомъ?

Какъ цвѣточка на песчаныхъ нѣтъ степяхъ,
 Такъ и чувсва въ нечувствительныхъ душахъ.
 Чувсва даръ живишь ли каменны шѣла?
 А безчувсвенный — гранишная скала!
 Мы накажемъ ихъ желѣзныя сердца,
 Клядву сохранимъ до смершнаго вѣнца;

Мы покажемъ, что умѣемъ вѣрны бытъ ;
 Мы покажемъ, что есть пламенно любить !
 Нѣтъ шой власти въ мѣрѣ, силы нѣтъ такой,
 Чтобъ могло насъ разлучить, мой другъ, съ
 шобой.

Ты всегда моя; и въ дальней споронѣ
 Будешь думать, сокрушаешься обо мнѣ.
 Съ грустью мрачною одинъ шеперь сижу
 И въ шу сторону, гдѣ милая, гляжу:
 Что ни вижу, все мнѣ счастье шамъ дарить;
 Все, что встрѣхнися, о Танѣ говоришь.
 И любезная родная спорона,
 И она шеперь не радуешь меня.
 Ты шо сдѣлала, любезная, со мной,
 Что и въ ней я буду горькимъ сиротой.
 Когда весело на сердцѣ решивомъ,
 Тогда кажешся и ночь намъ краснымъ днемъ ;
 А когда его кручина шягошишь,
 Тогда бѣднаго ничто не веселишь.
 Меня горе разбудило на зарѣ ;
 Вѣшерѣ воешь на ушесистой горѣ,
 Темный лѣсъ шумишь, бушуешь отъ него ;
 Онъ подобенъ спрашти сердца моего.
 Съ шумнымъ крикомъ пшицы вились высоко,
 Блекли лисня, разлешались далеко ;
 Гулъ унылой мрачной осени свистишь,
 На природу смерть косою своею грозить ;
 Вѣшерѣ буйный, вѣтрѣ осенній, шумовой,
 Унеси шы груешь несносную съ собой,
 Вырви чувшво шы изъ сердца моего ;
 Грустно жишь ему безъ друга своего !
 Какъ весною солнце все собой живишь,
 Такъ любовь ея меня живешворишь !

Окшября 1, 1810.

Н. Н. Городъ.

П Ъ С Н Я .

Перестану лиру помну
Къ пѣснямъ спроишь навсегда ;
Буду грусьшъ пишашъ безмолвну :
Пустивъ она со мной одна: —

Кѣпо живешъ въ разлукѣ съ милой ;
Бѣлой свѣшъ тому не милъ ;
Бродишь шопъ съ душой унылой ;
Средь людей ; какъ средь могилъ :

Нѣшъ ее — и льющся слѣзы ;
Видъ природы всей увялъ ;
Съ ней — душистѣй были бѣ розы ;
Съ ней — свободнобъ я дышалъ .

Споишь Надинкѣ прелестной
Улыбнушься и взглянушь ;
Ахъ ! одинъ сей взоръ чудесной
Можешь жизнь въ меня вдохнушь :
Октябръ 1 ; 1810 .

Б — въ

На заданныя слова :

Что пышностьъ въ мѣрѣ семъ ? Ничто — одна
лишь тлѣнность ,
Прямого счастья не дастъ намъ серебро :
Мѣрскія почести безъ добрыхъ дѣлъ суть
бренность .
Тѣмъ славенъ больше всѣхъ , кто дѣлаетъ
добро . —
П . 3 — свой .

Мысль Сируса

На бѣдной сей землѣ кто можетъ быть до-
воленъ?

Кто здѣсь счастливъ, спокоенъ?
Преступниковъ — законъ спрашивъ;
Невинному — судьба грозитъ.

М. В — съ.

Упрекъ и оправданіе.

Смѣюся всѣ, что я на лирѣ
Пою лишь пѣснь одной Темирѣ;
„Прекрасныхъ много, говорящъ:
„Возьми въ примѣръ Аглаю, Лиду,
„Ельмину, Сильфію, Филлиду,
„Имъ всякой день спихи даящъ.“

Пускай поешы лицемѣрящъ;
Пускай красавицы имъ вѣрящъ.
Для всѣхъ несшану я игращъ;
Хочу всегда на шихой лирѣ
Бренчать лишь пѣснь одной Темирѣ —
Прияшно скромношь воспѣващъ!

„Но развѣ скромныхъ мало въ свѣшъ?
„И въ Линѣ, Лесбїи, Лизетѣ
„Довольно скромности найдешь;
„Иль страшенъ такъ къ своей Темирѣ,
„Что ты во всемъ пространномъ мірѣ
„Подобной ей не подберешь?“

Ахъ, вѣшъ, подобныхъ много въ свѣтѣ.
И въ Линѣ, Лесби, Лизетѣ
Примѣшна скромноснѣ всегда;
Но пошъ, кто въ рности желаетъ,
Ужель какъ бабочка лепаетъ
На розу съ розы? — никогда.

*

И вопшъ за чѣмъ на пихой лирѣ
Пою лишь пѣснѣ одной Темирѣ.

А. Маздорфъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Сокращенное начертаніе Риторики ().*

Определеніе и свойство Риторики.

У древнихъ Риторикою называлась наука хорошо говорить (*Ars bene dicendi*).

(*) Писанное передъ симъ за четыре года для студентовъ. Подробнѣйшія правила преподаны изустно; а здѣсь они приведены къ главнымъ своимъ началамъ и помѣщены на немногихъ страницахъ, для того чтобы,

di), которая содержала въ себѣ правила единственно для ораторовъ, произносившихъ рѣчи въ судилищахъ и предъ народомъ. Въ наше время Риторика почитается также за науку о краснорѣчїи; но краснорѣчїе имѣетъ нынѣ обширнѣйшее значеніе: у насъ Риторика учитъ располагать и выражать мысли ясно, красиво, прилично каждому роду сочиненій, и вообще содержать въ себѣ ученіе о языкѣ и слогѣ. Но здѣсь Риторикѣ мы принимаемъ, по разумнѣю древнихъ, единственно за *науку о краснорѣчїи или вилїйствѣ*.

Краснорѣчїе или вилїйство есть вообще способность убѣждать, и въ особеннсти навыкъ сочинять и произносить рѣчи передъ собранїемъ, и преклонять ими слушателей на свою сторону. Сїе бываетъ двоякимъ образомъ: 1 е, когда проспо предлагаемъ какую-либо истину, и склоняемъ слушателей согласиться со мнѣнїемъ нашимъ; 2 е, когда возбуждаемъ въ слушателяхъ учасїе, приводимъ въ движеніе сердца ихъ и покоряемъ волю; словомъ, когда заставляемъ слушателей рѣшиться на все, чего ни потребуемъ. И такъ въ первомъ слу-

такъ сказать, однимъ взглядомъ можно было окинуть всю науку и удобнѣе удержать въ памяти составъ ея и расположеніе.

набъ мы только *удословляемъ*; во вопро-
сомъ *убѣждаемъ*. Страніе *убѣдиль* оспа-
непся щещнымъ, если предваришельно
слушатель не *увѣренъ*, что мы говоримъ
правду.

Исторія вишѣйша.

Человѣкъ отъ природы имѣетъ способ-
ность *убѣждать*, которою и пользуется въ
общешитіи при удобномъ случаѣ; но упошреб-
лять сію способность на дѣла государствен-
ныя онъ можетъ только тамъ, гдѣ общество
управляется соединенною властію многихъ
гражданъ, и гдѣ нужно склонять многихъ
людей къ одному намѣренію. Въ государ-
ствахъ монархическихъ всѣ повинуются
волѣ одного правителя; по сей причинѣ въ
древнихъ государствахъ Азіи краснорѣчіе
было неизвѣстно.

Оно явилось въ видѣ искусства не преж-
де какъ сосзавились Греческія республики,
въ которыхъ общественныя дѣла были рѣ-
шаемы по большинству голосовъ.

Въ упомянутыхъ республикахъ обще-
ственное краснорѣчіе, питаемое благопри-
ятными обстоятельствоми, часъ отъ часу
возрастало, и наконецъ достигло, а осо-
бливо въ Аѣнахъ, до высочайшей степе-
ни совершенства.

Краснорѣчіе процвѣтало въ Греціи лѣтъ полшорасна, начиная отъ эпохи Мараѳонскаго сраженія (за 490 лѣтъ до Р. Х.) до Александра Македонскаго. Въ продолженіе сего времени въ Аѳинахъ особенно прославились вишійшвомъ: *Перикль*, *Лизій*, *Исократъ*, *Есхинъ*, а наиболѣе *Димосеень*, которой отъ всѣхъ древнихъ и новыхъ ученѣйшихъ криптиковъ единодушно признавъ въ достоинствѣ первенствующаго вишійа.

Греція почти въ одно время утратила и независимость свою и краснорѣчіе. Деметрій Фалерскій почитается послѣднимъ вишійею. Риторы и софисты унизили краснорѣчіе, которое у нихъ превратилось въ пустословіе.

Кромѣ образцовъ Греческаго краснорѣчія, до насъ дошли сочиненія, содержащія въ себѣ драгоцѣнныя правила, коими весьма полезно руководствоваться и въ наше время, не смотря на великое различіе между вишійшвомъ древнимъ и новымъ. Отъ Аристотеля оспалась при книгѣ о Риторикѣ. Сей знаменитый мудрецъ положилъ прочную основу наукъ вишійшва, доискался до самыхъ началъ ея, показалъ, что Логика есть основаніе Риторики, и что быль краснорѣчивымъ значить не иное что

какъ умѣшь убѣждать. Все что касается до прехъ родовъ вишѣйшва (*), до спрашей и нравовъ, до употребленія и выбора метафоръ, достойно особливаго вниманія. Риторы, жившіе послѣ Аристотеля и писавшіе о сей наукѣ, обыкновенно основывали свое ученіе на его системѣ. Сочиненія Димитрія Фалерскаго и Діонисія Галикарнасскаго, а особливо послѣдняго, также достойны чтенія.

Первовышныя Римляне по грубости нравовъ своихъ долгое время не рабѣли объ искусствѣ краснорѣчія, занимаясь только военными дѣлами. На послѣдствѣ и у нихъ появились ораторы: *Гракхи* (**), старшій *Катонъ*, *Антоній Крассъ* и *Гортенсій*; *Цицеронъ* всѣхъ ихъ превзошелъ и природными и приобретенными способностями. Онъ былъ величайшій и послѣдній изъ ораторовъ Римскихъ. При новомъ правленіи истинное краснорѣчіе исчезло; оспало только нѣкошорое подобіе онаго въ судебныхъ мѣстахъ и въ училищахъ. Однакожъ Плиніево похвальное слово Траяну есть драгоценный оспашокъ Римскаго краснорѣчія, хотя и не принадлежитъ оно къ злашому вѣну Лапинской словесности.

(*) Объ нихъ смотри ниже.

(**) За 120 лѣтъ до Р. Х. Тиберій и Кай.

Цицеронъ сочинилъ нѣсколько прапшпшовъ о Вишійспвѣ. Особливаго примѣчанія доспойны книги его подѣ названіемъ: *Объ Ораторѣ* и *Ораторъ къ Бруту*. Въ прочемъ и всѣ его сочиненія до сей часши опносіяціяся подающъ высочія мысли объ искусствѣ краснорѣчія, и поселяющъ охоту въ немъ упражняться. Квинтилианъ въ своихъ *Ораторскихъ наставленіяхъ* наилучшимъ образомъ предложилъ полезнѣйшія правила древнихъ риторовъ, и самъ былъ краснорѣчивѣйшій писатель своего времени. Въ разсужденіи вкуса и основательной критики его книга никакой другой не уступаетъ; несмотря на многія скучныя для насъ подробности и слова пехническія, всякой любитель вишійспва и вообще словесности найдетъ въ ней много пищи для своего разума.

По введеніи Христіанской вѣры открылось новое поприще для краснорѣчія. Церковныя опцы въ поученіяхъ своихъ изясняли правила вѣры и учили народъ благонаравію. Въ четвертомъ вѣвѣ прославились на востокѣ: *Василій Великій*, *Григорій Назіанзинъ*, *Іоаннъ Златоустъ*; на западѣ: *Амвросій*, *Августинъ*, и другіе. Многія изъ сочиненій упомянутыхъ опцовъ переведены на Россійской языкѣ людьми весьма искусными, а особливо Поученія

Василія Великаго и Слова Іоанна Злапоуспа къ Антіохійскому народу. Римская имперія, а съ нею вмѣстѣ ученость и вкусъ тогда уже клонились къ упадку. По нашествіи варваровъ просвѣщеніе совершенно угасло. Повсюду распространилось невѣжество, омрачавшее умы до возрожденія наукъ въ Европѣ, съ коими вмѣстѣ и краснорѣчіе опять появилось.

Первые плоды здоровой словесности, а особливо по части стихотворства, созрѣли въ Италіи. Однакожь ни одинъ писатель не оставилъ попомощву превосходныхъ образцовъ вишійства.

Во Франціи прославились краснорѣчїемъ: судебнымъ *Патрю*, *Кошень*, *д' Огессо*; церковнымъ *Бурдалу*, *Босюель*, *Массильонъ* и *Флешье*; похвальными словами *Фонленель* и въ позднѣйшее время *Томась*.

Въ Англіи полишическое и судебное краснорѣчіе ободряется правительствомъ; не смотря на по рѣчи парламентскихъ ораторовъ непризнаны образцами, достойными попомощва. Сюда не принадлежащѣ рѣчи *Бурка*, *Пилта* и *Фонса*, о которыхъ мы почти ничего еще незнаемъ. Изъ церковныхъ проповѣдниковъ лучшими почища-

Юісія *Тиллотсонъ*; *Шерлонъ*, *Джортинъ*,
Сітернъ; *Гвайль* и *Блеръ*.

У Нѣмцовъ прославились въ испещеннѣмъ
ѣполнѣи слѣдующіе проповѣдники: *Мос-*
гейль, *Іерусалемъ*; *Шпальдингъ* и
Цоликоферъ. *Енгелево* похвальное слово
Фридриху II Королю Прусскому почишаеш-
ся хорощимъ образцемъ краснорѣчія.

Изъ сочиненій, написанныхъ на Латин-
скомъ языкѣ и содержащихъ въ себѣ пра-
вила риторическія, важнѣйшія суть: *Вос-*
сіевы Ораторскія наставленія. *Ерне-*
стиевы начала Риторики, по краснорѣ-
чій своей и ясности; весьма полезны для мо-
лодыхъ любителей выпѣиспѣва.

Изъ Французскихъ книгъ полезно чи-
ташь слѣдующія: *Риторикѣ Жиберта*,
Фенелоновы разговоры о краснорѣчій;
4 *Часть Курса литературы Аббата*
Балте; первыя двѣ *Части Колленевыхъ*
словесовъ учитель и учителься словеснымъ
наукамъ. На Англійскомъ языкѣ напи-
саны хорощія книги: *Философія рито-*
рики, соч. Камбеля, *Риторическіе уроки*
Присплеены и Блеровы. — Въ Россіи крас-
норѣчіе появилось въ царствованіе Петра
Великаго. Митрополины Св. Димитрій Гу-
тшаловъ и Стефанъ Яворскій писали церковныя

поученія, въ которыхъ видно уже искусственное расположеніе слова и намбреніе нравиться пропами и фигурами. Въ похвальныхъ и поучительныхъ словахъ Епископа Гавріила Бужинскаго и Архіепископа Теофана Прокоповича, а особливо послѣдняго, чашпель находишь все то, чѣмъ отличаются природныя способности, обработанныя ученосцію. Сочиненія ихъ могутъ служить прекрасными образцами, ежели не по строгой числостѣ слога, то по правильному расположенію, по сильнымъ доводамъ и по основательности мыслей. Гедеръ Епископъ Псковскій, бывшій проповѣдникомъ при Дворѣ Елисаветы, едва ли уступаетъ славыишимъ виіямъ своего времени. Искусное расположеніе частей, связь и порядокъ мыслей, быспропа въ ходѣ, наконецъ прагающая убѣдительность и плавной слогъ, суть отличительные признаки и въ которыхъ духовныхъ его поученій. Въ похвальныхъ словахъ Ломоносова сѣяють во всемъ блескъ своемъ полноша и великолѣпіе Цицероновыхъ періодовъ.

Признано, что самые лучшіе образцы краснорѣчія новѣйшихъ временъ въ силѣ и красотѣ не равняются съ древними. Причины сего различія искать должно въ опшбнномъ порядкѣ дѣлъ общественныхъ, въ новомъ расположеніи умовъ и въ небреженіи

о вишійспвѣ, на которое теперь никто не посвящаетъ трудовъ всей своей жизни, какъ по дѣлали Демосѳенъ, Цицеронъ и прочіе знаменитѣйшіе ораторы въновѣ древнихъ.

Раздѣленіе вишійспва.

Цѣль или конечная причина вишійспва, какъ выше сказано, есть *удостовереніе* или *убѣжденіе*. Общюю матерією онаго обыкновенно бывающъ: *справедливое* или *несправедливое*, *полезное* или *вредное*, *честное* или *постыдное*. Ораторскія слова раздѣляемы были на *судебныя* (*genus judiciale*), *совѣтовательныя* (*deliberativum*) и *похвальныя* (*demonstrativum*). Въ первомъ случаѣ ораторъ обвиняетъ кого-либо, или оправдываетъ; во второмъ совѣщаетъ что-либо дѣлать, или не дѣлать; въ третьемъ хвалитъ кого-либо, или порицаетъ. Изъ употребительныхъ въ Россіи рѣчей ораторскихъ во второму роду подходящъ проповѣди, а къ третьему слова похвальныя и надгробныя. Всякая ораторская рѣчь непременно принадлежитъ къ одному изъ сихъ трехъ родовъ. Академическія рѣчи, какъ разсужденія объ ученыхъ предметахъ, собственно сюда не принадлежатъ.

Средства, которыми вишійспва преклоняетъ на свою сторону, суть слѣдующія:

дoвoдъ (argumenta); *спpаслти* (affectus) и *нpавы* (mores). Надлежитъ сїи средствa во пepвыхъ *изобрѣсть*, во впoрoныхъ *расположить*; попомъ *выразить на бумагѣ*, наконецъ *произнести передъ слушателями*. И такъ все ученіе о вишійсшвѣ раздѣляется на *изобрѣненіе*, *расположеніе*; *выраженіе* и *произношеніе*.

Объ изобрѣненіи.

Дoвoдaми нaзываются *умозаключенія* и *пpимѣры*. Умозаключеніе состоитъ въ томъ, когда изъ одной общей, главной и неоспоримой истины выводимъ другую; менѣе извѣстную, зависящую отъ первой, и служащую къ подтвержденію предлагаемаго мнѣнія. Первая истина есть *причина*, вторая — *слѣдствіе*. Богъ справедливъ; слѣдственно добрые получаютъ награду.

Сей способъ умозаключенія состоитъ изъ двухъ предложеній; и называется *ентимемою*; Греческимъ словомъ (отъ ἐνθύμησις; cogito; mente concipio); или неполнымъ силлогизмомъ. Полный же *силлогизмъ* имѣетъ при предложеніи; изъ которыхъ первые два суть послышки, а третье слѣдствіе. Сперва полагается общая неоспоримая истина; потомъ зависящая отъ нее истина особенная или частная; намо-

нецъ слѣдствіе. Примѣръ изъ Цицерона :
 „1. Въ Консулы обыкновенно выбираютъ
 „полководца, а не законоискусника ; 2.
 „Мурена имѣеть способности военныя,
 „а Сульлицій только искусенъ въ зако-
 „новѣдѣніи ; 3. слѣдственно“ и проч. —
 Орасторскій или большой силлогизмъ озна-
 чается ошб логическаго.

Въ дилеммѣ, или сложной емпимемѣ
 (syllogismus cognitus), предлагаются двѣ
 противоположныя причины, изъ коихъ вы-
 водится одно слѣдствіе. Цицеронъ въ сло-
 вѣ на Антонія : „Вы хотите отпра-
 вить къ нему пословъ ; если придуть
 съ прозьбою, онъ презритъ ихъ ; если
 стануть приказывать, не будетъ слу-
 шать : слѣдственно пословъ отпра-
 влять къ Антонію не должно.“

Соритъ есть сѣрленіе многихъ одно
 ошб другаго зависящихъ предложеній, изъ
 коихъ наконецъ выводится слѣдствіе. Сло-
 во сіе происходитъ ошб Греческаго, но по-
 рое сообщившесюушб нашему : *срудѣ* или
куча.

Примѣръ есть произшествіе, взятое
 изъ современной или прежнихъ вѣковъ ис-
 торіи, и подобное тому, къ чему хотимъ
 сдлонить своихъ слушателей.

Когда предложеніе свое основываемъ на многихъ примѣрахъ, то сіе называется въ Риторикѣ *наведеніемъ* (inductio).

Страстію называется сильное желаніе или отвращеніе, соединенное съ необыкновеннымъ движеніемъ крови и сопровождаемое ощущеніемъ удовольствія или скуки.

Искусство возбуждать страсти состоитъ въ томъ, когда добро или зло, по есть чего желать или бояться должны слушатели, представляемъ живо и разителью. Страсти суть: гнѣвъ, негодованіе, стыдъ, любовь, ненависть, состраданіе, ревность, зависть, удивленіе и имъ противныя.

Страсти возбуждать должно тогда, когда уже слушатель удостовѣренъ, а отнюдь не прежде. Удостовѣряемъ посредствомъ доводовъ; убеждаемъ слушателей, когда производимъ въ нихъ сильное движеніе; приобращаемъ благосклонность, соображаясь съ ихъ нравами, и наблюдая приличности.

Нравы суть расположенія души, зависящія отъ природныхъ способностей, отъ навыковъ, отъ возраста, отъ пола, доспаша, воспитанія и страстей.

О расположеніи.

Расположеніе есть назначеніе приличнаго мѣста для каждой части ораторскаго слова.

Словомъ или *рѣчью* называется написанное по извѣстнымъ риторическимъ правиламъ, для прочтенія передъ слушателями, сочиненіе, въ которомъ извѣщено или доказано какое-либо главное предложеніе.

Составныя части правильной рѣчи суть слѣдующія: 1. *прислупъ* (exordium), 2. *предложеніе* изшеріи (propositio) или *раздѣленіе* (divisio), 3. *повѣствованіе* (narratio) или *извѣщеніе* (expositio), 4. *доказательства* (argumentatio, confirmatio et refutatio), 5. *возбужденіе* спрасней (affectuum commotio) и 6. *заключеніе* (peroratio).

Въ *прислупѣ* ораторъ спрасней приобретаетъ благосклонность своихъ слушателей; объявляеши имъ причину, заставившую его начать слово, и располагаеши ихъ ко внимательности. Надлежитъ наблюдать въ сей части простоту и ясность; также спраснейся, чтобы въ *прислупѣ* была связь съ продолженіемъ рѣчи. Ораторъ можетъ понравиться слушателямъ своею скромностію, остерегаясь отъ хвастовства и не общая ничего лишняго.

Въ *предложеніи* кратко упоминается о томъ, что будетъ содержаніемъ слова. Бжели мащерія обширна и многосложна; въ такомъ случаѣ полезно, раздѣливъ ее на части, предувѣдомишь о каждой особо, и тогда ешо называется *раздѣленіемъ*.

Въ *повѣствованіи*, которое собственно принадлежитъ къ составу рѣчей судебныхъ, предлагающія произшествія, шоесть самое дѣло. Въ проповѣдяхъ, вмѣстѣ повѣствованія, упощребляется *изъясненіе*, гдѣ ораторъ полкуетъ нравоучительный смыслъ шекста, взяшаго за содержаніе для слова; разсмащриваетъ свойство какой-либо добродѣтели, или обязанности, или порока, о которыхъ говоритъ вознамѣрился.

Доказательства суть основаніе краснорѣчія; ибо ими только ораторъ удостоивряетъ слушателей. Древніе изобрѣли особенной способъ пріискивать доказательства изъ шавъ называемыхъ мѣщпъ риторическихъ (*topica*). Сія часть ораторскаго слова называется *подтвержденіемъ* (*confirmatio*) и *опроверженіемъ* (*refutatio*): въ первомъ случаѣ ораторъ доводами своими подтверждаетъ шое, что предложилъ въ *повѣствованіи* или *изъясненіи*; во второмъ, онъ опровергаетъ возраженія спорны прошивной. Самые сильные доводи

могутъ быть предлагаемы посредствомъ силлогизма и энхимемы.

Чтобы удостоверитъ слушателей въ истинѣ предлагаемой маперіи, ораторъ пользуется пособіемъ доказательствъ; но чтобы заставить ихъ дѣйствовать, чтобы овладѣвъ ихъ волею, онъ долженъ *распростерть сердца* и *возбудить въ нихъ страсти*. Всѣ пособія науки тщетны, ежели ораторъ самъ не чувствуетъ того, что въ другихъ возбуждать желаетъ.

Въ заключеніи слова или кратко повторяется содержаніе всего сказаннаго, или выводятся слѣдствія изъ того, что предложено.

О выраженіи.

Выраженіе есть употребленіе словъ, означающихъ мысли высшія и расположенныхъ въ надлежащей связи и порядкѣ. Требуется, чтобы въ выраженіи наблюдаемы были всѣ принадлежности хорошаго слога: *ясность, чистота, точность, приличіе, благозвучность.*

Ясность зависитъ отъ строгаго выбора словъ и правильнаго изъ нихъ составленія рѣчи. Чистота исключаетъ словъ чужеземныхъ, спаринныхъ и нововыдуманныхъ, неупотребительныхъ; также погрѣшностей

въ словосочиненіи, галлицизмовъ и ш. д. Приличность состоишь въ употребленіи словъ, соопвѣстствующихъ роду сочиненія и намѣренію писателя. Точность требуетъ, чтобы словъ употреблено было ни болѣе ни менѣе того, сколько надобно для яснаго выраженія мысли, и чтобы изъ однозначительныхъ словъ были выбираемы нужнѣйшія. Благозвучность состоишь въ расположеніи словъ такимъ образомъ, чтобы они дѣлали въ ухѣ приятное впечатлѣніе.

О произношеніи.

Древніе учителя вишійсва думали, что достоинство слова большею частію зависитъ отъ произношенія, и пошому предписали многія правила о сей важной части ораторскаго искусства.

Ораторъ, говорясь говорить передъ собраніемъ, долженъ спараться во первыхъ произнести рѣчь свою такъ, чтобы она была *вразумительна*; во вторыхъ, выразить мысли свои *приятно и сильно*.

Для этого и другаго требуетъ спараніе оратора о *голосѣ, тонѣ и тѣлодвиженіи*. Сюда принадлежишь и хорошая *ладяль*, которая укрѣпляется посредствомъ упражненія.

Способы къ усовершенствованію вишійсшва.

Природныя способности всегда были и будутъ главнымъ источникомъ красноречія; науки и правила доводятъ ихъ до совершенства.

Ораторъ, одушевляемый добродѣтелью и увѣренный, что слушатели имѣютъ выгодное мнѣніе о качествахъ сердца его и о поведеніи, можетъ смѣло надѣяться, что слова его будутъ уважены предъстоящимъ собраніемъ. Древніе справедливо написали: Non profe oratorem esse, nisi virum bonum (*). Добродѣтели дана священная власть внушать къ себѣ почтеніе; языкъ ея удобенъ повелѣвать сердцамъ и заставлятъ ихъ повиноваться. Пришворство лицемернаго оратора никого не обманетъ.

Послѣ душевныхъ качествъ потребны для оратора обширныя свѣдѣнія въ наукахъ. Одинъ изъ древнихъ говоришь: Omnibus disciplinis et artibus debet esse instructus orator (**). Сюда принадлежатъ и Горацийевы слова: Scribendi recte sapere est et prin-

(*) Т. е. Только честной человекъ можетъ быть ораторомъ.

(**) Т. е. Ораторъ долженъ имѣть познанія во всѣхъ наукахъ и всѣхъ искусствахъ.

eritum et fons. Знанія и здравой смыслъ
есть основа хорошаго сочиненія.

Всегдашнее и непрерывное упражненіе
въ краснорѣчіи доставляетъ вѣрный спо-
собъ вознестись выше посредственности.
Тотъ ошибается, кто думаетъ, будто
для написанія превосходнаго слова орапор-
скаго ничего болѣе не нужно, какъ поси-
дѣть за нимъ нѣсколько времени. Постоян-
ное, въ привычку обратившееся упражненіе,
отыскиваетъ путь къ совершенству. Ве-
ликіе мужи древности во всю жизнь спра-
шиво любили свое искусство: вошь причи-
на, почему творенія ихъ остались для
потомства образцами.

Подражаніе великимъ образцамъ есть
также надежное средство усовершенство-
ванія способности краснорѣчія. Однакожъ
надобно замѣтить, что здѣсь требуется
не рабское, но свободное подражаніе, которое
состоитъ въ наблюденіи такой же чистоты
слова и приличностей, въ подобномъ
расположеніи мыслей, и проч. При выборѣ
для себя образцовыхъ сочиненій потребно
имѣть осторожность, помня, что и въ
превосходныхъ книгахъ не все достойно по-
дражанія, и что и великіе люди ошибались.
При этомъ же въ образцовыхъ твореніяхъ
не надобно искаать того, чего найдти

въ нихъ не можно; не ищише въ Цицеронѣ спремипельности Димосееновой, а въ Димосеенѣ Цицеронова великолѣпія. Всякой писатель имѣеши свое особенное качество.

К.

III. С М Ъ С Ъ.

С о ф і е в к а (*).

(Переводъ Г. Постѣлова (**)).

Если вы хотите получить справедливое понятіе о томъ, что обыкновенно называемъ, полями Елисейскими, земнымъ раемъ; при-

(*) Такъ называется садъ Графини Помоцкой близъ Умани, уѣзднаго города Киевской Губерніи.

(**) Оригиналь написанъ на Французскомъ языкѣ Кн. И. М. Д-мъ, и принадлежитъ къ его путешествію въ Одессу. Отрывокъ сей взятъ изъ партикулярной его переписки. Авторъ чрезвычайно доволенъ переводомъ; онъ очень близокъ къ подлиннику, въ иныхъ мѣстахъ даже и лучше его. Если найдуши слова и цѣлыя выраженія странныя по новостямъ ихъ для слуха, авторъ проситъ читателей не-

дите въ Софiевку, и подивитесь въ ней гению шворческому. Тамъ природа и искусство, соединя всѣ силы свои, произвели превосходнѣйшее шворенiе. Какое стройное согласiе въ чудномъ слянiи ихъ взаимныхъ работъ! Величественная своею перспективою Софiевка приводитъ въ забвенiе сады Армидины и Вавилонскiе; ничто не можеть сравниться съ шѣмъ, что здѣсь видишь. Все плѣняетъ и приводитъ въ восторгъ. Не думайте однакожъ, чтобы я хотѣлъ представить вамъ краску вымышленную, или игру воображенiя; совсѣмъ напротивъ! Сады сей есть одно изъ счастливыхъ и непремѣнныхъ послѣдствiй искусства человеческого. Представьте себѣ рядъ горъ, опершихся на скалахъ ужасной величины и ими поддерживаемыхъ; громады камней съ начала мiра въ безпорядкѣ одинъ на другомъ лежащихъ, изъ копорыхъ и самой меньшей, безъ подрыву пороховъ, не могъ бы быть ни разсѣченъ, ни съ мѣста сдвинутъ — извѣстно, что порохъ, когда направляетъ его искусный инженеръ, можеть силою своей попрыски и самыя верхи Олимпа; представьте еще нѣсколько испочниковъ, льющихъ свѣтлыя воды свои въ разсѣдинахъ шѣхъ самыхъ утесовъ, изъ нѣдръ коихъ они выходятъ, — и солню разбросанныхъ деревъ, ни чемъ не защищаемыхъ отъ дуновенiй сѣвера. Таковыя были здѣсь дары неба, на пространствѣ трехъ или чешырехъ

относитъ ихъ къ переводчику, и всю кришку свою обращаетъ на самаго его, увѣряя, что всякая кришка, даже и насмѣшка, когда она усшремлена на пользу, ему всегда приидетъ.

верстѣ. Искусство, всегдашній соперникъ природы, ревнуя превзойти ее, искусство взялось сдѣлать прекрасными самыя ея ужасы. Но что искусство безъ денегъ? Является *Потоцкій*, владѣлецъ милліоновъ, вельможа Польши; первый взглядъ здѣсь его одушевляетъ. Золотой дождь упадаетъ на каменные бесплодныя горы, и природа, ушомленная продолжительнымъ бездѣйствіемъ, мучимая производитъ, открываетъ взору прекраснѣйшее и самое быстрое прозябаніе. Все прорастаетъ, движется и получаетъ цвѣтъ. — Послѣ пятнадцати лѣтъ безпрерывной и трудной работы, владѣлецъ самъ наконецъ не узнаетъ болѣе сихъ мѣстъ. Сюда желалъ бы я привести Томсона, Виргилія, Делиля, чтобы увѣковѣчить изображеніе Софійки. Поспѣраюсь обрисовать хотя главныя шолько черты ея. Возьмите нить, чтобы не заблудиться, и слѣдуйте за мною въ епомѣ саду, сто разъ болѣе волшебномъ, нежели Гесперидской.

Едва вошли, какъ взоръ вашъ пораженъ каскадою. Что ее величественнѣе? Пошокъ, кошораго источника нельзя ни видѣть, ни угадать, съ быстротою молніи низвергается съ верха высокой скалы, и покрываетъ пѣною, какъ снѣгомъ, ушесистой границѣ. Въ его удивительныхъ крутизнахъ искусство высѣкло излучины, углы и повороты. На каждомъ уступѣ вода получаетъ тысячу новыхъ отпрысковъ, волна дробится ежевзгядно (*),

(*) Если сіе слово не полюбитъ публикѣ, не переводчикъ подверженъ быть долженъ ея

шумитъ, реветъ и падаетъ у ногъ вашихъ. Здѣсь тише, тише она образуеиъ прозрачное озеро; въ немъ видите вы множество мѣленькихъ рыбъ; онѣ плаваютъ сюда и сюда, ныряютъ на солнцѣ, прыгаютъ на поверхность безъ страха и безъ опасенія, зная, что вы ни одной изъ нихъ не тронете. Посреди сей затвердѣлой влаги, прекрасная порфировая карзина, наполненная душистыми цвѣтами, окуриваетъ вокругъ васъ воздухъ приятнѣйшими благовоііями. Нѣскольго далѣе, изъ камня, съ лѣвой стороны нескладно вдавшася въ прудъ, и которой бы хотѣлось отсюда вырвать, бьетъ фонтанъ на четыре, или на пять саженой вверхъ и орошаетъ свѣжій лугъ, его остѣняющій. Вы все смотрите снизу; отважьтесь теперь взойти на черепъ самаго утеса, и остановитесь на мосту; вы откроете тамъ начало перваго водопада; вамъ невидно ключей его; они бьютъ гораздо далѣе, и по крутизнамъ покапой горы получаютъ на каждомъ переломѣ новое усилие. Съ обѣихъ сторонъ осѣняютъ его *плакучія ветлы*, которыя наперерывъ другъ передъ другомъ кошатъ, кажется, погрузившись въ волнахъ его. Онѣ готовы уже зашопить перилы, васъ охраняющія; но вдругъ, какъ будто боясь омочить васъ своими брызгами, вода скрывается подъ плотину, клубится, и прорвавшись составляетъ новый попокъ, низвергающійся съ бассейна, подлѣ котораго за минушу передъ ешимъ вы удивлялись

кришикъ, а авторъ опривка, которой пересматривая переводъ, самъ его шумъ доставилъ.

сильному той же воды стремленію. Одинъ взоръ вдругъ обнимаешъ всѣ эти живописныя прелести. Кто бы отказалъ имъ въ своемъ восхищеніи? На такое зрѣлище природы съ величайшимъ удовольствіемъ взглянули бы и тѣ, которые въ восторгѣ видали паденіе Рейна при Шафгаузенѣ.

Далѣе! Вы вдругъ въ темной пещерѣ, которой сводъ заровненъ зеленью. То, что ожидаетъ васъ при выходѣ, не постижимо; шумъ волнъ, которой слышите вы среди ешаго глубокаго мрака, не иного чего заставляешъ васъ ожидать, какъ приближенія къ площадѣ. Но сколь велико ваше удивленіе, когда вмѣсто того входите вы въ храмъ, котораго верхъ, поддерживаемый четырьмя гранитными колоннами, высѣченными изъ одного камня, открываетъ вамъ пріятнѣйшее уединеніе! Всякой можете шумъ васъ видѣть, но ни кто къ вамъ проникнуть. Надъ куполомъ новая каскада, слѣдуя законамъ пятошнія и стремясь куда нибудь упасть, развиваетъ предъ вами свой завѣсъ. Вы думаете видѣть дымку; совсѣмъ нѣтъ, это вода. Она одна охраняетъ это святилище Грацій, и удаливъ отъ васъ приступъ нескромнаго. Безпреставное движеніе водянаго спора, перемѣняющійся каждой мигъ видъ его, шумъ истока, и шептъ быстрой порывъ, которой вмѣстѣ съ отраженіемъ солнечныхъ лучей въ каждой каплѣ производитъ блескъ кристалла, или діаманта. Всѣ эти очарованія изумляютъ васъ столько, что вы мните себя восхищенными до прешьяго неба. Какое убѣжище для сладострастія!

Вышедь опсюда, пропинка, служившая для васъ проводникомъ къ етому волшебному мѣсту, исчезаетъ; вы видите себя на открытомъ лугу, украшенномъ дарами Флоры. Подойдите сюда, новое зрѣлище! Въ преогромной горѣ, гдѣ порохъ конечно далъ почувствовать всю свою силу, выдѣланъ грохъ величественный и мрачный. Епа громада камня, которую по гласу Вѣчнаго какой нибудь аплетъ могучею своею рукою повергъ на землю, гдѣ вѣки еще болѣе связали и укрѣпили ее, образуетъ одну скалу, поражающую величиною своею. Всѣ украшения въ грохъ нарѣзаны на шомъ же камнѣ. Не чудно ли видѣть, какъ въ етомъ углу рѣзвой источникъ воды пробивается сквозь пять или шесть разщеливъ; онъ съ избыткомъ можеть утолить вашу жажду. Природа была здѣсь не скупа. Вся епа пустоша, изрытая въ каменной пвердынѣ, и столь ужасная пещера держится на одномъ шполѣ, шѣмъ же кремнемъ округленномъ. Геркулесъ, никто больше, его шуть поставилъ. Епо Аплантъ, поддерживающій мѣръ и изнемогающій подъ его бременемъ. Между шѣмъ взоръ вашъ находитъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько прилавокъ. Я самъ садился на иныхъ, надъ коими навѣсы столь искусно спущены, и обворожение здѣсь такъ сильно, что поистинѣ имвешъ причину бояться, не опорвался бы камень отъ горы, и не разшибъ бы шебя въ одну минушу. Здѣсь, здѣсь какая нибудь Радклифъ, первая при свѣтѣ луны испытавъ ужасъ ночи, доставилабъ свѣшу шысячу новыхъ предметовъ страха.

Сверните въ сторону. Красивая и покойная шлюбка ждешъ васъ для прогулки по

водѣ. На спеклянной ея поверхности мы плывемъ мимо пуспаго острова; два ряда прекрасныхъ пополей замыкаютъ окружность береговъ его. Въ срединѣ небольшой памятникъ; онъ напоминаетъ вамъ гробницу Гражданина Женевскаго. Кто откажетъ въ дани, ему должной? Память его вырвала вздохъ; за нимъ у васъ капяшся слезы; мысль ваша предается вполнѣ печальной своей думѣ. Вы ищете спези приятныхъ воспоминаній: единственное и обыкновенное прибѣжище уязвленнаго сердца, которое нѣкогда наслаждалось, которое противъ воли своей препенетъ еще подѣ брэнную свою оболочкою и прилѣпляется къ обольщенію чувства! Вдругъ слышенъ шумъ; гребцы бросающъ весла; это приводитъ васъ въ себя. Шлюбка по теченію воды несетъ васъ въ подземной проводѣ сажень во сто длины, и сверху закрытый лутами; въ немъ не видно ничего; чувствуешь только, что зыблешься на влажной стихіи, которой прохлада въ полдегъ способствуетъ дыханію. Вы не знаете, гдѣ вы; но довольно уже видѣли, чшобъ не подозрѣвать шуть ни какой опасности и плыть безъ боязни. Нѣтъ, мы не въ царство тѣней опускаемся; нѣскольکو отверстій, сдѣланныхъ въ сводѣ, бросающъ блѣдные лучи свѣта въ ешотъ мрачной водоводѣ, чшобъ служишь маякомъ для кормщика. О! какая минуша для любви скромной и непорочной! При ешотъ слабомъ озареніи вы достигаете шлюзы; шуть двое ворощъ пихо опускающся передъ вами; каналъ исчезаетъ. Приводятся въ движеніе машины, которыя наполняющъ бассейнъ водою. Волны поднимающъ лодку мало по малу выше, и она

становится наравнѣ съ землею. Вы выходите изъ нее въ изумленіи и прогуливаешесь нѣсколько на прекрасномъ лугу, которой вѣдетъ къ озеру. Здѣсь не лодка уже, но спроектъ гораздо ея большее и безопаснѣйшее для васъ гопово. Мачты, снасти, парусы, якоря, ни что не забыто, чюобы обмануть васъ картиной корабля. Перейдемъ у Веспудія, спанемъ искать новаго міра. — Вы увидите большое водохранилище, доставляющее воду для всѣхъ фонтановъ и каскадъ, которыхъ игрѣ вы удивлялись. — Здѣсь-то находишь вы напуру въ ея работѣ; глазамъ вашимъ открывающіяся всѣ чудотворенія искусства и опытѣ системы гидравлической, посредствомъ которой сначала весны вода собирается въ водоемы и доставляетъ саду необходимое ея излишество. Плошины и насосы здѣсь суть совершеннѣйшія произведенія въ искусствѣ сего рода. Но довольно плавать; приспавемъ, пора.

Войдемъ теперь въ епу косвенную дорожку, съ обѣихъ сторонъ песчрѣющую цвѣтами, и обогащенную чужеземными распрѣями, какихъ полько названія вамъ извѣстны. Какое смѣшеніе приятнѣйшихъ ароматѣ! какой воздухъ для дыханія! Мы доходимъ до каменной скамьи, гдѣ наконецъ надобно присѣсть. Тутъ неподвижной гранитѣ, которой, послѣ семи тысячъ лѣтѣ ни чѣмъ невозмущаемаго бытія, покорился рѣзцу искуснаго художника, и чюобъ бытъ вамъ полезнымъ, принялъ видѣ стола. Гостепріимство, всегда любезное, обременило его сокровищами Помоны, и вы наслаждаетесь прекраснѣйшими

ядами. Опершись на мраморную колбну, вы переходите мысленно всю связь многообразныхъ воспорговъ, копорыми душа ваша была пронута во время прогулки, и копорыхъ за безчисленными измбненіями едва могла она слбдовать. Тихое журчаніе васъ пробуждаетъ: его производитъ паденіе воды въ порфировой бассейнъ; никогда не пили вы и никогда не будете пить столь свбжей. Ровна въ своемъ движеніи, она упадая кажетъ видъ зеркальнаго спекла, и потомъ наполняетъ свою лажань. Прекрасбйшее дерево перюкв (*) осбняетъ ее, и дбляетъ изъ лисьевъ своихъ сводъ. Кажется, что природа нарочно здбсь его возрасшила, чтобы розовыя и пуховыя его вбшви, колеблемыя вбянємъ зефира, опгоняли отсюда всбхъ ядоносныхъ насбкомыхъ и мошекъ, столь безпокойныхъ въ жаркомъ климатб. Здбсь вы утоляете жажду свою, здбсь совершаете изліяніе въ жертву богу удовольствій. Остановитесь еще на минушу у епихв водъ благошворныхъ. Право пошокъ Цетрарковъ въ Воклюзб не прекрасбе, не свбшлбе источникъ Салгира на полуостровб Крымскомб.

Наковецъ должно оставишь ешу волшебную спрану. Преклонимъ колбна предъ Опцемъ земнородныхъ, и дадимъ жвалу природб, пригешовившей здбсь зрблице шелико чудесное.

(*) Названіе дерева, въ шбхъ мбсшахъ воспываемаго по садамъ ожопниковъ до природы и растительнаго ея царства. Не шолм дерево, что называется по нбмецки *Perette? Citrus aut Limon Peretta*. Цитронъ грушеобразный. (Сія догадка постпорожняго.)

Счастливы путь, коего снопы судьба сюда направилъ.

Вотъ *Софьевка*! Я описалъ вамъ можетъ быть только пысячную часть ея. Дополните прочее вашимъ воображеніемъ, не опасаясь вдаваться въ крайности. Изображая красоты ея, нельзя сказать ничего лишняго. Я, которой видѣлъ епопъ садъ, глядя на свою картину, я лучше прочихъ чувствую недостатки моей кисти; но ни одинъ бы изъ пѣвцовъ древняго и новаго міра не избѣжалъ ихъ. Неговорю уже вамъ о множествѣ пирамидъ, спашуй, каріатидъ, вазъ и шайнштвенныхъ памятникѡвъ, которые роскошь разбросала по всему саду. Между сими послѣдними болѣе всего должна привлекать ваше вниманіе недоубланная колонна. Она прислонена въ дерновой стѣнѣ; основаніемъ ей служатъ при дикаго камня усшупа. Осбняемый двумя молодыми липами, которыми съ умыслу не даюпъ достигнуть полнаго ихъ возраста, обелискъ сей служилъ владѣльцу горестнымъ напоминаніемъ. *Потоцкій*, освобождаясь отъ пышности, его вездѣ окружавшей, приходилъ сюда грустить о потерѣ двухъ юныхъ дѣшей своихъ. Какое прогашельное мѣсто! Погрузившись шупъ въ глубокую задумчивость, и я самъ, какъ мнѣ казалось, видѣлъ пѣни Маріи и Елены; сладостное обольщеніе сердца потерю свою сокрушеннаго! видѣ Евгени, улыбающійся съ высоты небесъ, умножалъ унылость моего воображенія.

Прежде нежели выдете отсюда, я васъ остановлю у небольшого ключа воды. Ено не что иное, какъ колодезь, покрытый сво-

домъ изъ мягкаго камня. Въ соотвѣпствие ему на мраморной скамьѣ сверхъ-естественною какою-то силою сохранился оппечашокъ руки одного спранника, пришедшаго сюда опдохнуть; локошь его какъ будто вдавленъ въ мраморъ. Удивительное дѣйствіе искусства и утонченнаго его вымысла. Глядя на это, вспомнишь Пиеагора, и вмѣстѣ съ нимъ скажешь: шакъ! *все илжетъ чувство.*

Еще одно слово, — оно необходимо. Примѣтите, что вы не нашли въ епомѣ саду искусственныхъ шпотовъ сѣна, коспровъ, Китайскихъ и Индѣйскихъ домижовъ, хижинъ, поддѣльныхъ развалинъ, которыми наполнены сады нашихъ вельможъ, и кошорые обманчивая роскошь, чтобы лучше ослабить чернь, ищущую одного только пустаго блеска, украшаешь мишурою, ракушками, стеклами и подобными бездѣлками, — ишъ, здѣсь все прямо великолѣпно. Творецъ пролилъ воду на землю, и бросилъ въ нее страшные камни; природа и время составили изъ нихъ горы. Послѣ, гораздо послѣ пришелъ художникъ и разставилъ свои работы. Всюду здѣсь гранитъ, порфиръ и мраморъ; все въ сосшояннй пропивишьясь погодѣ и капризамъ климата. Все швердо и не бойшя перемѣнъ времени года.

Потоцкій, сштаршій сынъ форшуны, любимецъ счастья, блаженъ былъ здѣсь въ своихъ наслажденіяхъ; но я ему непозавидую, если мое описаніе вамъ понравилось.

Письма къ-Издателю.

1.

(О бѣдномъ семействѣ.)

Посредствомъ Вѣстника вашего много уже познакомили вы милосердіе со слезами и нищетоу съ человѣколюбіемъ. Неопкажись помѣстивъ въ немъ одного семейства произшествіе и настоящее его положеніе. Бывшій Кіевскій Губернскій Архитекторъ, Надворный Совѣтникъ Ельдезинъ, за пресупленіе, по лишеніи чиновъ, сосланъ въ ссылку. Домъ его взявъ за долги, жена съ пятью дѣтьми оспались въ бѣдности. Долго несчастная боролась въ печали съ нищетою, на послѣдокъ оставя дѣшей Провидѣнію, отправилась въ Санкт-петербургъ. Тамъ пособіемъ сострадательнаго вельможи испросила у Милосердаго ГОСУДАРЯ возвращеніе мужу своему на прежнее жилище. Въместо чаемой оспрады, новая бѣда! Мужъ ея возвращаясь въ Кіевъ, получилъ ударъ въ руку, ногу и языкъ; годъ пролежавши полумертвымъ, онъ скончался. Вдова, пособіемъ добрыхъ людей, приспособила старшаго сына въ число канцелярскихъ служителей; а послѣднимъ попребна пища физическая и моральная. Убогая жижина ея весьма близка къ разрушенію, такъ что едва и шеперь защищаесть отъ спужи и зноя. Я знаю, что ето въ мірѣ не новостъ: но когда объявите въ вашемъ Вѣстникѣ, то и спраждуцимъ и сострадательнымъ досщавите взаимную пищу. Ежели кто сдѣлаесть вамъ препорученіе; то опсылайте въ Кіевъ на имя Губернскаго Почтмейстера г - на Коллежскаго Совѣтника Іасона Савича Баженова. Добрая ето душа съ удовольствіемъ

бѣдное семейство опыщенъ, и вамъ опѣвшисшвовашъ будешъ. Есмь и проч.

Любитель Вѣстника.

22 Февраля, 1811.

Кіевъ.

2.

Въ Вѣстникѣ Европы, вами издаваемомъ, во 2 No сего 1811 года, на страницѣ 142й напечатано между прочимъ про дворянъ Харьковскихъ слѣдующее: „Дворяне сославили „изъ себя общество, и въ началѣ Октября „сыграли, въ пользу господина Алферова, новую драму въ 5 ши акшахъ *Ресивной*, сочиненную шамошнимъ Господиномъ Гражданскимъ Губернашоромъ Иваномъ Ивановичемъ Вахшинымъ, копорой желая учасшвовашъ въ семъ подвигѣ, драму свою дозволилъ сыграть „Благородному Обществу.“

Милосшвовой Государь мой! или вы худо были увѣдомлены о подробносшяхъ, или въ присланномъ къ вамъ, неизвѣстно мнѣ отъ когѣ, свѣдѣннн, пренебрегши нѣсколькѣ словъ, сдѣлали нечаянно большую мнѣ непришность, желая меня похвалить.

На примѣрѣ: ежели человекъ называющъ миролюбивымъ; безъ сомнѣнн, ешо весьма большая ему похвала. Но покойникъ Александръ Васильевичъ Суворовъ, сказывающъ, про одного Генерала говаривалъ: хорошій Генералъ! миролюбивой Генералъ! Слова *миролюбивой и Генералъ*, соединенныя вмѣстѣ, были не похвалою, а кришикою шому. *Губернашоръ и авторъ драмъ*, соединенные, едва ли по мнѣнню моему не равносильны. Мнѣ могушъ возразить, что Фридерикъ Великій издалъ цѣлые шомы

сочиненій своїхъ; однако же правилъ не только губернію, но и цѣлымъ государствомъ, и предводительствовалъ арміями. Но кто увѣритъ меня, что онъ не правилъ бы еще и лучше, ежели бы не сочинялъ? Кто поручится мнѣ, что какое-нибудь хорошее мѣсто въ поемѣ его *Искусство военное* не стоило ему неудачи хотя одного военнаго сраженія? Припомъ же Фридерики не часто рождался, и что можно генію, того невозможно мнѣ, весьма обыкновенному человеку.

Вы въ оправданіе свое имѣете право, М. Г. мой, сказать, что въ объявленіи о сей драмѣ почто напечатано было, что я ее сочинилъ; но въ томъ же объявленіи было помѣщено, что драма сія сочинена была мною назадъ тому 18 лѣтъ (какъ въ самомъ дѣлѣ и было); следовательно объявленіе не дѣлало меня авторомъ и Губернаторомъ въ одно время, и сіе-то вами пропущено (*). Въ дополненіе присовокуплю, что имя мое, по наслоянію играющаго драму Общества, позволено было ошъ меня напечатать, единственно потому что, по мнѣнію его, симъ самымъ привлечено будетъ больше зрителей изъ любопытства и умножится для господина Алферова сумма.

Словомъ сказать, М. Г. мой, вы меня много обязать изволише, ежели посредствомъ вашего же Журнала разувѣрите Публику

(*) Въ печатномъ объявленіи дѣйствительно упомянуто, что Драма сочинена передъ симъ за 18 лѣтъ. Я пропустилъ сіе обстоятельство, и симъ признаніемъ поспѣваю исправить свою ошибку. *Изд.*

въ шомъ, въ чемъ ее увѣрили, и симъ застави-
те съ искреннимъ моимъ удовольствіемъ
имѣть честь и проч.

Иванъ Бахтинъ.

PS. Къ выполненію моего желанія, я про-
силъ бы покорно васъ М. Г. мой, приказашъ
напечатать самое письмо сіе.

18 Февраля, 1811.

Харьковъ.

Изъясненіе картинки.

Версальской дворецъ былъ нѣкогда вмѣ-
стилищемъ пышности и роскоши. Взглянув-
ши на него, кто можетъ вспомнить безъ глу-
бокаго вздоха о непостоянствѣ человѣческаго
величія? „Нынѣ все представляетъ здѣсь видъ
печальнѣйшій;“ такъ написалъ недавно одинъ
нѣмецкій путешественникъ: „повсюду видны
только слѣды прежней пышности. Вымощен-
ныя улицы и площади Версальскія заросли
правою; сады и жилища опустѣли; рука вре-
мени разрушаетъ даже сіи великолѣпные чер-
тоги, коихъ обладатель думалъ нѣкогда, что
созидаетъ ихъ для вѣчности.“

На шомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ возвышается
дворецъ, изображенный на картинкѣ, былъ
построенъ Людовикомъ XIII небольшой замокъ
для выѣзда на охоту. Дворъ тогда большею
частью находился въ Сенъ-Жерменъ. Людовикъ
XIV, упоая въ чувственныхъ наслажденіяхъ,
ничего такъ не боялся какъ на поминанія о смер-

ти; а высокая башня Св. Дениса, кажется, безпрестанно швердила ему, что и для него будетъ мѣсто въ Аббашествѣ. Принято намѣреніе переселиться подалѣе отъ кладбища, и небольшой замокъ Версальской превратился въ пышные чертоги.

Всѣ зданія и сады окончаны въ 1680 году. Трое изъ числа искусѣйшихъ художниковъ того времени испощали свои паланцы для произведенія чудесъ роскоши на землѣ безплодной: Манваръ строилъ; Ле-Нотрѣ располагалъ сады; Ле-Брюнѣ готовилъ издѣлія образовательныхъ художествъ.

IV. ПОЛИТИКА.

О Вагабисахъ.

(Окончаніе.)

Покореніе Джедды. Пушешествія поклонниковъ въ Мекку прекращающся.

Султану Турецкому невозможно было признать Сеуда покровителемъ каравановъ; ибо въ такомъ случаѣ и шило *повелителя свръныхъ* принадлежало бы уже не ему, а Сеуду. И для того въ 1706 году начались новыя приготовления прошиву Вагабисовъ. Войско собиралось въ окрестностяхъ Дамаска; Юсефъ

Паша назначенъ главнымъ начальникомъ; ему поручено было оберегать караванъ поклонниковъ, дойти до Медины и попомъ искашь Сеуда въ самомъ Дрейегѣ. Епощъ Юссефъ Паша, бывши великимъ Визиремъ, заключилъ нѣкогда мирный договоръ съ Французами въ Ель-Арихѣ. Скоро послѣ того онъ былъ разбитъ Генераломъ Клеберомъ въ Иліополѣ, имя его извѣстно въ Европѣ (*).

Джедда была въ рукахъ у Турковъ. Сей городъ, лежащій при Черномъ морѣ, отпускаешъ въ Египетъ Аравійское кофе, а въ замѣну получаешъ хлѣбъ зернами, и попому удобно доставляешъ каравану сѣбшныя припасы. Онъ окруженъ каменною стѣною, и могъ служить для Юссефа Паши мѣстомъ убѣжища. Порша всячески старалась удержать Джедду; но шрудно ей было найши способнаго начальника. Наконецъ Османъ, Паша Кандіи, назначенъ въ Паши Алеппскіе, съ шѣмъ что бы онъ оставилъ въ Алеппо своего намѣшника и немедленно ошправился въ Джедду. Юссефъ и Али (Паша Багдадокій) должны были дѣйствовать съ нимъ совокупно и съ шрехъ сторонъ напашъ на Сеуда. Но Али Паша озабоченъ былъ на границахъ Персіи, имѣлъ разныя запушанныя дѣла съ сосѣдственными Пашами, и попому не могъ рѣшиться вышпунить прошиву Вагабисовъ.

Сеудъ предусмощрѣлъ шрѣшительность Пашей и несогласія между ними, и въ шо же

(*) Юссефъ Паша начальшвуешъ нынѣ Турецкимъ войскомъ, дѣйствующимъ въ Булгаріи.

время изданнымъ отъ себя всенароднымъ объявленіемъ запретилъ Мусульманамъ вступать въ Медину, а приглашалъ ихъ въ Мекку, обѣщая имъ свое покровительствіе.

Между тѣмъ какъ поклонники изъ Анпаба, Алеппо и Малой Азіи собирались въ Дамаскъ, возникли между ними ссоры, и янычаре возспали противъ Абдаллы, Паши Дамаскаго. Несчастной городъ сдѣлался позорищемъ разбоевъ и зажигательствъ. Юссефъ, не смотря на фирманы Сулшана, вовсе не думалъ о защитѣ поклонниковъ. Въ самое то время получено въ Дамаскъ извѣстіе о покореніи Вагабисами Джедды, которая не получая отъ Порты никакого пособія, принуждена была сдатьсь. При такихъ несчастныхъ происшествіяхъ караванъ двинулся въ путь свой. Юссефъ Паша въ то же время пошелъ съ малымъ своимъ войскомъ. Начальникомъ каравана былъ Абдалла, Паша Багдадскій. Недошедши до Медины, Паши получили отъ Сеуда письмо слѣдующаго содержанія: „Я уже объявилъ волю свою касательно путешествія поклонниковъ; я уже сказалъ, что не дозволю каравану имѣть при себѣ ни военнаго прикрытія, ни музыки, ни великолѣпныхъ вещей, ни идолослужительныхъ принадлежностей. Мнѣ весьма неприятно, что не смотря на столь ясное приказаніе, поклонники слѣдуютъ прежнему своему обыкновенію; и для того объявляю, что даю время каравану возвратиться; а ежели онъ пойдетъ впередъ, то велю всѣхъ лишитъ жизни.“

Юссефъ и Абдалла, посоветовавшись между собою, заключили, что Сеудъ угрозами

своими напоминаетъ о поднесеніи подарка, и послали къ нему 500 мѣшковъ піаспровъ (*); а между тѣмъ, надѣясь счастливаго успѣха, приближались къ Мединѣ. Однакожъ городскія ворота были заперены. Сеуду предложили еще 2000 мѣшковъ; но онъ былъ непреклоненъ, и поклонниковъ не впустилъ въ Медину. Ученіе Вагабисовъ и ненависть къ Магометанамъ усилились до такой степени, что даже женщины, бросая въ Турковъ камни, кричали: „Прочь отсюда, идолопоклонники! удалишесь отъ мѣстъ священныхъ!“

Караванъ находился въ опасности, Толпы Вагабисовъ окружили его и ежечасно угрожали нападеніемъ. Юсефъ и Абдалла убѣжали въ крайнемъ замѣшательствѣ; нѣкоторые путешественники слѣдовали за ними до Дамаска; а другіе, оставшись безъ пищи, безъ воды и безъ военной обороны, почти всѣ погибли; иные долго шапались по пустынь, и потомъ приходили въ Дамаскъ, представляя изъ себя плачевное позорище бѣдности. Абдалла нашелъ жителей Дамаска въ крайнемъ безпокойствѣ; городскія ворота были заперты, и всѣ готовились къ оборонѣ. Еслибъ Сеудъ воспользовался симъ временемъ замѣшательства; то Дамаскъ и вся Сирія содѣлались бы его добычею. Юсефъ отправилъ Ташарина въ Константинополь; однакожъ Юрта внутри озабоченная янычарами, а опивъ угрожаемая войною, хладнокровно приняла извѣстіе о караванѣ. Юсефу Пашѣ велѣно въ Дамаскъ дожидаться того времени, когда караванъ возвращается въ Константинополь.

(*) Въ мѣскѣ считается 500 піаспровъ.

Произшествія 1808 года. Покушенія Вагабисовъ прошивъ Сиріи и Египта.

Египецъ, Сирія и Багдадская область при концѣ 1807 года находились въ крипическомъ состояніи. Всѣ сіи земли однакожъ, хотя нерѣдко угрожаемыя нашествіемъ Вагабисовъ, были совершенно свободны отъ ихъ ига. Но Аравія принадлежала Сеуду съ обширною пустынею, кошорою на сѣверѣ отдѣляется она отъ прочей Азіи и со всею областію Негедъ, лежащею на югѣ. Начальники разныхъ племенъ Аравійскихъ, большихъ и малыхъ, скишающихся около Мекки и въ Негедѣ, признали надъ собою власть Сеуда.

Одною изъ главнѣйшихъ причинъ распространенія секшы Вагабисовъ было то, что Сеудъ сперва присвоилъ себѣ главное начальство надъ караваномъ поклонниковъ, потомъ что онъ запретилъ Мусульманамъ приходити въ Мекку, и дозволилъ только Вагабисамъ свободной доступъ ко гробу Магомета. Послѣ приключенія съ Дамасскимъ Пашею, Туркамъ надлежало отъ покушеній своихъ отказать на нѣкоторое время, хотя путешествіе въ Мекку было для Порты весьма важнымъ обстоятельствомъ. Оспавалась одна только надежда задобрить Сеуда подарками. Ему обѣщано 400 мѣшковъ ежегодно спускаемыхъ Дамасскому Пашѣ на покупку сѣбстныхъ припасовъ для каравана при возвратномъ его путешествіи. Сія сумма и подаши, даваемыя въ Мединѣ и Меккѣ, казались достаточными къ преклоненію Сеуда.

Въ прочемъ имѣли въ виду еще одинъ планъ сближенія мусульманъ съ Вагабиса-

ми. Порша употребляла всё къ тому средства; но Вагабисы нехотѣли уступить ни одного пункта. И такъ оставалось мусульманамъ или принять новое ученіе, или по крайней мѣрѣ наружно казаться послѣдователями онаго. Можетъ быть Паша Дамасскій имѣлъ о томъ рѣшительное предписаніе отъ Поршы; можетъ быть онъ уполномоченъ былъ употребить всё возможные средства къ отдаленію препящствъ на пути въ Мекку для каравана; или на конецъ можетъ быть онъ писалъ себя надеждою, что установленіемъ строгихъ законовъ угодитъ Вагабисамъ, неогорчая Мусульманъ: какъ бы то ни было, Юсефъ Паша передъ отъправленіемъ каравана (въ Январѣ 1808) наружно принялъ всё правила преобразителя, и для того сдѣлался ревностнымъ защитникомъ благонравія и жестокимъ гонителемъ Христіанъ и Евреевъ. Онъ началъ строго наказывать порочныхъ сластолюбцовъ, и одного Агу, обличеннаго въ гнусномъ поступкѣ сладострастія, тотчасъ приказалъ сбросить съ высокаго минарета. Въ то же время обнародовалъ онъ многія вновь сдѣланныя распоряженія; шоржица и лавки велѣлъ закрывать въ часы богослуженія; запретилъ пить вино и крѣпкіе напитки подъ страхомъ жестокаго наказанія; назначилъ оскорбительнѣйшія отличія для Христіанъ и Евреевъ. Тѣ и другіе обязанности были носить плаще темнаго цвѣта; обувь ихъ должна быть особливаго цвѣта и покроя; имъ велѣно оказывать Туркамъ знаки глубокаго почтенія; запрещено дѣшею обучать своему закону; велѣно какъ имъ, такъ и Мусульманамъ носить бороды и проч. За нарушеніе опредѣлены самыя строгія наказанія, копорыя и были исполняемы въ точности.

Сии распоряженія привели въ уныніе всѣхъ жителей Дамаска. Христіане и Евреи пряпались и уходили шолпами изъ города; чѣобы удержашь ихъ, Юссефъ Паша принужденъ былъ обнародоватьъ прежнее послановленіе Имамъ - Омара - Ель - Рапиба, преемника и ученика Магомешова. Въ немъ предписанныя для Христіанъ и Евреевъ должности хопія унизительныя и пятгосшныя, однакожь онѣ опчаша сноснѣ выдуманыхъ Юссефомъ.

Такимъ образомъ Юссефъ надѣялся понравиться Вагабисамъ. Въ Дамаскѣ всѣ думали, что онѣ явно приметъ ихъ въру. Казалось, что Вагабисы довольны были сими распоряженіями; ибо опрядъ войска ихъ въ разстояніи прищаши часовъ отъ Дамаска дожидался каравана для препровожденія онаго черезъ пустыню.

Караванъ двинулся изъ Дамаска 30 Декабря 1807 года. Онѣ находился въ самомъ печальномъ состояніи; безъ знаменъ, безъ оружія, безъ музыки; имѣлъ при себѣ только одну пушку для повѣшокъ. Едва собралось 300 поклонниковъ; прежде ихъ бывало по 30,000. День вышупленія, прежде бывший шоржественнымъ и восхишительнымъ, нынѣ былъ днемъ печали.

Но щещно Юссефъ Паша надѣялся хитростію своею обмануть Сеуда; вмѣсто того онѣ самъ былъ имъ обмануть. Въ разстояніи девяти часовъ отъ Мекки поклонники получили повелѣніе идти обратно. Ибнъ-Салемъ, начальникъ охранительнаго отряда, подѣ предлогомъ будшо Юссефъ Паша какъ-то оскор-

билъ его, принудилъ караванъ къ општупле-
нiю, и сверхъ того опилалъ у него денежную
казну, весьма значительную.

Въ Мартѣ 1808 года Сеудъ прислалъ въ
Дамаскъ нарочнаго съ письмомъ къ Шеикамъ и
Агамъ, и пребовадь, чтобы они приняли новое,
исправленное ученiе, общая за то имъ свое
покровительство, и угрожая въ противномъ
случаѣ разоренiемъ города. Въ по же время
и въ Алеппо опправилъ онъ письмо съ тако-
выми же предложенiями и съ требованiемъ
подаши опъ города. Подобныя письма разосла-
ны были и по другимъ городамъ Сири.

Всѣ поражены были ужасомъ. Разнеслась
молва, что приближающя до,000 Вагабисовъ
для понужденiя жителей признать надъ собою
власть Сеуда. Многолюдная толпа изъ пле-
мени Анецеховъ напала на близъ лежащую опъ
Алеппа деревню и умертвила всѣхъ жителей.
Услышавъ о томъ разсѣянные по Сири Хри-
стиане и Евреи въ ужасѣ недоумѣвали, какой
жребiй ожидаетъ ихъ подъ господствомъ но-
ваго преобразителя. Одни спасались бѣгствомъ;
другiе предполагали, что Мусульманамъ только
смертная казнь назначена, и надежду свою
подкрѣпляли событиями въ Маскатѣ. Когда
Вагабисы покорили сей городъ, то жители
спрашивали Сеуда, какъ поступитъ онъ съ
Христианами и Евреями. Сеудъ отвѣчалъ, что
тѣ и другiе вѣрующъ по своимъ книгамъ, и
что заплашивъ подать, они могутъ жить без-
опасно подъ его покровительствомъ. Одни
Мусульмане, продолжалъ Сеудъ, заслуживаютъ
наказанiе; ибо имѣя у себя книгу истиннаго
закона, они осквернили его безумнымъ идо-

служениемъ; они поднимали оружіе противъ Вагабисовъ; и пошому должны выбрашь одно изъ двухъ, или смерть, или новое ученіе въры.

Споль жестокія противъ исламизма расположенія Сеудовы показаны были на самомъ дѣлѣ многими примѣрами. Успрашенные жители Сиріи одушевились бодростію. Янычаре, въ Алеппо находившіеся, готовы были всѣмъ пожертвовашь для удаленія отъ себя чуждой власти, кошорая искоренила бы всякія злоупотребленія. Въ Дамаскѣ Юссефъ Папа, весьма огорченный поступками Сеуда, напоминаль жителямъ о недавно прешерпѣнныхъ караваномъ бѣдствіяхъ; болѣзненное отъ того впечатлѣніе усиливалось при несчастномъ позорищѣ, какое представляли изъ себя возвратившіеся поклонники. Во вѣхъ родилось желаніе храбро защищашься; ибо покорившись добровольно, жители не избѣжали бы отъ жестокости и грабительства безчеловѣчныхъ Вагабисовъ.

Бассора, Цеберъ и другіе города имѣли успѣхъ въ сопротивленіи; ешо подавало новую надежду обитателямъ Сиріи. Между тѣмъ слухи о приближеніи 40,000 Вагабисовъ становились часъ отъ часу вѣроятнѣе. Еще носилась молва, что войско ненрияшельское состоитъ подъ начальствомъ Гедея, кошорому Сеудъ назначилъ Сирію удѣломъ. Но сіе нашествіе было новымъ доказательствомъ, что Вагабисамъ не надлежало простирашь завоеваній своихъ за предѣлы, назначенные для нихъ самою природою. За девять мѣсяцовъ прежде они также покушались напасть на Египетъ, однакожъ неимѣли въ томъ никакого успѣха.

Вся выгода, приобретенная симъ предприятиемъ прошивъ Дамаска, состояла въ томъ единственно, что Вагабисы овладѣли въкѣшными укрѣпленіями на пути черезъ пустыню въ южной сторонѣ отъ упомянутого города. Они засыпали землю источниками и колодези, и сообщеніе между Сирією и Аравією чрезъ то сдѣлалось еще затруднительнѣе.

Сеудъ старался уничтожить сообщеніе по прежней дорогѣ; однакожъ все показывало, что онъ хотѣлъ открыть новые пути для торговли, но такъ чтобы оныя состояли въ его власти. Онъ полагалъ, что поборы съ каравановъ будутъ для него новымъ источникомъ доходовъ. Такимъ образомъ онъ учредилъ, хотя не на долго, путь сообщенія, бывший весьма полезнымъ въ древности и во времена крестовыхъ походовъ. Дорога проложена отъ Суецъ къ Канъ-Юнесу, крайнему мѣстечку въ Сиріи на перешейкѣ, соединяющемъ Азію съ Африкою. Опряды Вагабисовъ охраняли дорогу и провожали караваны отъ одного мѣста до другаго. Они привозили въ Суецъ наличныя деньги и Аравійское кофе, а шамъ получали въ замѣну Индійскіе товары. Многіе караваны, состояющіеся въ Наплусѣ, древнемъ Сихемѣ, отправлялись по новой дорогѣ. Сеудъ предоставилъ также немалыя выгоды караванамъ, идущимъ изъ Бассоры въ Багдадъ и Алеппо. Съ самаго начала онъ сбавилъ половину цѣны съ кофе, привозимаго въ Сирію. Сіи распоряженія доказываютъ, что Вагабисами гораздо болѣе уважается торговля, нежели какъ вообще думаютъ объ Аравишанахъ. Скоро послѣ того возникшіе въ Египтѣ раздоры остановили сіи торговыя сношенія, а другія важнѣйшія произ-

Сестривя заставили Сеуда обратишь вниманіе свое на другую сторону.

Предпріяшіе Вагабисовъ прошивъ Багдада. Алгиваземы поражены Англичанами.

Остаешся шеперь упомянуть о послѣднихъ покушеніяхъ Вагабисовъ прошивъ Багдадской области. Въ ней господствовалъ тогда Солиманъ Паша, послѣ смерти Али-Паши, убишаго заговорщиками. Порша долго не признавала его въ семъ достоинствѣ; наконецъ въ 1807 году Солиманъ получилъ свое ушверженіе. Онъ прилбно заботился о средствахъ сопротивляясь Вагабисамъ, и за самое выгоднѣйшее призналъ вооружить противу ихъ Аравіянъ, ихъ однородцовъ. Слѣдуя сему плану, онъ старался приобрѣсть благосклонность нѣкоторыхъ племенъ Аравійскихъ, опложившихся отъ его предмѣспника. Въ концѣ 1807 года онъ заключилъ договоръ о дружбѣ съ однимъ племенемъ, и обратно имъ отдалъ имущество, отнятое прежнимъ Пашею.

Въ Февралѣ 1808 года начальникъ Вагабисовъ предложилъ мирныя условія Пашѣ Багдадскому. Трудно угадать побудительную къ шому причину; можешъ бышь Сеудъ надблялся обмануть Солимана, а можешъ бышь чаялъ обратишь его къ исповѣданію новой вѣры. Какъ бы шони было, Паша не принялъ посольства, и не хотѣлъ вступашъ ни въ какіе переговоры дошолъ, пока Сеудъ не признаешъ себя подданнымъ Турецкаго Султана. Огорченный отказомъ предводитиель Вагабисовъ началъ помышляшь о новыхъ предпріяшяхъ. Съ Апрѣля

1808 въ Дрейгѣ происходили важныя приго-
швленія; никто не зналъ, къ чему они кло-
нятся; напослѣдокъ стало извѣстнымъ, что
скоро начмупся военныя дѣйствія противъ
Паши Багдадскаго.

Въ продолженіе сихъ приготовленій Вага-
бисы поражены были жестокимъ ударомъ въ
самомъ почти средшочіи своихъ владѣній. Де-
ревня Грайнѣ, лежащая на морскомъ берегѣ
въ разстояніи чешырехъ дней пупи отъ Бас-
соры, освободилась отъ ига сихъ Аравіянѣ.
Апубы, жишелъ оной, не захошѣли плашину
маложенной подаши. Сеудѣ опрядилъ 4000
человѣкъ для наказанія ихъ за шакую дерзость;
однакожь войско сіе въ Іюнѣ 1808 было опра-
жено Шейкомъ Ибнѣ-Салемомъ, начальникомъ
въ Грайнѣ. Солиманѣ наградилъ сего храбраго
воина шубою, какъ знакомъ начальческаго
достоинства, и сверхъ того разными дороги-
ми подарками.

Въ то же время возникли внутреннія не-
согласія между Вагабисами. Гербесы и еще
другое Аравійское же племя взбуншовались; въ
Цебарѣ шакже оказалось возмущеніе. Приба-
вишь должно, что нѣсколько уже лѣтъ сряду
сильныя жары продолжались въ Аравіи; вода
въ колодезяхъ высохла; хлѣбъ вздорожалъ чрез-
вычайно; голодъ, бывшій еспешственнымъ слѣд-
ствіемъ засухи, распространилъ горячки и
разныя прилипчивыя болѣзни, отъ коихъ много
народа погибло.

Не взирая на сіи несчастныя произше-
ствія, Сеудѣ постоянно занимался своимъ пред-
прияшіемъ. Онѣ опрядилъ 3500 Вагабисовѣ

для нападенія на Имамъ-Гуссейнъ, а самъ повелъ сорока-пяти-тысячное войско прямо къ Багдаду, и уже овладѣлъ всѣми на правомъ берегу Евфрата лежащими селеніями.

Солимана тогда не было въ Багдадѣ. Приближеніе Вагабисовъ весьма беспокоило какъ его, такъ и всѣхъ жителей. Унынїе распространилось по городу, и всѣ шоржища были закрыты. Янычарамъ и всѣмъ Турецкимъ купцамъ было велѣно присоединиться къ войску Паша Солимана.

Между шѣмъ Вагабисы овладѣли лежащимъ въ разстояніи пяти часовъ отъ Кербелы селеніемъ Хифешою, которое сдалось имъ на условіяхъ. Они подкрѣпили войско, осаждавшее Имамъ-Гуссейнъ, и обложили Гинди и Аинъ-Саидъ. Каймаканъ Солимана Паша съ передовымъ войскомъ посвѣщаль къ Кербелѣ. Кіая-Бей и другіе чиновники къ нему присоединились. Были два сраженія, и оба окончились въ пользу Турковъ. Скоро потомъ самъ Паша прибылъ въ Кербелу; всѣ янычары и вооруженные купцы за нимъ слѣдовали. Испуганные Вагабисы оставили осаду Гинди; Кіая-Бей гнался за ними до Хифешы, и принудилъ ихъ бѣжать изъ сего селенія. Солиманъ, вознамѣрившись остановиться на будущее время всѣ нападенія Вагабисовъ, приказалъ вырыть при колодезѣ и обнести ихъ каменною стѣною. Тщешно предлагалъ онъ милость свою начальнику Хифешы; епотѣ шеикъ упорно отказался при своемъ исповѣданіи новой вѣры, которую принялъ весьма недавно. Солиманъ Паша велѣлъ казнить его смертію, и 15 Августа 1808 возвратился по-

бѣдшелемъ шакого войска, которое до шѣхъ поръ считалось непобѣдимымъ.

Сіе покушеніе Вагабисовъ противъ Багдада есть достопамятнѣйшее событіе въ ихъ исторіи 1808 года. Въ послѣдовавшемъ году они непредпринимали ничего важнаго, а только грабили караваны и причиняли беззаконства своими набѣгами. Однакожъ 1809 годъ достоинъ примѣчанія въ исторіи Вагабисовъ, и въ особенності сѣдствіями войны между Маскашскимъ Имамомъ Ибнъ - Ель - Сулшаномъ и племенемъ Алгиваземскимъ. Преній Имамъ Бедеръ нашелъ для себя убѣжище въ Расъ - Ель - Краймъ, главномъ городѣ сѣхъ Аравіянъ. Покушенія новаго Имама противъ города остались безуспѣшными. Алгиваземы, возгордившись сею выгодною, не наблюдали никакой мѣры въ разбойническомъ ремеслѣ своемъ, и въ Апрѣлѣ 1809 года испребили одинъ небольшой флотъ, снаряженный знатнѣйшими приморскими Персидскаго залива городами съ шѣмъ намѣреніемъ, чтобы ему соединиться съ главною морскою силою, собравшеюся при Маскашѣ. Съ сего времени сіи морскіе разбойники сдѣлались гораздо спрашнѣе нежели прежде; неуважали никакого флага, и наиболѣе искали кораблей Англійскихъ, на которыхъ находили они лучшія оружія и лучшій порохъ. Англійскій фрегатъ Минерва, плывшій изъ Бомбая къ Бассорѣ, и коего грузъ цѣнили свыше 100,000 рупій, достался имъ въ руки. Они овладѣли многими другими, также богато нагруженными кораблями, изъ коихъ одинъ принадлежалъ губернатору Абу - Шерскому. Всѣ корабли сіи были купеческіе; но Алгиваземы послѣ опшважились нападать даже и на корабли во-

енные. Одна Англійская корветка о 16 пуш-кахъ не могла сопротивляясь множеству разбойническихъ лодокъ, и капишанъ прину-жденъ былъ поднять судно свое на воздухъ, чтобы только избѣжать плѣна. Скоро послѣ того явились два Англійскіе фрегата на Персидскомъ заливѣ, и имѣли нѣсколько счастли-выхъ сраженій съ лодками Алгиваземовъ, изъ коихъ нѣкошорыя приведены ими были въ Бомбай. По праву возмездія Англичане всѣхъ своихъ плѣнниковъ осудили къ смертной каз-ни, и въ самую минушу исполненія пригово-ра объявили имъ прощенье, думая шѣмъ по-пустить войну, угрожавшую всему конеч-нымъ разрушеніемъ. Однакожъ сей посту-покъ ихъ оспался бесполезнымъ: Алгиваземы сдѣлались еще свирѣпѣе отъ страха, и умер-щвили всѣхъ находившихся у нихъ Англій-скихъ плѣнниковъ.

Разбойничество Алгиваземовъ совершенно прекратило морскую торговлю, и алчные хищ-ники сіи, приобыкшіе обогащаться ежеднев-ными добычами, были шѣмъ весьма недоволь-ны. Чтобы вознаградить себя, они вздумали снова напасть на Маскапу, и въ Юль 1809 отправили шуда многочисленную флотилію. Частыя удачи сдѣлали ихъ слишкомъ отваж-ными, такъ что они не побоялись даже на-пасть на Англичанъ въ неприятельской гавани.

Но Англичане, кошорымъ давно уже на-скучили разбой Алгиваземовъ, прилѣжно забо-щались о средствахъ навсегда отъ нихъ освободиться. Одной эскадрѣ велѣно присо-единиться ко флоту, снаряженному начальни-комъ Маскапы. Соединенная морская сила сія въ концѣ 1809 года была уже въ состояніи пуститься изъ гавани. Флотъ искалъ Алгива-

земовъ даже въ самыхъ шѣхъ мѣстахъ, откуда они высылали свои разбойническія судна. Въ самой праздникъ Байрама (9 Ноября 1809) флотъ Алгиваземовъ разбишь совершенно Англичанами; 140 лодокъ ихъ со всѣми людьми попоплены, а прочія взяты въ плѣнъ; только немногимъ посчастливилось убѣжашъ; они искали пристанища при Аравійскомъ берегѣ у Расъ-Елъ-Крайма; Англичане погнались за ними, осадили крѣпость, и лежащій за нею городъ превратили въ пепель. Дерево заготовленное для построения лодокъ испреблено. Напоследокъ и самая крѣпость Расъ-Елъ-Краймъ достпалась въ руки Англичанамъ. Они возвратились въ Маскашу съ 1600 человекъ плѣнныхъ и со множествомъ лодокъ.

Такимъ образомъ окончилось предпріятіе, коимъ совершенно прекращены разбои Алгиваземовъ. Пока находилась во власти ихъ крѣпость Расъ-Елъ-Краймъ, до шѣхъ поръ они могли бышь спрашными своему сосѣду Иمامу Маскашскому; сіе мѣсто было средопочіемъ Сеудова господства; для шого Англичане старались удержашъ его за собою, и оставили въ немъ достпашочное количество охранааго войска.

Симъ оканчивается извлечение изъ Французской книги *о Вагабисахъ*, помѣщенное въ *Минервѣ*, и опшуда сокращенно переведенное для читашелей Вѣстника Европы. Изъ напечатаннаго въ упомянутомъ Нѣмецкомъ Журналѣ письма изъ Бѣмбая отъ одного Англійскаго офицера, писаннаго 30го Апрѣля 1810 года, видно; что могущество Алгиваземовъ, сихъ Аравіянъ-Вагабисовъ, совсѣмъ уничтожемо на Персидскомъ заливѣ.

Нѣсколько словъ о новоучрежденномъ Берлинскомъ Университетѣ.

Въ половинѣ Октября истекающаго 1810 года въ Берлинѣ открытъ новый Университетъ, къ устройству коего сдѣланы уже были потребныя распоряженія. Король Фридрихъ Вильгельмъ III, ревностный покровитель наукъ и искусствъ полезныхъ, не смотря на затруднительныя обстоятельство оснанныхъ послѣ Тяльзитскаго мира его областей, надѣлся сіе новое заведеніе со щедростію прямо царскою. Всѣ publicныя извѣстія достаточно показывающъ, что правительство надлежащимъ образомъ печется о распространеніи полезныхъ свѣдѣній, и что къ учрежденію новаго сего Университета поводомъ было самое благородное намѣреніе, а отнюдь не расчеты корысплюбія.

По извѣстіямъ въ publicныхъ листкахъ напечатаннымъ видно, что число студентовъ простирается уже за сто шридесятъ; это подаещъ хорошую надежду для будущаго времени, щѣмъ болѣе что при нынѣшнихъ весьма неблагопріятныхъ для наукъ и искусствъ обстоятельствахъ, въ старинныхъ и славнѣйшихъ Нѣмецкихъ Университетахъ число обучающихся гораздо поубавилось противу прежняго: въ Ерфуртѣ осенью 1809 года было не болѣе 40 студентовъ; въ Ерлангенѣ только 200, и по большую частію упражняющихся въ законодкусствѣ; во Франкфуртѣ при Одерѣ около 450, также по большей части юристовъ и математиковъ; въ Гиссенѣ 241; въ Геттингенѣ 459, въ числѣ коихъ было 259 иностранцевъ; въ Грифсвалдѣ 64; Галлѣ 210; въ Гельмшtedтѣ 162, въ числѣ коихъ было 112 ино-

спранцовъ; въ Тибингенѣ 290; въ Вишпенбер-
гѣ до 300; Вирдбургѣ 250; въ Іенѣ до 130; въ
Гейдельбергѣ до 600, въ числѣ коихъ при чет-
верти было иностранцевъ.

Кашалогъ о лекціяхъ первой половины го-
да съ 15 Октября достапочно показываеиъ,
что главныя кафедры по части богослов-
скихъ наукъ, юридическихъ, медицинскихъ,
философскихъ, камеральныхъ, историческихъ,
также по части древностей, филологіи,
изящныхъ искусствъ и новыхъ языковъ уже
заняты; а имена Шмальца, Савиньи, Вешпе,
Шлейермахера, Фихте, Рейля, Бурги, Боде,
Клапроша, Вильденова, Таера, Гермшедта,
Гирша, Ригса, Волфа, Бушмана, Гейндорфа и
другихъ въ учебномъ свѣтѣ столько извѣстны,
что публика имѣеиъ всѣ причины ожидать хо-
рошихъ успѣховъ касательно распространенія
полезныхъ знаній во всѣхъ частяхъ учености.

Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя праз-
дныя кафедры равнобрно будутъ заняты спо-
собными наставниками. Отдѣленіе народна-
го просвѣщенія, при Министерствѣ внушрен-
нихъ дѣлъ состоящее, въ объявленіи своемъ
ясно упомянуло, что основаніе и окончательное
устройство столь важнаго заведенія не можетъ
быть совершено въ нѣсколько мѣсяцовъ.

Ни въ одномъ изъ Нѣмецкихъ Универси-
тетовъ до сихъ поръ еще не было учреждено
кафедры для преподаваемыхъ нынѣ Профессо-
ромъ Гагеномъ лекцій объ исторіи древняго
Нѣмецкаго стихотворства. Къ снати пред-
ложимъ образецъ поверхностнаго сужденія
нѣкоторыхъ слишкомъ поспѣшныхъ рассказ-
чиковъ о такихъ вещахъ, о которыхъ ин-
гда мимоходомъ удаеиъ имъ схватишь нѣсколь-
ко словъ въ публичныхъ мѣстахъ, въ кофей-

ныхъ домахъ и въ разныхъ собраніяхъ. Недавно въ 147 номеръ Упренныхъ листковъ, подъ сшапью изъ Берлина, было напечатано слѣдующее :

„Распространившееся посредствомъ разныхъ заграничныхъ листковъ извѣстіе, будто во вновь учреждаемомъ здѣшнемъ Университетѣ предназначается особая кафедра для древней Нѣмецкой лихсперашуры, можетъ казаться въроашнымъ только для такихъ людей, которые готовы всему върять. Наше Государство не въ такомъ состояніи, чтобы могло распочать деньги; старинная Нѣмецкая словесность будетъ соединена съ какою-либо другою частію, но не составитъ особаго отдѣленія.“ Въшъ приговоръ самой рѣшишельной, однакожъ несправедливой!

Достойно примѣчанія, что покойный Енгель не рѣдко съ жаромъ говаривалъ, что Берлинъ можетъ быть средопочіемъ Нѣмецкой учености и книжной торговли въ Германіи. „Нужно сдѣлать только нѣсколько распоряженій (это слова Енгелевы); Государство теперь въ такомъ состояніи, что удобно можетъ произвести въ дѣйство планъ, отъ котораго будетъ получать полмилліона ежегоднаго дохода, и посредствомъ котораго многимъ людямъ доставитъ работу передѣлкою ветошекъ на бумагу. Надобно учредить Академію изъ числа писателей, изъ природныхъ Нѣмцовъ; надобно завести въ Берлинѣ большое, всѣ науки заключающее въ себѣ училище, свободное отъ всѣхъ старинныхъ зашѣйливостей, гнѣздящихся въ Нѣмецкихъ Университетахъ, но не лишенное ни одной изъ выгодъ, коими пользуютсяъ шѣ же Университеты — а это не-

„мудрено сдѣлать, лишь бы только захотѣли; тогда Берлинъ былъ бы главнымъ городомъ сѣверной, а можетъ быть и всей Германіи и среднѣпочемъ націи. Люди, подобно „распѣніямъ, произвольно склоняются къ той „сторонѣ, откуда свѣтъ на нихъ изливается, „и сердце слѣдуетъ за чувствами безотлучно.“

Въ Берлинскихъ Вечернихъ листкахъ (№ 24, 1810) предложенъ вопросъ: натуральная философія не умышленно ли пропущена, за недоспашкомъ въ способныхъ преподавателяхъ? и попомъ прибавлено: „послѣдняго предпологаешь не можно, когда мы знаемъ, что Шшеффенсъ и Шубертъ еще живы, что они вбро- „дство годовы на всякое пожертвованіе для „Берлинскаго Университета, и что въ способности преподавать науки, въ ученой славѣ „и въ ревности они конечно никому не уступаютъ; и такъ, думать надобно, была тому „другая причина, въ прочемъ несомѣстная „свѣтлороднымъ намѣреніемъ учрежденія.“

Не присвоивая себѣ права истолковать, по какимъ побудительнымъ причинамъ сія высокая часть философіи неимѣетъ для себя кафедры въ новомъ Университетѣ, можемъ сказать, что тамъ надлежитъ ожидать болѣе прибыли нежели ущерба, гдѣ при устроеніи столь важнаго учебнаго заведенія щастельно стараются удалить все то, что болѣе вредно нежели полезно быть можетъ, и гдѣ болѣе обращаютъ вниманія на прочность, нежели на минушней блескъ и славу: прошивуположная тому мѣлочная полишика по большей части водворяетъ въ училищахъ жагубу для истиннаго народнаго просвѣщенія.

По видимому, опять мало по малу обращаются къ тому мнѣнію, что гораздо лучше

отказаться отъ суетнаго рвенія при старой философіи преподавать еще новую и новѣйшую, нежели открывать новое поприще для метафизической революціи, которая, къ сожалѣнію, и безъ того уже слишкомъ распроспранилась. При томъ же благонамѣренное правительство не требуетъ отъ ученыхъ людей никакихъ излишнихъ усилій, никакой жерпвы; образъ его мыслей видѣнъ въ щедромъ назначеніи жалованья; каковымъ не многіе Университеты могутъ похвалиться.

Каждой патриотъ и каждой любитель основательныхъ познаній долженъ радоваться, что новоучрежденному Университету дано такое направленіе, которое послужитъ къ сохраненію каждой науки въ естественныхъ ея предѣлахъ и къ извлеченію изъ каждой науки существенной пользы для практической жизни. Весьма справедливо о семъ предметѣ говоритъ одинъ почтенный писатель:

„Здравой разумъ и крошкой нравъ состоитъ, въявляющъ важнѣйшую драгоценность въ человѣкѣ, и пошому каждой долженъ щипательно беречь ее. Нѣтъ ничего для человѣка пагубнѣе миспика и лжеумствования; вооружайся противъ нихъ всякой, кто не домогается суетныхъ похвалъ у крикливыхъ и дающихъ шонъ своихъ современниковъ. Всѣ наставники въ училищахъ и Университетахъ должны возспать противъ нихъ общими силами; ибо внѣшнія несчастія, отъ которыхъ такъ много слезъ пролило, ничего не значатъ въ сравненіи съ тою опасностію, кою угрожаютъ лицебрные миспики и велемудрые софиспы испинному просвѣщенію.“

(Изъ Минерви Арх.)

Обозрѣніе заграничныхъ произше- ствій.

Во Французскомъ Монитерѣ обнародованъ Императорскій указъ, въ которомъ написано: і.е. Изданная въ Савонѣ (гдѣ находится Папа) 30 Ноября 1810 грамота къ Викарію Капишула и къ самому Капишулу главной церкви во Флоренціи, какъ прошивная законамъ Имперіи и порядку церковному, уничтожается; почему запрещается обнародывать сію грамоту и дѣлать по ней какое-либо исполненіе. 2.е. Всѣ тѣ, кои изобличатся въ произведеніи въ дѣйство оной грамоты, въ пересылкѣ ея или передачѣ, должны бытъ преслѣдуемы и наказаны какъ за такое преступленіе, которое клонится къ нарушенію общественнаго спокойствія междуусобною войною. — Въ томъ же Монитерѣ напечатанъ на Италіянскомъ языкѣ отъ духовнаго Капишула Флоренцінскаго адрессъ, въ которомъ, по примѣру Капишула Парижскаго, извѣвляющся Его Величеству върноподданническія чувствованія и благодарность за назначеніе Императоромъ въ Епископы Флоренціи Барона Осмонда. — Указомъ 31 Декабря 1810 предписано: чѣобы Иллирійскіе, Неаполитанскіе и Турецкіе корабли, плавающіе съ позволишельными видами въ гавани Средиземнаго моря, при отправленіи своемъ въ обратной путь брали съ собою шелковыя Французскихъ фабрикъ матеріи, которыя должны составлять половину всего груза. Французскимъ кораблямъ, плавающимъ съ позволишельными видами въ гавани Средиземнаго моря, предписано исполнять то же условіе. Корабли Американскіе и Ганзеатическихъ городовъ, плавающіе съ

пропускными видами, должны брать съ собою для возвращающаго пуши количество шелковыхъ товаровъ, составляющее только шрепью часть всего груза. — Ошъ 20 по 25 Января во Французскія гавани Діеппу, Осшенду, Каену и Гавръ-де-Грасъ пришло изъ Англии 9 купеческихъ кораблей; на оныхъ привезены товары: лазоревое и другія красильныя дѣревья, перецъ, невыдѣланныя Американскія кожи, индиго пиемени и проч.; равнобрно и Французскіе корабли каждой день ошправляются въ Англию съ пропускными видами, и ошвозящъ баписшы, масло, вино и другія вещи. — Нынѣ въ Парижѣ находидся много Прелашовъ, и собранія ихъ, шакъ замѣчено въ одномъ журналѣ, не должно приписывать ни случаю, ни дѣламъ частнымъ.

✱

Во гаваняхъ Неаполишанскаго Королевства во все продолженіе текущей зимы производится работа надъ канонерными шлюбками и пенишами. Королевская флотилія будущимъ лѣтомъ ошправится прошивъ Сициліи, и будетъ вдвое сильнѣе прошиву прошлогодней. Въ концѣ минушаго Декабря мѣсяца изданъ Королевскій указъ слѣдующаго содержания: „По причинѣ, что бѣглые солдаты сухопутной и морской нашей силы не только находятъ себѣ у многихъ жишелей нашего Королевства убѣжище, но чшо даже гражданскія и военныя начальства дозволяющъ имъ жишь въ домахъ ихъ; далѣе, чшо многіе ложныя вербовщики употребляютъ всѣ средства склоняющъ нашихъ солдатъ къ побѣгамъ, мы признаемъ за нужное повелѣшь“ и проч.

✱

Принцъ Валлійскій торжественно вступилъ въ ошправление должности Регента

Англии. Обрядъ былъ совершенъ во дворцѣ Его Высочества въ присутствіи членовъ Тайнаго Совѣта. Принцъ читалъ свою присягу, которая въ то же время записана въ протоколъ.

✱

Принцъ Оскаръ получилъ уже шпиль Герцога Зюдерманландскаго, коимъ нынѣшній Шведскій Король прежде возшестьвія своего на престолъ именовался.

✱

По причинѣ беременности одной Султанши, въ Константинополѣ запрещено плывущимъ мимо Серая кораблямъ палишь изъ пушекъ. (Нынѣшній Султанъ есть единственная и послѣдняя мужескаго пола опрасль Османнова колѣна. Извѣстно, что Селимъ III низверженъ съ престола за то, что былъ бездѣтенъ.) Въ послѣднихъ числахъ Декабря Великій Визирь имѣлъ главную свою кварширу въ Шумлѣ, и былъ намѣренъ перенести ее за Балканскія горы по причинѣ нездороваго мѣстоположенія. Армія Великаго Визиря очень уменьшилась, отъ того что Азіяшскія войска обратнo пошли въ свое отечество.

Разныя извѣстія.

Въ Вестфальскомъ Монистерѣ помѣщено извѣстіе, полученное изъ Мальшы черезъ Смирну, что Сенаторъ Лукіанъ Бонапарте намѣренъ былъ отправиться отсюда на Англійскомъ кораблѣ въ Лондонъ.

Въ Австрійское войско впредь, какъ называютъ, чужестранцы вовсе не будутъ принимаемы.

Изъ Греча увѣдомляютъ, что Король Лудовикъ Голландскій живетъ тамъ весьма уединенно, и что время свое проводитъ въ чтеніи книгъ и въ разсматриваніи художественныхъ произведеній.

Въ частныхъ письмахъ увѣдомляютъ изъ Испаніи, что напечатанное во Французскомъ Монисерѣ извѣстіе, будто Арагонцы громкогласно желаютъ присоединены быть ко Французской Имперіи, клонится къ предположенію возстановить прежнюю границу Имперіи Карла Великаго, проспиравшуюся до рѣки Ебро.

Изъ Лиссабона пишутъ, что извѣстный Маркизъ Романа скончался.

(Изъ Рижск. Зрилл.)

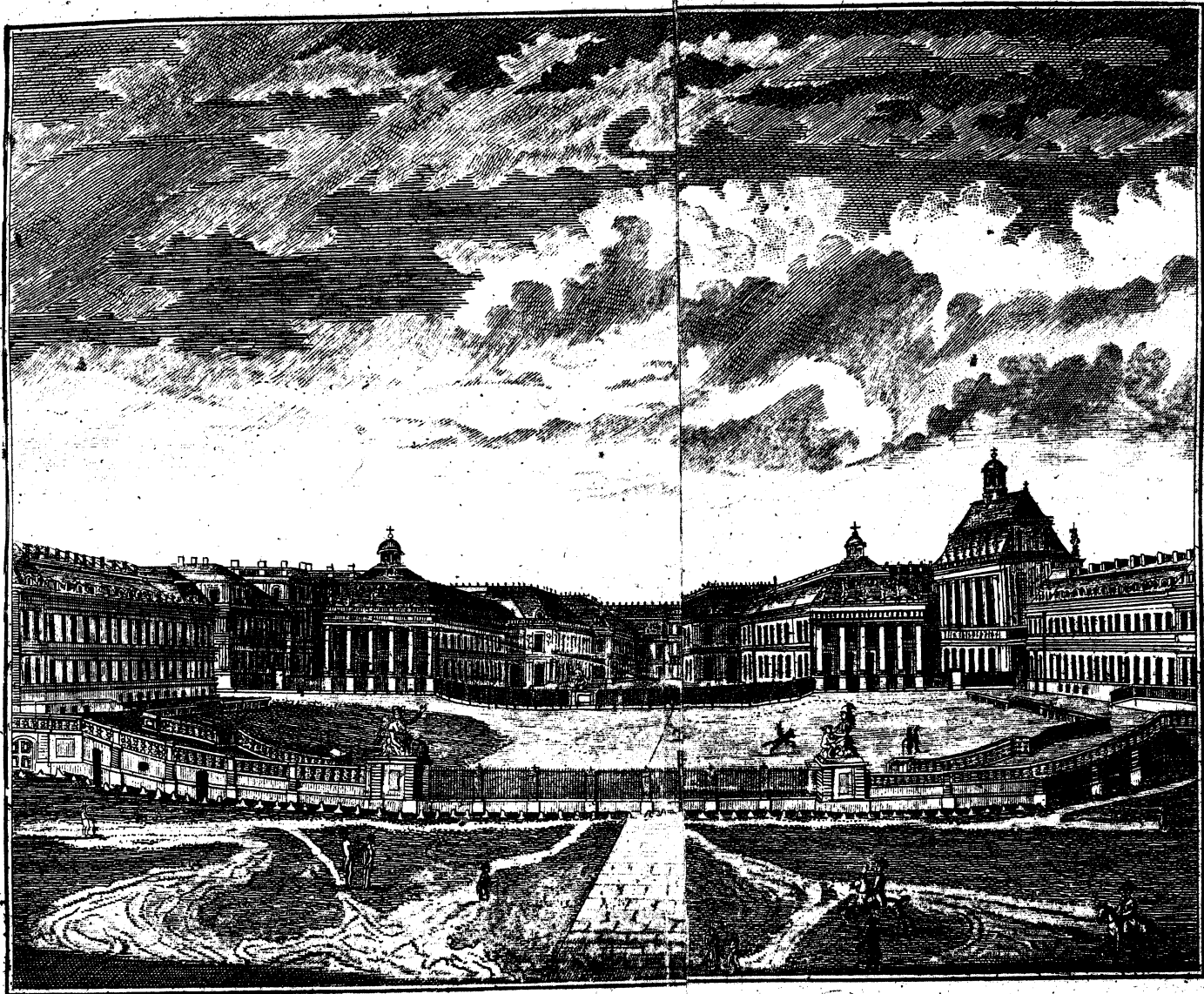
15 Марта.

У в ѣ д о ж л е н і е .

Изъ полученныхъ при письмѣ 1 Марша 1811 года изъ Глухова 50 рублей, по желанію неизвѣстной благотворительной Особы, одна половина отправлена въ С. Петербургъ ко Льву Николаевичу Неваховичу для доставленія госпожѣ Бобровой (Вѣспн. Евр. 1810 No 11 стр. 245), а другая въ Карачевъ къ госпожѣ Яновской (Вѣспн. Евр. 1811 No 4. стр. 324).

+

Получены также при письмахъ изъ Глухова отъ 24 Февраля 25 рублей, да изъ Кіева отъ 26 Февраля 50 рублей для раздачи нуждающимся: 50 р. препровождены Издателемъ въ С. Петербургъ ко Льву Николаевичу Неваховичу для доставленія госпожѣ Бобровой, а 25 р. въ Карачевъ къ госпожѣ Яновской. К.

Видъ Зимняго дворца. (D)

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 7. А П Р Ъ Л Ъ 1811.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Необходимое и излишнее.

(*Восточная сказка.*)

Молодой Адемдаи, бѣдный Багдадскій ремесленникъ, возвращался по окончаніи дневной работы въ бѣдную свою хижину. На дворъ была уже ночь; полная луна свѣтила ярко. Вдругъ слышишь онъ шумъ: два чедовѣна, одѣтые въ плащѣ Армянскихъ купцовъ, защищались противъ шести мошенниковъ. Адемдаи былъ сосрадашелевъ и ошваженъ; онъ не имѣлъ въ рукахъ ничего кромѣ палки: но ещо не помяло ему броситься на мошенниковъ, которые въ минушу обращены были въ бѣгство. Адемдаи, послѣ шакого смѣлаго подвига, удалился, и не подумалъ спросить, кто были Армянскіе купцы, спасенные имъ такъ неожиданно.

— Требую очень малаго: сараичиенаго пишена для моего обѣда; дровъ для моей печи; опрышнаго плашья для меня самаго — и болѣе ничего не могу придумать.

„Ты очень неприхопливъ, Адемдаи. Сколько же надобно тебѣ денегъ, дабы имѣшь всѣ эти необходимыя вещи?“

— Не болѣе драхмы въ день! —

„Вотъ восемь драхмъ: довольно для тебя на недѣлю; черезъ восемь дней въ ешопѣ же самый часъ явлюсь опять въ швоей хижинѣ — и если узнаю, что для тебя недостапочно одной драхмы ежедневнаго дохода, то ты получишь отъ меня столько, сколько попотребуешь. Я стану увеличивать ешо жалованье по шѣхъ поръ, пока наконецъ ты скажешь, что имѣешь *необходимое*. Но знай, Адемдаи, что я никакъ не намѣренъ давать тебѣ *излишняго*.“ И Геній скрылся.

Адемдаи, полный воспорага, разсмаширивалъ въ неописанномъ удовольствіи деньги, данныя ему благодѣтельнымъ Духомъ. Восемь драхмъ! какое сокровище! — Никогда еще въ жизни своей Адемдаи не бывалъ такъ богатымъ.

— Слава Пророку! восклицалъ онъ: теперь не нужно мнѣ цѣлый день изнурашь

себя работою, дабы имѣть подѣ вечерѣ блюдо сарачинскаго пшена. . . . Должно признаться однако, что я великой глупецъ! прибавилъ онѣ по нѣкоторомѣ размышленіи — я позабылъ попросить у добраго моего Духа парихѣ вещей, которыя почно для меня *необходимы*. Въ домѣ моемѣ нѣшѣ никакой мебели; а что такое домѣ безѣ мебели? Будто можно назвашъ постелью ешу доску, на которой я сплю шарѣ безпокойно? Хорошая постеля конечно есть вещь необходимая, попому что спать спользово же нужно для сохраненія жизни, какѣ пишь и ѣспь. А есть ли у меня спулѣ? Ни одного нѣшѣ! а надобно бы имѣть ихѣ нѣсколько — одинѣ для меня, другіе для моихѣ приящелей; ибо и они необходимо въ шо время когда я буду сидѣшь передѣ ними очень спокойно, не должны оспаваться на ногахѣ — ешо не прилично, а для хозяина и весьма неприятно. Также не худо было бы имѣть и столѣ — собирашь на колѣняхѣ обѣдѣ свой очень неловко.

Тавѣ бѣдный Адемдаи пересчитывалѣ въ мысляхѣ своихѣ шѣ вещи, которыя могли бы для него быть необходимы. Ввечеру, принявпсь за ужинѣ, онѣ началѣ опяшь размышляшь о шѣхѣ предметахѣ, которыхѣ позволено бы ему было потребовать у добраго Духа. — Правду сказать, одна

драхма въ день — доходъ не самый богатый! Сухое пшено очень сухо! а всякой день одно пшено — епо наконецъ прискуचितъ. Я желалъ бы иногда попопчивать себя и другимъ какимъ нибудь блюдомъ, хотя въ праздничные дни. Геній можешъ сказать мнѣ, что я уже прошу излишняго; но онъ ошибется, и я епо ему докажу. Человѣку необходимо надобно разнообразить свою пищу. Для чего же и создалъ Богъ такое множество припасныхъ для вкуса вещей, когда бы мы не должны были ими питаться? Ёспъ надобно съ аппетитомъ; а можно ли имѣть аппетитъ, когда всякой Божій день ёшь одно и то же? Замѣчу еще и то, что праздничные дни должны быть днями удовольствія и радости; но я желаю знать, какое удовольствіе можешъ имѣть бѣднякъ, который ёспъ одно сарачинское пшено? И шакъ переменять иногда пищу свою почтишаю необходимымъ. Но сарачинское пшено самая дешевая пища; а драхмы достаёшь мнѣ на одно полько пшено — никакой другой пищи не могу имѣть на ешу сумму. Слѣдовательно надобно просить у Генія драхмы на день, и двухъ на праздничные дни. Много ли епо? —

Прошло восемь дней, и Геній въ назначенное время явился въ хижинѣ. Адемдаи бросилси передъ нимъ на колѣни и началъ

выстигивашь шѣ необходимыя вещи, которыхъ позабылъ у него попросивашь при первомъ свиданіи.

„Берегись, Адемдаи, сказалъ ему съ кротостію Геній. Могу тебѣ дать одно только *необходимое*; если попросишь *излишняго*, то будешь на вѣки мною оспавленъ.

Но Адемдаи доказалъ своему благодѣтелю, что требованія его ни мало не проспирались за предѣлы необходимаго — и Геній, убѣжденный силою доказательствъ, далъ ему чепыре золотыхъ динара на покупку мебели, и согласился на прибавку праздничной драхмы; попомъ оставилъ его, сказавши, что опять увидишься съ нимъ по испеченіи восьми дней.

На другой день рано поутру Адемдаи отправился на рынокъ, накупилъ мебели, и возвращаясь въ хижину, воображалъ, что она покажется ему богатымъ чертогомъ. Но въ этомъ случаѣ воображеніе жестоко его обмануло. Мебели были новыя, а хижина старая. Онъ началъ ее разсматривать, и наконецъ нашелъ, что она требовала большихъ поправокъ, и была готова совсѣмъ разрушиться. Онъ кликнулъ каменьщика, дабы посоветоваться съ нимъ о перестройкѣ; но эпоть человекъ, взгля-

нувши на хижину, сказалъ ему: напрасный трудъ переправляшь ешу лачугу; гораздо будетъ дешевле поспавишь на мѣстѣ ея новую!

Адемдаи въ опчальнѣи; видѣвъ прекрасную новую мебель въ бѣдной, почти разрушившейся избушкѣ, — сносно ли ешо? она упадешь, переломаешь всю мебель, задавишь и самого хозяина! И шакъ совсѣмъ не лишнее переправишь, или и снова переспроишь вѣшій домъ, грозящій паденіемъ; ибо одна изъ главныхъ нуждъ челоуѣа состоишь въ шомѣ, чшобы имѣшь приспаище и не бояшься всякую минушу, чшо упадешь кровля и его раздавишь.

Генійъ являеца; Адемдаи сообщаетъ ему свои замѣчанія — и Генійъ находишь ихъ споль основательными, чшо въ шуже минушу ошсчишываешь пятьдесять золотыхъ динаровъ на переспройку вѣшхой избушки.

„Какое счастье! восклицалъ Адемдаи, какое счастье имѣшь шакого доброжелательнаго помощника! Теперь, благодаря ему, не могу ни въ чемъ имѣшь нужды; буду просишь отъ него однихъ необходимыхъ для меня вещей, и вѣрно никогда не получу ошказа, ибо совсѣмъ не думаю объ излишнемъ. Одно *необходимое* драгоценно; а все *излишнее* достойно презрѣнія.

Домикъ поспроенъ; Адемдаи не можетъ взглядысь на новую свою мебель, проспую, во очень чистую; садится на каждой спудъ; постель его шакъ покойна, что онъ желалъбы лежать на ней по цблымъ днямъ. Прибавдте къ етому праздничную драхму, кошорая въ каждый праздникъ доставляетъ ему вкусный оббдъ. Теперь - по можно сказать, что онъ имбеть все *необходимое*. *Необходимое!* но онъ одинъ; а кто же одинъ бываетъ счастливъ? Онъ видитъ людей, имбющихъ въ сераляхъ своихъ по десяти, двадцати и тридцати прекрасныхъ женъ; а у него нбтъ и одной — ктожъ назовешъ излишнимъ *одну* жену, *необходимую* по-другу жизни?

— Это единственная вещь, кошорой недоспаетъ къ моему счастью. Домикъ мой очень хорошъ; но онъ показался бы мнѣ въ тысячу разъ лучше, когда бы жила въ немъ милая женщина. Должно спросить мнѣ у моего Геня, причисляетъ ли онъ жену къ *излишнему*?

Въ такихъ мысляхъ Адемдаи пошелъ прогуливаться по площади города Багдада; видитъ толпу, подходитъ; старый купецъ продаетъ невольницъ: одна изъ нихъ отличалась отъ прочихъ необыкновенною стройностию снана. Адемдаи не можетъ свести

съ нее глазъ, и впервые ошъ роду почувство-
валъ онъ въ душѣ своей что-то похожее на
любовь. Но какъ же онъ ужаснулся, когда
увидѣлъ молодого человѣка, одѣтаго въ бога-
тое платье, приближившагося къ молодой
невольницѣ, и конечно съ намѣреніемъ ее
купить! Приказывающъ ей снятъ покрыва-
ло: какія прелести яредсѣвились взорамъ
Адемдаи — блестящіе глаза, миловидное
лице, губы какъ молодая роза. Адемдаи
остолбенѣлъ; какое очарованіе!

— „Ешю Грузинка, сказалъ купецъ;
ей ошъ роду не болѣе осмьнадцати лѣтъ;
играетъ на люшнѣ; поетъ очень пріяшно;
шанцуешъ съ удивительною лѣгкостію;
словомъ — рѣдкость. Требую за нее двухъ
тысячь золотыхъ динаровъ!“

Молодой человѣкъ предлагаетъ полно-
ры тысячи — Адемдаи шрепещетъ. Ку-
пецъ упрямится — Адемдаи ошдыхаетъ.
Молодой человѣкъ даешъ тысячу осемь-
сошъ динаровъ; купецъ колеблется; Адемдаи
почти въ лижорадѣ; но купецъ ошмаетъ
при первомъ своемъ шребованіи, и молодой
человѣкъ, не сполько воспламененный какъ
добрый Адемдаи, ошказываетъ ошъ покупки.

Нѣсколько разъ въ продолженіе еша-
го дня бѣдный Адемдаи мучимъ былъ ужа-

сомъ, кошорый усилилъ и самую любовь его. По счасшю купецъ оставилъ площадь, не продавъ молодой Грузинки.

Въ эпошъ же вечеръ надлежало явиться и Духу. Адемдаи ждешъ его съ неперпнѣемъ спрашнаго челоѡвѡна, мучимаго ревностію и желаніемъ. Увидя своего благошворшпеля, онъ распросшерся на землѣ и задался слезами.

„Что сдѣлалось съ тобою, Адемдаи? спросилъ съ кропостію Духъ. Что значашъ швои слезы? Ты имѣешь шеперь *необходимое*! Чего же еще можешь опъ меня шребовашъ?“ —

— Ахъ, добрый Геній! воскликнулъ Адемдаи: шы думаешь, что надѣлилъ меня всѣмъ необходимымъ? Но развѣ жена излишнее? Можно ли челоѡвѡку находить счасшѣе въ одиоочесствѣ? И если жену должно назвашъ излишнимъ, шо я очень чувствую, что *излишнее* весьма бываетъ *необходимо*. —

Геній улыбноулся. „Правда швоя, Адемдаи, сказалъ онъ: шы долженъ имѣшь жену; ибо жена необходима для счасшя чеспнаго челоѡвѡна. Совѣшую шобѣ женишься на дочери какого ншбудъ ремесленника изъ шво-

ихъ знакомыхъ. Не буду прошиваться епому супружеству. Ты имѣешь новый домъ, прибранный очень чистю; ты можешь найти и хорошую невѣсту — надобно только искашь ее въ томъ классѣ людей, къ которому принадлежишь ты самъ.

— Увы! я не того желаю! Я влюбленъ, и влюбленъ до безумія; а ты согласишься конечно, что влюбленному человеку необходимо владѣть милою ему женщиною? —

„Необходимо! согласенъ.“

— Слѣдовательно ты не откажешься исполнить любезнѣйшаго желанія моей души. Я люблю спрашно прелестную невольницу! — споль прелестную, что я и опишамъ ее не умѣю. Но она слишкомъ дорога. . . . —

„Что за нее просишь?“

— Двѣ тысячи динаровъ! —

„Въ самомъ дѣлѣ дорого. — но ешпа издержки необходима, ибо ты влюбленъ. Когда бы ты занемогъ, то всякое лѣкарство, нужное для твоего излѣченія, и самое дорогое, было бы для тебя необходимо. Возьми деньги; купи себѣ ешу прелестную невѣстницу.“

Двѣ тысячи динаровъ опсчищаны. Гетнѣй удалился; Адемдаи въ неописанномъ воспорѣ.

Наконецъ владѣвшъ онъ любезною ему женщиною — чего же оспалось ему желашъ? Онъ все необходимое имѣвшъ! Посмотришь. Онъ вводилъ молодую Азели въ домъ свой. — О Пророкъ! восклицашъ она, закрывши глаза руками: куда ты привелъ меня, несчастный! Не уже ли должна я буду жить въ епомъ домѣ? Я, назначенная для серали богатаго и сильнаго человека, я должна быть невольницею нищаго, и жить въ шюрѣ! Гдѣ же ты взялъ двѣ тысячи динаровъ? ты вѣрно укралъ ихъ; ты разбойникъ!

— Ахъ, Азели! сказалъ Адемдаи со вздохомъ: все мое богатство состояло въ двухъ тысячахъ динаровъ; я всѣмъ пожертвовалъ, дабы обладать тобою. Но успѣлся: на имѣя богатства, мы не будемъ имѣть излишняго; за то никогда не пошерпимъ недоспашка и въ необходимомъ. —

Но онъ ошибался; бывши одинъ, онъ могъ очень порядочно жить одною драхмою ежедневнаго дохода; теперь издержки его удвоились: одной драхмы было уже недоспашочно для двухъ. Еспа мысль пришла ему въ голову

слишкомъ поздно. Онъ принужденъ дожидаться возвращенія добраго Духа ; а восемь дней, проведенныхъ въ бѣдѣ и несчастіи, кажутся весьма продолжительны. Онъ идетъ на рынокъ и покупаетъ обѣдъ, для двухъ уже слишкомъ бѣдныхъ.

Между тѣмъ Азели горько плачетъ, и какъ же не плакать — женщина молодая, прекрасная, имѣющая тысячу восхищительныхъ дарованій, доспойная украшаетъ сераль Султана, или по крайней мѣрѣ Великаго Визиря — и что же? она принуждена проводить свой вѣкъ въ уединеніи, бывъ невольницею презрѣннаго ремесленника! Она не можетъ видѣть тѣхъ мебели, которыми Адемдаи за нѣсколько часовъ такъ восхищался. Постель, которую находилъ онъ столь роскошною, кажется ей безпкойнѣ камня. Она же слишкомъ узка для двоихъ, ибо Адемдаи покупалъ ее для одного только себя. Всѣ увѣренія его въ любви принимаетъ она съ досадою.

— Тебѣ ли говорить о любви; покрытому епимъ опвращительнымъ рубищемъ? Ты хвастаешь покровительствомъ какого-то сильнаго Духа, который даетъ тебѣ все *необходимое!* Но развѣ излишнее одѣваться опрятно? А я несчастная, я скоро принуждена буду такъ же надѣть на се-

бя нищенское плашье, дабы сообразовашься съ бѣдствениымъ своимъ положеніемъ; я, кошорая безъ шебя была бы одѣпа въ богашья Персидскія шкани! Ты хочешь, чпобы я шебя любила — но развѣ не ты причина моихъ несчастій? будь же доволенъ и шѣмъ, что я не чувшвую къ шебѣ ненависти.

Слова сіи приводили въ опчаяніе Адемдан — онъ называшь себя несчастнымъ, и кланешь гореспную свою учась. Наконецъ прошекли безконечные восемь дней — Геній явился.

— О благодѣшель мой! ты обѣщаль мнѣ даровашь необходимое; но ты меня сдѣлаль несчастнѣйшимъ человекомъ въ свѣтѣ!

„Какъ! спросиль удивленный Геній; но развѣ не я исполниль швои желанія? Не все ли имѣешь, что прежде казалось шебѣ необходимымъ и драгоценнымъ?“ —

— Увы! ты говоришь правду; и я одинъ безумецъ. Я думаль, что ешо необходимо соспришъ въ маломъ; но я ошибся. —

„Обьясясь со мною — посмошримъ.“

— Ты далъ мнѣ позволеніе женишья; ты далъ мнѣ способъ соединить себя съ швою женщиною, кошорую обожаю! Но я въ одно-

чествѣ довольносповозлся одною драхмою; теперь насѣ двое, и наши издержки должны бышь удвоены. Если необходимо было для меня женишься, шо также необходимо и шо, чшобы жена моя могла жишь; не правда ли?

„Правда, необходимо!“

— Слушай же, добрый Гевѣй! жена моя не хочешѣ ни пишь, ни ѣсшь, ни спашь — горе ее свѣдаешѣ и меня вмѣстѣ съ нею. Пища, которая казалась мнѣ приятною, пропивна ея избѣженному вкусу. Мое необходимое не ешь уже необходимое для нее. Но я ее купилѣ, но я люблю ее болѣе жизни: и такѣ не ешь ли необходимо, чшобы и она имѣла необходимое? —

„Ничто не можешѣ бышь справедливе. Сколько же нужно на ваши общія необходимые издержки?“

— Я думаю весьма будешѣ довольно двухѣ помановѣ на день. —

„Согласенѣ. Вотѣ шесшьнаццашь помановѣ на слѣдующіе восемь дней. По испеченіи ешаго срока опяшь увижусь съ тобою, дабы узнать, чшо будешѣ еще нужно, и дабы ты могѣ наконецѣ имѣшь шо необходимо, которое даровашь шебѣ желаю.“

Геній хотѣлъ удалиться; но Адемдаи удержалъ его. Увы! сказалъ онъ, я еще о многомъ просить тебя намѣренъ. Я люблю Азелію до безумія, и для меня необходимо быть ея любимымъ взаимно.

„Я въ этомъ не сомнѣваюсь.“

— Но она не можетъ меня терпѣть, одѣшаго въ такое бѣдное рубище. Она говоритъ, что безъ меня жила бы въ серали богатаго и сильнаго человека. Если необходимо для меня приобрѣсти ея любовь; то слѣдственно такъ же необходимо и переѣншить нарядъ; слѣдственно и богатаго платья въ такомъ случаѣ не лзя будетъ назвать излишнею вещью.

„Я думаю.“

— Безъ меня, говоритъ еще Азели, имѣла бы и она самую великолѣпную одежду: она большая охотница наряжаться. Могу ли приобрѣсти ея любовь, не угождая нѣропорымъ ея желаніямъ! И такъ согласишь, что для меня необходимо и Азелію нарядить въ богатое платье!

„Кажется.“

— Но она имѣетъ много паланцовъ: прекрасно поетъ, танцуетъ, играетъ на людинѣ. Можно ли уничтожить плоды такого блестящаго воспитанія! Имѣя палан-

пы необходимо должно и образоватъ ихъ! и желалъ бы купишь для нее прекрасную люшну. Такой подарокъ сдѣлалъ бы величайшее удовольствіе моей Азеліи.

„Всѣ требованія твои накупся мнѣ справедливыми. Но сколько же, думаешь ты, нужно тебѣ денегъ на покупку всѣхъ эшихъ необходимыхъ вещей?“

— Тысячи двѣ червонцевъ! ешого, думаю, будешь доволенъ. —

„Вошъ они. Проси, старайся наконецъ доставишь себѣ *необходимое*. И Гений скрылся.

Адемдзи возвращается домой, глаза его сіяютъ отъ радости; но онъ скрываетъ ее причину, желая изумишь неожиданностію милую свою Азелію. На другой день рано поутру идетъ онъ въ городъ, покупаетъ для себя богатое платье; наряжается какъ Калифъ; потомъ приходитъ домой, сопровождаемый множествомъ купцовъ, которые удивились, что человекъ, по наружности чрезвычайно богатый, могъ жить въ такомъ бѣдномъ домѣ. — Азелія чрезвычайно удивилась; она съ трудомъ узнала своего мужа въ молодомъ человѣкѣ, столь пышно одѣтомъ.

— Не правду ли я говорилъ тебѣ, Азелі, сказалъ Адемдаи, чпо есть у меня добрый Геній, доставляющій мнѣ все необходимое для жизни? Будь же спокойна — ты никогда ни въ чемъ не почувствуешь недоспапка, если только не захочешь пребывать излишняго. Выбирай изъ эшихъ богатыхъ матерій ту, кошорая наиболѣе тебѣ понравится. —

Такое предложеніе весьма было приятно для Азеліи, и въ ету минупу Адемдаи показался ей прелестнымъ. Купцы расплачивъ передъ нею богатыя свои матеріи; Азелія выбираетъ лучшія, и будучи предусмотрительна, запасаетъ себя и *необходимымъ* для настоящаго и *необходимымъ* для будущаго. Потомъ подающъ ей люпну: она въ восхищеніи; наспроиваетъ ее и поетъ стихи: нѣжное привѣтствіе внимательному супругу. Адемдаи въ себя отъ радости; отсчитываетъ деньги, отпускаетъ купцовъ; тысячу разъ цѣлуетъ свою Азелію; онъ любимъ; онъ счастливъ; онъ все *необходимое* имѣетъ!

Первые три дни пролегли въ наслажденіяхъ райскихъ. Въ четвертый около шести часовъ вечера Адемдаи вышелъ изъ своего дома, дабы прохладиться на свѣжемъ воздухѣ — нѣсколько времени прохаживалъ

ся — наконецъ идетъ домой. Приблизясь къ своему жилищу, замѣтилъ онъ человѣка, расхаживающаго взадъ и впередъ по улицѣ. Онъ молодъ, очень хорошо одѣтъ; но онъ показываетъ какую-то робкую осторожность, какъ будто опасается, чтобы его не замѣтили поспороннѣе.

— Что еще значилъ? подумалъ Адемдай; не хотѣли ли египцы человѣка прокрасься ко мнѣ въ домъ и обольстить мою невольницу? Она такъ прекрасна! Конечно онъ видѣлъ ее и влюбился. Но . . . точно такъ! . . . египецъ онъ, самый молодой человѣкъ, который предлагалъ за нее тысячу восемьсотъ динаровъ. Онъ вѣрно имѣетъ дурныя намѣренія; но я найду средство ему помѣщать — и Адемдай входитъ въ домъ свой, задумчивый, мрачный; сердце его было сжато; въ глазахъ изображалось уныніе.

Азели безпокоилась, видя его въ такомъ положеніи. — „Что ты, Адемдай! какое несчастіе тебѣ приключилось?“ — Но Адемдай молчалъ, и сморщилъ съ суровою подозрительностію ей въ глаза, какъ будто надвѣясь прочесть въ нихъ шайну того преступленія, которое воображалъ уже почти совершившимся. Наконецъ, будучи не въ силахъ скрывать мучительной рев-

нощи, которая раздирала его душу, онъ спрашиваетъ, не видала ли кого нибудь Азели. Азели клянешся, что никого не видала. Адемдаи смотритъ на нее съ оскорбительною улыбкою сомнѣнiя. Увы! онъ потерялъ и покойствiе и счастье. О ревность, болѣзнь мучительная и ужасная! и самыя тѣ средства, которыя мы употребляемъ, дабы успокоить тебя, служатъ единственно въ твоему раздраженiю. Какъ бѣденъ зараженный побою человекъ! Твой пламень, мрачный и глубоко въ душѣ его сокрытый, снѣдаетъ все его счастье; ты окружаешь его страшными привидѣнiями: онъ вѣритъ тому, въ чемъ подозреваетъ — часто вѣритъ онъ невозможному, и собственная тѣнь приводитъ его въ содроганiе.

Таково положенiе бѣднаго Адемдаи — онъ не смѣетъ отдалиться отъ того дома, въ кошерахъ сокрыто сокровище, тѣмъ болѣе для него драгоценное, что онъ каждую минуту спрашиваетъ его потерять.

Генiй, посѣпивши его по прошествiи восьми дней, нашелъ, что онъ въ превеликомъ горѣ.

„Что съ побою сдѣлалось, Адемдаи? спросилъ онъ. Не уже ли и теперь еще не имѣешь ты необходимаго?“ —

— Увы! не имѣю! —

„Чего же тебѣ недостаетъ?“ —

— Скажи мнѣ самъ, не ешьли крайняя необходимостъ для каждаго человѣка иногда оплучаться изъ своего дома за какимъ нибудь дѣломъ, или и просто для прогулки?

„Безъ сомнѣнiя!“

— Также необходимо и то, чпобы, имѣя прекрасную невольницу, увѣрену бытъ, чпо ее никто въ ошущствiе его не похишитъ.

„Правда, я почишаю ешо необходимымъ для счастья?“

— Суди же теперь самъ, могу ли назвать себя счастливымъ? Если буду сидѣть безпрестанно дома, то вѣрно занемогу; а если сойду со двора, то какъ могу бытъ увѣренъ, чпо моей Азелiи никто у меня не похишитъ? Для меня необходимо имѣть евнуховъ; но я по бѣдности не могу ни купитъ ихъ, ни содержать. —

„Евнуховъ!“ сказалъ объ удивленiемъ благодѣшельный Духъ.

— Да! евнуховъ. Эти люди необходимы для счастья супружескаго. Одно изъ двухъ: или имѣть ихъ, или умереть отъ ревности. —

„Лучше купишь евнуховъ, нежели уморешь. А сколько ихъ тебѣ надобно?“

— Число ихъ должно соотвѣпствовашь моеѣ ревности. Когда бы я не былъ ревнивъ до безумія, то могъ бы удовольствоваться и однимъ евнухомъ; но такъ какъ ревность моя превосходитъ всякое понятие, то мнѣ необходимо нужно имѣть ихъ шесть. Такъ, добрый Геній, если ты считаешь необходимостію спокойствіе духа, то безъ сомнѣнія скажешь, что и шесть евнуховъ для меня необходимы. . . Ты молчишь! Угадываю твои мысли: ты со мною согласенъ. Но подумай самъ: домикъ мой очень прѣсенъ; едва, едва могу помѣщаться въ немъ съ женою. Мало того, чтобы купишь шесть евнуховъ; надобно еще дать имъ и уголь, и пищу, и платье; а я имѣю только два помана въ день. Еслижъ мой домъ слишкомъ прѣсенъ, то надобно необходимо купишь другой, просторнѣйшій. Дней пять тому назадъ видѣлъ я прекрасный домикъ съ мебельми и со всемъ нужнымъ — онъ продается, построенъ на прекрасномъ мѣстѣ, и былъ бы весьма мнѣ приличенъ; но за него пребываютъ слишкомъ дорого.

„Какая нужда до денегъ! Развѣ я не общался доставляя тебѣ всѣ необходимыя вещи?“

— А я развѣ требовалъ ошѣ себя когда нибудь излишняго? —

„Я ешаго и не говорю. Сколько же надобно денегъ на покупку ешаго дома?“

— Пятнадцать тысячъ помановъ. —

Геній подалъ билетъ, по которому Адемдаи на другое же утро могъ получить назначенную сумму ошѣ назначенъ Калифова; онъ приложилъ къ ешому билету еще пять сотъ помановъ, нужныхъ на покупку шести евнузовъ.

— О добрый Геній! воскликнулъ Адемдаи: могу ли чѣмъ заплашеть себя за шавія благошворенія! Но я еще долженъ упомянуть объ одномъ предметѣ, испинно для меня необходимомъ. Домъ мой, будучи теперь обширнѣе, требуетъ и большаго присмотра, ибо числомъ и опрятность *необходимы*; слѣдовательно я и не могу думать, чшобы два невольника, нужные для присмотра за домомъ, сочтены были за излишнее.

„Правда швая! имѣшь двухъ невольниковъ совсѣмъ не излишнее.“

— Тѣмъ болѣе, чшо евухамъ моимъ всегда будеть много дѣла. Слѣдовательно насъ всего на-все въ домъ моемъ будеть

десять человекъ. Ты самъ согласишься, что двухъ помановъ для общаго прокормленія нашего будетъ уже слишкомъ мало, и я въ такомъ случаѣ лишусь *необходимаго*; почему и думаю, что имѣшь двадцать помановъ ежедневнаго дохода не есть для меня излишнее.

„Не спору! вотъ сто шестьдесятъ помановъ на восемь дней, и еще двѣсти на покупку двухъ невольниковъ.“ И Геній скрылся.

На другое утро Адемдаи идетъ въ шому человеку, который продавалъ замѣченный имъ домикъ; торгуется; даетъ деньги; пишетъ купчую, и домъ принадлежитъ ему. Потомъ покупаетъ шестерыхъ внуховъ, двухъ невольниковъ, а ввечеру переселяется вмѣстѣ съ прекрасною Азедею въ новое свое жилище.

Домъ очень хорошъ; расположеніе спокойное; наружность прелестная: кухня, конюшни, всё есть. Прекрасный павильонъ, совсѣмъ отдѣленный отъ главнаго корпуса, но соединяющійся съ нимъ галлереею, какъ нарочно построены для гарема. Мебель чрезвычайно опрятная. Адемдаи окруженъ сосѣдями, столь же молодыми какъ и онъ самъ, и весьма расположенными наслаждаться благами жизни.

На другой день послѣ новоселья, Адемдаи посѣщенъ былъ своими сосѣдами; всѣ они осыпали его ласками, и каждый изъ нихъ пригласилъ его къ себѣ на праздникъ, желая чрезъ то показать ему, сколь было приятно сдѣланное съ нимъ знакомство.

Жены сихъ добрыхъ сосѣдей хохлѣли съ своей стороны познакомишься съ Азелюю; онѣ просили ее съ позволенія своихъ мужей, и также давали ей праздники.

Въ такихъ удовольствіяхъ непримѣнно прошекли восемь дней. Геній явился. Онъ нашелъ Адемдаи, погруженнаго въ глубокую меланхолію.

„Что причиною швоей задумчивости, Адемдаи? Не уже ли еще не доволенъ шы своею покупкою?“

— Очень доволенъ, имѣю сосѣдей добрыхъ людей. Они праздновали день моего переселенія съ удивительною пышностію.

„И такъ шы долженъ быть счастливъ?“

— Счастливъ! Ахъ, добрый Геній! кшо принимаешь, шощъ долженъ и отдавать.

„Конечно! шого пребуешь присшойности.“

— И отдавать въ соразмѣрности съ полученнымъ. —

„Правда! въ подобномъ случаѣ ничего щадить не должно.“

— Скажи жь мнѣ: тѣ люди, которые такъ хорошо меня угощали, не должны ли быть такъ же хорошо угощены и мною? —

„Еще необходимо; въ пропивномъ случаѣ себя назовешь скупымъ и будешь надъ шобою смѣяться.“

— Добрые сосѣди мои кормили меня прекрасно. За обѣдомъ играла музыка и между тѣмъ благовонія курились въ богатыхъ сосудахъ. Иллюминація была чрезвычайно великолѣпная; а передъ концемъ обѣда молодыя невольницы восхищали насъ пѣніемъ и пляскою. Имѣю ли я какой нибудь способъ такимъ же образомъ угостить своихъ сосѣдей? Есть ли у меня богатая курильница? На какія деньги куплю дорогихъ благовоній? Есть ли у меня музыканты, пѣвицы, танцовщицы? Гдѣ взять невольниковъ для услуги? и гдѣ найти искуснаго повара? Увы! ты видишь самъ, что я еще многихъ необходимыхъ вещей не имѣю.

„Правда твоя; намъ не пришло въ голову обѣ ешомъ подумать; но я обѣщаю исправить общую нашу ошибку. Завтра по утрамъ пришло тебѣ великолѣпный споловой приборъ, невольниковъ, благовоній, танцовщицъ,

музыкантовъ, и что важнѣе всего, превосходнаго повара.“

— Конечно! тебѣ не трудно будетъ все это мнѣ прислать; но чѣмъ же буду я содержать и музыкантовъ, и повара, и танцовщицъ? Двадцать помановъ на день — много ли это? Теперь мнѣ надобно будетъ имѣть по крайней мѣрѣ пятьдесятъ.

„Разумѣется. Вотъ четыреста на восемь дней.“

И на другой день являющся въ Адемдаю невольники, танцовщицы, музыканты и все обѣщанное Духомъ. Онъ приглашаетъ сосѣдей на праздникъ; и восемь дней опять прошекли въ увеселеніяхъ разнообразныхъ.

Геній опять приходитъ, и опять видитъ, что Адемдай задумчивъ.

— Ахъ, благодѣтельница мой! восклицаетъ Адемдай; я смѣло надѣюсь на твое великодушіе, и позволяю себѣ признаться, что я еще не все необходимое имѣю! —

„Возможно ли! А я думалъ, что ты совершенно теперь счастлива.“

— Выслушай меня благосклонно: мои сосѣди и знакомцы каждый имѣетъ по множеству женъ, прекрасныхъ и молодыхъ, а я всего навсе имѣю одну!

„Чего же болѣе?“

— Но развѣ Пророкъ ошибся, когда почиталъ для человека необходимымъ имѣть многихъ женъ? И ограничивашь себя одною, не значить ли противорѣчитьъ святой его волѣ? Одни только бѣдные, почти лишенные насущнаго хлѣба люди, имѣють по одной женѣ; но епо отъ того, что они не могутъ прокормить многихъ, слѣдовательно лишены необходимаго. Напрошивъ шѣ люди, у которыхъ есть все необходимое, имѣють и многихъ женъ. —

„Сколькихъ же ты хотѣлъ бы имѣть женъ?“

— Мои друзья и сосѣди имѣють по тридцати и по сороку; но я удовольствовался бы и двадцатью. Тогда бы, кажешся, имѣлъ я все *необходимое*.

„Но двадцать женъ, Адемдаи! самъ подумай, не лишнее ли епо? Для счастья нашего довольно и одной; а двадцать необходимы для одного только тщеславія, и я съ огорченіемъ замѣчаю въ себѣ ешу слабость!“

— Но въ комъ же и нѣтъ ее? Если тщеславіе не кажешся себѣ необходимымъ, то всякой человекъ слѣдовательно имѣеть

излишнее. Признаюсь тебѣ, я щеславенъ; и такъ, для счастья моего необходимо нужно удовлетворишь моему щеславію. —

„То есть, ты думаешь, что имѣшь двадцать женъ для тебя необходимо?“

— Такъ точно! Забѣшь еще и то, что естѣ жены пребуешь содержанія, и что мнѣ надобно наряжать ихъ съ нѣкоторою пышностію для избѣжанія людскихъ насмѣшекъ и пересудовъ. —

„Бышь по своему. Завтра приведушь къ тебѣ двадцать молодыхъ Грузинокъ, за которыхъ ты ничего не заплашишь, и я упроиваю сумму, назначенную на ежедневныя твои издержки.“

— О! какія слова изобразятъ мою благодарность, Геній великодушный! Ты всякое желаніе мое исполняешь, и надобно признаешься, что я еще ни разу не употребилъ во зло твоихъ милостей: еще ни разу не требовалъ я отъ тебя лишняго; но позволь мнѣ сообщить тебѣ одно размышленіе. Ты согласился, что двадцать женъ для меня необходимы; теперь согласишь, что на каждую жену необходимо надобно имѣть по два внуха — всего навсе сорокъ. Ибо для сбереженія двадцати женъ нужны люди: прошивъ ешаго явѣшь возраженія.

„Конечно нѣтъ. Даю тебѣ евнуховъ, и сверхъ того еще по пятидесяти помановъ на день, нужныхъ для содержанія эсихъ людей. Прости, Адемдаи.“ И на другой же день Геній исполнилъ свое общаніе.

Между тѣмъ Адемдаи принужденъ былъ разспашся съ своими сосѣдями: всѣ они переѣхали на лучшее время въ загородные дома, находившіеся въ окружности Багдада. Онъ поперялъ на время всѣ удовольствія, копорыми въ обществѣ ихъ наслаждался.

И жены его также лишены были всякаго общества. Онѣ очень рѣдко выходили изъ гарема, вели однообразную жизнь; скучали; а скука произвела и шѣлесныя болѣзни — меланхолію, разслабленіе. И самъ Адемдаи умираетъ отъ скуки; нѣтъ для него ни приятнаго занятія, ни разсвѣянія — онъ почти въ опчаянїи отъ того, что не имѣетъ довольно денегъ, дабы купить загородный домъ не подалеку отъ Багдада. Геній являешся; онъ сообщаетъ ему новую свою нужду.

— Спыжусь, говоритъ онъ, безпреспанно обременяешь тебя новыми шребованіями — но великодушіе швое (шому причиною; ибе

шы сбѣщаль даровать мнѣ все *необходимое*; спрашиваю: здоровье моихъ женъ не есть ли для меня необходимость? Но всѣ оны спраждутъ, всѣ умираютъ. Медики, съ копорыми я совѣщовался, предписываютъ и мнѣ и имъ одно только средство къ совершенному изцѣленію: деревенскій воздухъ. Ты наградила меня полными благами; но первое и самое драгоценное изъ всѣхъ благъ конечно есть здоровье. А мое здоровье видимо исчезаетъ. Сверхъ того, не нужно ли человѣку имѣть занятіе, копорое развлекало бы его и веселило? Воздухъ деревенскій меня бы совершенно выльчилъ; а маленькое помѣстье въ окрестности Багдада могло бы доставить приличное занятіе уму, и я не имѣлъ бы недосыпна въ движеніи, благодѣтельномъ для моего шѣла. —

— „На ешо не можешь быть возраженія. Ты неоспоримо доказалъ мнѣ, что имѣть загородный домъ тебѣ необходимо.“

— Друзья мои извѣстили меня, что они нашли прекрасную и для меня весьма приличную дачу въ двухъ миляхъ отъ Багдада на самой Бассорской дорогѣ. Она очень просторна — ешо *необходимо* для помѣщеній моихъ женъ, внуховъ и прочихъ данныхъ мнѣ шобою невольниковъ; ешо окружаютъ обширные поля. Доходъ, копорый они могутъ приносить, необходимо нуженъ для

содержанія дома. Но цѣна очень дорога — просишь сто тысячъ помановъ! —

„Бездѣлица! Завтра ето помѣстье будешь швоимъ.“

— О всемогущій Пророкъ! какое счастье! Но я долженъ напомнить еще объ одной бездѣлицѣ. Если я сдѣлаюсь владѣтелемъ ешаго дома, то надобно будетъ имѣть при немъ и многихъ невольниковъ, садовниковъ, пахарей и прочее; нуженъ будетъ также домашній скотъ, и по крайней мѣрѣ придесять лошадей, на которыхъ бы я могъ перевозить изъ города въ деревню и изъ деревни въ городъ моихъ женъ, внуковъ, мои мебели и прочія нужныя вещи. Все ето, если не ошибаюсь, можно назвать необходимымъ —

„Правда швоя! Завтра же будешь имѣть и придесять лошадей, и нужное количество скота и невольниковъ. Проси, Адемдаи, до свиданья!“

И въ самомъ дѣлѣ на другой же день Адемдаи вступилъ во владѣнїе ешой богатой дачи. Онъ переселился въ загородный домъ со всѣми своими женами, внуками и невольниками. Онъ принятъ былъ съ восхищенїемъ своими добрыми Багдадскими сосѣдями, кошорые дали ему очень много полезныхъ наставленїй, какимъ образомъ

украсишь и привесишь въ надлежащее совершенство новое свое помѣстье.

По прошествіи осьми дней Адемдаи посѣдилъ добраго своего Генія въ Багдадѣ.

„Скажи мнѣ, Адемдаи, спросилъ благодѣтельный Духъ, имѣешь ли наконецъ необходимое?“

— Почти имѣю. —

„Чего же недоспаетъ?“

— Земля, купленная мною, прекрасная; но она могла бы приносить вдвое дохода, когда бы умѣли съ нею обращаться. Безумные люди, копорымъ она до меня принадлежала, сѣяли сарачинское пшено на шакомъ мѣстѣ, на копоромъ пшеница могла бы родиться вдесятеро лучше. Есть обширные пруды, копорые очень не трудно обратишь въ прекрасные луга; есть нѣсколько бесплодной земли, копорую весьма бы легко было обработать и сдѣлать плодovишою. Ты согласишься, мой благодѣтель, что имѣя счастье владѣть такою землею, какова моя, необходимо должно стараться и привесишь ее въ наилучшее состояніе; одинъ глупецъ только не думаетъ увеличивать свое богатство, когда имѣетъ на то способъ. Садъ мой очень просторенъ, но пребуешь большихъ переменъ.

Земля, на которой онъ разведенъ, сама по себѣ неплодная; но я бы сдѣлалъ ее удивительно плодородною, когда бы могъ провеспи въ мой садъ маленькую рѣчку, текущую въ полумилѣ отъ его границы.

„Что же мѣшаетъ тебѣ все это исполнить?“

— Я имѣю недоспаховъ въ деньгахъ. Двадцати тысячъ помановъ было бы для меня весьма довольно. — Геній даетъ билетъ, по которому Адемдаи опять можешь получить отъ Калифова казначея нужную сумму; Адемдаи, поблагодаривъ его, возвращается домой; но шутъ вспрѣшило его неудовольствие: сказывающъ ему, что одинъ изъ его сосѣдей, бѣдный владѣтель небольшого клочка земли, принесъ на него жалобу въ Кади за то, что скопѣ, ему принадлежащій, разрылъ и выкопалъ всю пашню, послѣднее имущество ешаго бѣдняка. Кади выслушалъ и челобитчика и обвиненнаго, и первый долженъ былъ проиграть тяжбу, ибо онъ въ самомъ дѣлѣ былъ виноватъ — своею бѣдноспію.

Черезъ нѣсколько дней ешаго несчастнаго убила лошадь — онъ умеръ, не оставивъ послѣ себя ни одного наследника, и маленькому помѣспію его надлежало, по законамъ, принадлежать Калифу. Адемдаи, узнавши объ ешомъ обстоятельстве, очень

обрадовался; онъ полетѣлъ въ Багдадъ съ новою просьбою къ своему Генію.

— Не правда ли, спросилъ онъ что не имѣшь шяжбы необходимо для счастья? —

„Необходимо!“

— Я испыталъ уже ея неприятность. Сосѣдъ мой, съ которымъ я имѣлъ ее, умеръ и никого не осталось послѣ него наследниковъ: Калифу Гаруну - Альрашиду должны достаться и вещь его избытка и нѣсколько десятиновъ худо обработанной земли. Но Калифъ вѣроятно будетъ продавать ешу землю, и если я ее не куплю, то очень могу имѣть какого нибудь неугомоннаго сосѣда, который сведетъ меня съ ума процессами. Ты говоришь, что не имѣшь процессовъ *необходимо*: слѣдовательно согласишься, что и приобретение ешой земли также для меня необходимо, ибо оно избавитъ меня отъ всякаго процесса на будущее время.

„Я удивляюсь швоей логикѣ, и ничего не могу сказать въ опроверженіе швоихъ доказательствъ. Завтра поутру явись во дворецъ Калифовъ. Мое могущество преклонитъ къ тебѣ душу Гаруна. Онъ тебя увидитъ, и безъ сомнѣнія просьба швожа будетъ исполнена.“

Адемдаи возвращается домой въ самомъ приятномъ расположеніи духа; онъ засыпаетъ съ веселою надеждою, что завтра жижица бѣднаго сосѣда присоединена будетъ къ обширнымъ его владѣніямъ. И на другой день рано поутру являешся онъ во дворцѣ Калифа. Великій Гарунъ - Аль рашидъ сидѣлъ на тронѣ: придворные и ученые люди Багдада окружали его. Адемдаи приближается съ препепомъ къ священной особѣ повелителя вѣрныхъ; но . . . кто же опишетъ его изумленіе, когда, взглянувъ на Калифа, онъ узнаетъ въ немъ своего Духа! Онъ падаетъ ницъ и не дерзаетъ произнести ни слова.

„Адемдаи! сказалъ съ усмѣшкою Гарунъ - Аль рашидъ: я вижу швое удивленіе. Надобно тебѣ располковать загадку. Узнай во мнѣ одного изъ двухъ Армянскихъ купцовъ, копорыхъ избавилъ ты отъ смерти. Я обѣщаль самому себѣ наградишь важную услугу швою доспойнымъ меня образомъ; но въ то же время хотѣлъ я скрышь свою благодарность и впайнѣ наслаждашья шѣмъ счастьемъ, копорое намѣренъ былъ тебѣ доставишь. Я нарядился въ одежду необыкновенную, дабы поразить швое воображеніе и заставишь тебя подумать, что Геній, одаренный могущесшвомъ неба, тебѣ благодѣтельшвуетъ. Приближайсь

въ убогому швоему жилищу, я заранѣе
 веселился шѣмъ удивленіемъ, съ канимъ
 бы шы долженъ былъ меня вспрѣшпшь; я
 увидѣлъ тебя уединенно сидящаго передъ
 огнемъ, слышалъ швои жалобы; узналъ,
 что всѣ желанія швои не просширались
 далѣе *необходимаго* — и мнѣ пришло въ
 голову узнать на опышѣ, что значпшь
 ешо слово, и какими границами *необходи-
 мое* ошдѣлено ошъ *излишняго*. Намѣреніе
 безразсудное! я превышаю всѣхъ прочихъ
 владыкъ земныхъ своимъ могущесшвомъ —
 но я не могу даровать тебѣ *необходимаго*,
 хошя бы успунилъ тебѣ и пронъ свой и
 всѣ свои сокровища. А вы, ученые мудре-
 цы, опредѣлише мнѣ шеперь, что назы-
 вается *необходимымъ* и что *излишнимъ*.
 Вотъ человекъ, который извлеченъ мною
 изъ крайней нищеты. Теперь имѣетъ онъ
 болѣе двухъ сотъ шысячь шомановъ — бо-
 гатпство, для часшнаго человека чрезвы-
 чайное. Но осыпая его сокровищами, я еще
 не могъ дать ему *необходимаго*. Я вижу
 шеперь, что *излишнее* естъ слово безъ смы-
 сла: ибо ни кто не имѣетъ *излишняго*.
 Я вижу, что *необходимое* естъ бездна,
 которая можетъ поглотпшь вселенную и
 все еще оспашься пустою. Адемдаи! вла-
 дѣй сокровищами, которыми надѣлилъ я
 тебя изъ благодарности за оказанную мнѣ
 услугу. Но я ошказываюсь ошъ надежды

даровать тебѣ *необходимое*: ты же получишь шой хижины, копорая шеперь сосшавляетъ предметъ швоего желанія,

Такъ говорилъ Калифъ. Адемдаи возвратился домой. Часпо, покоясь на пуховыхъ подушкахъ, окруженный пышностію и блескомъ, восклицалъ онъ съ прискорбіемъ: *а Магомель! для чего теишю необходимого!*

Саразень. Ж.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Уединеніе.

Блаженъ поселянинъ въ своемъ уединеніи!
 Пускай не знаетъ онъ, что слава, значность,
 свѣтъ;
 Пускай онъ дни свои въ безвѣстности, въ заб-
 веньи,
 Среди родныхъ полей, въ семьѣ своей ведетъ;

Что нужды! — и чему завидовать онъ будетъ?
 Счастливецъ всѣмъ богачъ: — природа —
 другъ его!
 Въ ея объятіяхъ онъ суешность забудетъ;
 Не купишь горесшью блаженства своего! —

Пещеры, елями угрюмо озбечены,
Лука, долины, пруды, пбннстые лбса,
Гдб нбгой сумрака, прохладб обворожены
Вб полдневные жары, усалые глаза

Дремоша помная сб небрежностью смыкаетб;
Простой, покойной домб, вдали — громады горб;
Ручей, надб коимб онб вб часб вечера меч-
таетб:
Вотб область, вотб его богатство, пышный
дворб! —

О жребий сладостный! — Счастливицы городские,
О вы, кошорые на лоно сладких нбгб
Хошите возвратишь тб вбки золошые,
То царство ясное покоя и ушбхб,

Когда спыдливая невинность украшала
Чистбйшнй сердца; когда еще любовь
Ни бури, ни измбнб мучительныхб не знала;
Когда при олшаряхб игривыхб агцовб кровь

Подб жершвеннымб мечемб еще не проливалась;
Всегубящй перунб дремалб на небесахб,
И матерь робкая пошерн не боялась
Любезныхб сердцу чадб вб далекихб споронахб!

Оставьше скукою чертоги позлащенны,
Гдб живопись, рбзьба, гдб Феба свбшлой хорб
При звукахб громкихб лирб поетб воспламе-
ненный; —
Гдб роскошь, суешность, всбхб радостей соборб,

Напрасно сляхся прогнать отъ васъ мученья!
 Сюда, подъ сельскій кровъ, къ любезнымъ симъ
 лугамъ,
 Придите вы вкусить отъ чаши наслажденья —
 Трапеза чистая открыта Небомъ вамъ!

✱

Здѣсь лѣто радостнѣй, весна спокрашъ милѣе;
 Здѣсь самая зима опрадъ не лишена! —
 Здѣсь осень помная любезнѣй, веселѣе: —
 Природа прелесшью простой оживлена!

✱

Лѣса угрюмые, куда нѣ проникали
 Ни остріе сѣкиръ, ни звонкій гулъ роговъ;
 Гдѣ вдохновенія воспорговъ не смущали
 Ни шумъ докучливый, ни пышность городовъ,

✱,

Для васъ безмолвствующъ и шѣни расширяютъ;
 Спѣшите въ густошу дубравы сей мечпашъ!
 О какъ счастливы шѣ, копорые мечпашъ,
 На коихъ помная поэзія печашъ!

✱

Сей дубъ, порывомъ буръ корней своихъ ли-
 шенный,
 Безъ листьевъ, безъ коры, упашій на песокъ,
 Для наблюдателя — оракулъ освященный,
 Се времени глаголъ! се гордости урокъ! —

✱

Онъ видѣлъ шоржества, пиры, любовь, забавы,
 Премъны дивныя безчисленныхъ племенъ —
 Ахъ! можешъ бышь сей дубъ, красивый, ве-
 личавый,
 Еще свирѣпосшью Бореевъ не смущенъ,

✱

Страдальца укрывалъ своей вѣшъвистой шѣнью,
 Дарилъ изгнанникамъ прибѣжище, покой;

Внималъ возлюбленныхъ лобзаньямъ, восхи-
щенью —
И въ полдень пламенной, за чашей круговой

✽

Бояръ и Воеводъ, Вельможъ преименишыхъ,
Почтенныхъ лѣшми, дѣлами, прохлаждалъ;
И шжимъ шопопомъ, отъ суеши сокрышыхъ,
Любимцевъ мудросши въ забвенъе погужалъ.

✽

Тамъ со скалы ручей, какъ молнія, сверкаетъ: —
Съ зарей шпыдливою и дремлющей луной .
Онъ размышленіе на брегъ свой призываетъ!
Сюда, другъ Пьеридъ, чувствительный душой,

✽

Спѣши бесѣдовать съ природой и съ собою!
Сюда, сполѣшя грядущи вопрошашъ,
Смиряшся предъ Творцемъ, одѣяннымъ грозною,
Несчешны милосши Его благословляшъ!

✽

Пускай вожди побѣдъ, любимцы грозной славы,
Колелюшъ въ яросши престолами Царей;
Пусть моремъ и землей проложашъ путь кро-
вавый,
Развалины градовъ пусть будущъ — ихъ про-
фей!

✽

Уединеніе! швои дары благіе
Любимца швоего спорицей награждатьъ;
Ни скипетры, ни лавръ, ни горы золотыя
Такими благами, какъ ты, насъ не даряшъ!

✽

Съ Невшономъ иногда онъ духомъ воспаряетъ
Законы открывашъ безчисленныхъ міровъ;
Или — второй Бюффонъ, природу вопрошашъ
Въ волканахъ пламенныхъ, въ безмолвіи лѣсовъ,

✽

Во глубинѣ морей и въ пропастьхъ безвѣстныхъ,
Въ растеніяхъ, въ цвѣтахъ, и въ червѣ, и въ
себѣ;
Полнѣ вѣры и любви, содругѣ Духовъ небесныхъ,
Онѣ поклоняешься, незримый Богѣ, Тебѣ!

✽

Творенія ума, Исторія вселенной,
Гласѣ лиры нѣжныя, гитары помный стонѣ,
И сельски праздники, и кругѣ друзей почтен-
ной,
Жужжанье пчелѣ, лай псовѣ, и рога дальній
звонѣ

✽

Замѣняшѣ для него всѣ радости земныя,
Богатства, почести, копорымѣ служишѣ свѣшѣ;
Текушѣ, какѣ свѣшлой ключѣ, всѣ дни его за-
шья, —
И въ смерти для него грозы и страха нѣшѣ! . . .

✽

Помощство не придетѣ къ прасной его могилѣ
Учишѣся доблестямѣ — и славы достигашѣ;
Дивишѣся не придетѣ величію и силѣ —
Надменный мавзоль слезами окропляшѣ!

✽

Сюда, въ часѣ вечера, въ безпечности счастли-
вой,
Смиранный селянинѣ съ любезною своею
Придетѣ бесѣдовать подѣ елю молчаливою
О сладостяхѣ любви, оспрады нашихѣ дней!

✽

Здѣсь — скажешѣ онѣ вздохнувшѣ — спишѣ до-
брый сынѣ Природы,
Любимецѣ здѣшнихѣ Нимфѣ, кошорый укра-
шалѣ
Всѣ наши пиршества, всѣ игры, хоробы —
Нѣживѣ всѣхѣ о любви несчастный воспѣвалѣ!

✽

Миръ праху пвоему, о другъ уединенья!
Пастушки, пастухи! соспавьте гимнъ просной
Усопшему пѣвцу родимаго селенья,
И оросите прахъ сердечною слезой.

А. Родзянка.

П. К Р И Т И К А.

Электра и Орестъ.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе Александра Грузинцова.

„Напечатавъ новую сію трагедію, взя-
„шую изъ Греческаго театра, я ласкаю се-
„бя надеждою, что она принята будешь
„споль же благосклонно любителями Россій-
„скаго слова, сколь одобряема была зри-
„телями. Смѣло могу сказать, что изда-
„ніемъ трагедіи сей я приношу пользу Рос-
„сійской словесности: пѣ изъ соотече-
„ственниковъ моихъ, копорые, не находясь
„въ здѣшней столицѣ (*), не могли видѣть ее
„на театрѣ, или пѣ, копорымъ, по незна-

(*) Трагедія представлена была въ первый разъ
въ С. Петербургѣ. И.

„нїю иностранныхъ языковъ, красоты Гре-
 „ческихъ драматическихъ сочиненій неиз-
 „вѣсны, возблагодаряшъ конечно не разъ
 „за изданіе Электры и Ореста; ибо сія
 „есть первая совершенно Греческая праге-
 „дїя появившаяся на Россійскомъ театрѣ.
 „О красотахъ оной не для чего говорить,
 „всякой изъ моихъ чинашелей имѣетъ ее
 „предъ глазами; довольно и того сказать,
 „что Софокль, лучший изъ Греческихъ
 „трагиковъ, славился и по нынѣ извѣстенъ
 „еще Эдипомъ и Электрою.

„Изъ числа сочинителей подражавшихъ
 „Софоклу, Александръ Николаевичъ Гру-
 „зинцовъ неоспоримо болѣе всѣхъ почув-
 „ствовалъ красоты Греческаго стихотворца,
 „и швореніе его весьма подходитъ къ пра-
 „гедїи Софокловой; въ разсужденіи распо-
 „ложенія по справедливости должно назвать
 „Россійскую Электру превосходной. Пожа-
 „лѣемъ только, что нашъ стихотворецъ
 „не сохранилъ перваго явленія Софокловой
 „трагедїи, содержащаго въ себѣ одно изъ
 „лучшихъ трагическихъ изложеній, и конеч-
 „но черезъ то нанесъ онъ нѣкоторый вредъ
 „своему сочиненію; но похвалимъ напро-
 „шивъ того нашего трагика за то, что
 „перемѣнилъ онъ въ своей трагедїи нраво-
 „ученіе находящееся въ Греческой, пропи-
 „савъ и нравамъ нашимъ и закону нашему:

„въ ней злобная царица щеславишя сво-
 „ими преспуленїями, Орешъ убиваетъ
 „хладнокровно Клишемнеспру и дочь по-
 „ощряетъ брата своего въ умерщвленїю
 „машери. Подивимся еще болѣе свойспивамъ
 „даннымъ Аргосской царицѣ въ Россійской
 „прагедїи: до Г. Грузинцова никакъ не умѣлъ
 „обогащать лица Клишемнеспры, женщи-
 „ны полюбо преспуной, споль благород-
 „ными чувспвами.

„Къ крайнему сожалѣнїю моему, за не-
 „доспашкомъ времени, не могу сдѣлать я
 „подробнаго разсмопрѣнїя прагедїи Але-
 „ксандра Николаевича Грузинцова; въ ко-
 „шорой, при маловажныхъ погрѣшностяхъ
 „въ разсужденїи спихотворенїя, находяшяся
 „неисчетныя красоты.“

Такъ говоритъ издапель новой праге-
 дїи *Электра и Орешъ*, кошорой криши-
 ческимъ разборомъ желаетъ занять чипа-
 пелей Въспника. И ешотъ неизвѣстный
 издапель конечно заслуживаетъ нашу бла-
 годарность: ошъ самага сочинителя мы
 никогда не узнали бы, что его *Электра*
есть первая совершенно Греческая пра-
гедїя, появившаяся на Россійскомъ ве-
алтрѣ; что онъ неоспоримо болѣе всѣхъ
почувствовалъ красоты Греческаго
слихотворца; что въ разсужденїи рас-
положенїя по справедливости должно

назвать Россійскую Электру превосходною, и что никто прежде Г. Грузинцова не умѣлъ обогатить лица Клитемнестры, женщины столько преступной, столь благородными чувствами. Такой языкъ, не свойственный скромности автора, приличенъ нѣжности его друга; но дружба, и самая нѣжная, никогда не избавляетъ насъ отъ справедливости и непристрастїя. Посмотримъ же, можетъ ли нѣжный другъ Александра Николаевича Грузинцова быть названъ и непристрастнымъ и справедливымъ?

Электра и Орестъ есть первая совершенно Греческая трагедія появившаяся на Россійскомъ театрѣ? Просимъ господина Издашеля объяснить намъ, что разуметь онъ подъ словомъ: *совершенно Греческая трагедія*? По формѣ своей русская *Электра* принадлежитъ неоспоримо къ трагедіямъ новымъ; а пошому что содержаніе ея почерпнуто изъ трагедій Эсхила, Софокла и Еврипида, не можетъ она быть у насъ признана первою, *совершенно Греческою*; ибо мы уже видѣли на Русскомъ театрѣ двѣ трагедїи, заимствованныя отъ Грековъ, *Едила въ Афинахъ* и *Поликсену*; и первая, о которой имѣемъ право судить рѣшительно, пошому что она уже напечатана, со многихъ споронъ важешся

намъ произведеніемъ прекраснымъ, означющимъ истинное дарованіе прагика. Первое доказательство, что дружба неизвѣстнаго Издателя отступила немного отъ безприсрашія и справедливости!

Въ разсужденіи расположенія по справедливости должно назвать Рускую Электру превосходной. . . До г. Грузинцова никто не умѣлъ обогатить лица Клилемнестры благородными чувствами. Увидимъ.

Трагичу, при выборѣ содержанія драмы, предоспаляюща двѣ дороги: онъ можетъ или *самъ* изобрѣсти свою басню, расположивъ ее и обработавъ, руководствуясь однимъ собственнымъ геніемъ; или послѣдовать за другими, то есть обработать чужую басню, надъ которою уже многіе прежде его прудились. Въ первомъ случаѣ онъ совершенно свободенъ; онъ самъ находитъ и способы, которыми можетъ произвести прагическое дѣйствіе, и пользуется съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ по мѣрѣ своего дарованія. Въ послѣднемъ случаѣ, имѣя передъ глазами уже готовый образецъ, онъ видитъ все то, что прежде его сдѣлано было другимъ, и можетъ судить, умѣлъ ли предшественникъ его съ надлежащимъ искусствомъ употребить въ пользу свою и средства, которыя пред-

спавлялись ему въ его содержаніи : онъ можетъ присвоить себѣ его красоты и острѣчь себя ошѣ его погрѣшностей. Главнѣйшая обязанность его состоятъ въ томъ , чтобы матеріалы, прежде его обработанные, болѣе усовершенствовать, или по крайней мѣрѣ не испорчить. При выборѣ же новыхъ способовъ необходимо преуспѣя , чтобы сѣи способы , имѣ найденные , были не только *новые* , но и *лучше* ; еслижъ напрошивъ онъ не умѣлъ воспользоваться пособіями, которыя предлагали ему его предшественники — обезобразилъ ихъ красоты, замѣнилъ ихъ средства собственными менѣе удачными, и, перемѣнивъ ихъ порядокъ, единственно для того чтобы не могли называть его рабскимъ подражателемъ ; сдѣлалъ печеніе драмы своей болѣе смущнымъ, то это будетъ неоспоримымъ доказательствомъ , что онъ имѣетъ весьма посредственное дарованіе трагика, и что онъ напрасно прудилъ швореніемъ своимъ Мельпомену.

Содержаніе Електры принадлежитъ къ самымъ трагическимъ, и представляетъ обширное поле дарованіямъ стихопворца. Оно обработано было превосходнѣйшими трагиками древности и временъ новѣйшихъ: Эскиломъ , Софокломъ , Еврипидомъ , Кребиллономъ , Вольшеромъ , Альфіери и нѣкоторыми

другими. Слѣдовательно новому автору Електры въ швореніяхъ предшественниковъ его представлялись великія пособія; оспавалось ими воспользоваться.

Есхиль, первый образователь драгедіи, принявшій шагъ сказать ее изъ колыбели, нашелъ въ содержаніи Електры одно только, что сильно дѣйствуетъ на воображеніе: доказательство, что и самое искусство его было еще во младенчествѣ, по есть, что оно еще далеко было отъ истинной цѣли своей — прогнать и ужасать разительнымъ изображеніемъ страстей человеческихъ. Въ Есхильовыхъ *Хоефорахъ* мы видимъ дѣшей убивающихъ мать, въ опмщеніе за отца, по грозному опредѣленію неизбежнаго рока — ужасное *произшествіе* со всѣми ужасными его обстоятельствами! Електра, посланная Клитемнестрою съ дарами на гробъ Агамемноновъ, дабы умилостивить его раздраженную пѣнь, и вмѣсто того у самаго гроба сего призывающая мщеніе на главу своей матери; Орестъ, узанный Електрою, колеблющійся между желаніемъ опмстить и чувствомъ природы, и наконецъ успувившій силъ небесъ и Електры, яляущейся бытъ убійцею матери; убійство Клитемнестры, совершенное съ хладнокровіемъ, приводя-

щимъ въ пренепѣ; и наконецъ изступленіе Ореста, окруженнаго Евменидами— все эпо производитъ въ зрителѣ ужасъ, но только одинъ ужасъ, не смѣшанный ни съ какимъ поспороннымъ благороднѣйшимъ ощущеніемъ. Софоклъ, знакомый уже съ испинною цѣлїю своего искусства, основалъ все дѣйствіе трагедїи своей на томъ высокомъ характерѣ, который изобразилъ онъ въ лицѣ Електры; убійство Егиспа и Клиземнеспры можно почестъ одною только необходимою принадлежностію Софокловой драмы: душа ея одна Електра, швердая, пылающая мщеніемъ, окруженная несчастїями, величественная въ горестномъ униженїи, и главное намѣренїе стихотворца состоитъ единственно въ томъ, чтобы представивъ эпошъ великой характеръ въ различныхъ положенїяхъ, заставляющихъ различнымъ образомъ его раскрываться. Сїи-по разнообразныя виды одного и того же характера составляютъ всю прелесть трагедїи Софокловой; ибо съ той минутой, въ которую зрителю, оставивъ Електру, принужденъ обратить вниманїе свое на главное *произшествїе* — на убійство Егиспа и Клиземнеспры — прелесть сїя почти исчезаетъ, и слабое участїе любопытства заступаетъ мѣсто сильнѣйшаго, которое производила въ насъ высокимъ характеромъ своимъ Електра. Еврипидъ и Кребилъ-

онъ совершенно обезобразили епота́ въ ха́рактерѣ; первый опдалилъ вниманіе зрителя; успремивши оное на обстоятельство посторонняго; почти непринадлежаща къ дѣйствію главному; послѣдній, давши Електрѣ ей неприличную спраску; ослабилъ и самую ту, которая одна была ей прилична — ошибки сіи показываютъ намъ, что *новое* не всегда еще можетъ быть *лучшимъ*. И Вольперъ въ своемъ *Ореслѣ*; — не думая переимѣнять то, что было уже превосходно, то есть, сохранивъ характеръ Електры во всей его силѣ и простотѣ, старался усовершенствовать только части избраннаго имъ предмета; которыхъ нѣсколько пренебрежены были Софокломъ. Онъ обратилъ вниманіе на Клиземнесстру и Егиспа. Клиземнесстра Софоклова является на сценѣ для одной Електры; закоренѣлость ея въ преступленіи дѣлаетъ ее почти отвратительною для зрителя — Вольперъ, поселивши въ душѣ своей Клиземнесстры муку раскаянія, сдѣлалъ и ее лицемъ привлекательнымъ: его Електра поражаетъ необыкновенною силою характера, а Клиземнесстра возбуждаетъ въ зрителѣ незольное состраданіе: сіи разнообразныя чувствва (если они только не уничтожаются одно другимъ) могутъ почестъся душою трагедіи. Егиспъ Софокловъ, ничтожное

лице, являешься только для того чтобы умереть отъ руки Ореста; Егистъ Вольперовъ есть одна изъ главнѣйшихъ пружинъ трагедіи: давши ему характеръ подозрительнаго, дѣятельнаго и жестокаго ширана, стихотворецъ усилилъ и самое участіе любопытства, которое въ Софокловой Електрѣ весьма слабо; ибо никакая опасность не угрожаетъ Оресту и никакое препятствіе не возбраняетъ ему умертвить Егиста. Альфіери также представилъ Клиземнеспру, мучимую раскаяніемъ; но онъ не умѣлъ, кажется, сохранить въ изображеніи еяго чувства надлежащей середины: сожалѣніе, производимое его Клиземнеспрою, соединено съ презрѣніемъ, и первое почти уничтожается послѣднимъ. За то онъ лучше всѣхъ предшественниковъ своихъ изобразилъ Ореста; онъ далъ ему по свирѣпое бѣшенство, ту сильную жажду мщенія, которыя составляютъ отличительную черту его характера, и съ ея одной стороны онъ превосходитъ Вольтера, которому уступаетъ во всемъ другомъ, и въ ходъ драмы и въ изображеніи важныхъ характеровъ Електры, Егиста и Клиземнеспры. Наконецъ изъ рукъ Есхила, Софокла, Еврипида, Кребильона, Вольтера и Альфіери Електра перешла въ руки А. Н. Грузинцова. Независимый издатель его трагедіи хочешь, если не ошибаемся, заставишь насъ думать, что

А. Н. *болѣе подражалъ Софоклу*; но мы, сличивши его *Електру* со всѣми трагедіями такого же содержанія, должны были увѣриться, что онъ вообще слѣдовалъ *Вольперу*, изъ котораго переводилъ цѣлыя явленія, перемѣнивъ однако въ нѣкоторыхъ частяхъ его ходъ. Далѣе, г. Издашель старается насъ увѣрить, что А. Н. первый *создалъ* характеръ *Клиземнеспы*, удалившись отъ того образца, который ему представлялся въ *Софоклѣ* — и въ епомъ случаѣ кажется намъ, что дружба завела г-на. Издашеля въ нѣкоторое заблужденіе. *Вольперова Клиземнеспа* безъ всякаго сомнѣнія служила моделью для *Русской*. Правда, что подрашатель нѣсколько отдалился отъ образца своего; но хороши ли сдѣланныя имъ перемѣны — мы ещо увидимъ ниже.

Г. *Грузинцовъ* прежде всего показываетъ намъ *Орешпа* и *Пилада*. *Орешпъ*, повинувся богамъ, повелѣвающимъ ему отмститьъ убійцамъ *Агамемнона*, приближался уже на корабль къ *Аргосу*, но волны разбили корабль; его сокровища, воины, оружіе, все было поглощено моремъ: осталась одна шолько урна, заключающая въ себѣ прахъ *Плисѳена* (*Егисшова сына*, убитаго въ *Епидаврѣ Орешпомъ*), *Агамемноновъ мечъ*

И перстень, коимъ перстѣ *Апридовъ* украшался, *Ириза*, въ коей онъ отъ рукъ убійцѣ скончался.

Орестъ выходитъ съ Пиладомъ на берегъ; они не знаятъ, въ какую справу занесла ихъ буря, видятъ спарца — это Форбасъ, служитель храма, который сообщаетъ пришельцамъ, что они неподалеку отъ Аргоса, близъ гроба Агамемнонова, близъ древнихъ его чертоговъ, въ которыхъ обитаютъ Егистъ — Орестъ въ волненіи. Гдѣ Елендра? спрашиваетъ онъ у Форбаса.

Елендра здѣсь живешь въ шемницѣ заключенна,

Орестъ хочетъ лептѣть къ ней на помощь; Пиладъ, болѣе оспорожный, удерживаетъ его, напомнивъ о заветѣ боговъ, запрещающихъ ему открываться до совершенія мести. „Веди насъ во храмъ, говоритъ онъ „Форбасу: первый долгъ нашъ возблагодарить „безсмертныхъ за чудесное наше спасеніе на „моряхъ Эпидаврскихъ.“ — Пойдемъ! восклицаетъ Орестъ,

Пойдемъ во храмъ, пошамъ къ гробницѣ роковой,
Гдѣ скрытъ убойцами поверженный ирой;
Я тризну совершишь надъ гробомъ симъ желаю.

Сѣи двѣ сцены взяты изъ Вольпера; но въ Орестѣ Вольперовомъ сославляющъ онъ начало вшораго дѣйствія, а въ Русской Елендрѣ ими открывается трагедія. Спрашиваемъ: хорошо ли сдѣлалъ подражатель, перемѣнивши етошъ порядокъ? Едва ли. Въ первомъ актѣ Вольпера мы видимъ Апри-

довъ гробъ, мы видимъ по мѣсто, на которомъ онъ палъ подъ кинжалами убійць вроломныхъ, и сіи убійцы на самомъ епомъ мѣстѣ, ругаясь надъ прахомъ его, вопіющимъ о мщеніи, поржесивуютъ день его гибели; между шѣмъ несчастныя дѣти его спраждутъ — Ифиза, младшая дочь Агамемнонова, уединенно оплакиваетъ отца своего въ запусѣвшихъ его чертогахъ; Електра въ цѣпяхъ; Орестъ скидается въ спрѣнахъ неизвѣстныхъ: все это прекрасно знакомитъ насъ съ произшесшвіями преждебывшими, и зритель вмѣстѣ съ Електрою начинаетъ желать прибытія Орестова. Напрошивъ въ прегедіи господина Грузинцова при видѣ Ореста мы только узнаемъ, что онъ приходитъ для мщенія; но важность ешаго мщенія не можетъ еще быть для насъ оцунительна, ибо мы не знакомы ни съ горестною судьбою Електры, ни съ шѣми пресшупниками, кощорыхъ наказанія могли бы желать вмѣстѣ съ Орестомъ. И сіи двѣ первыя сцены, прекрасныя у Вольпера, будучи не на мѣстѣ въ прегедіи господина Грузинцова, шеряютъ дѣйствіе свое совершенно.

Въ прешемъ явленіи приходитъ Клишеснеспра — Форбасъ спѣшитъ удалитъ пришельцовъ; но Клишеснеспра ихъ видѣла. Кто они? спрашиваетъ она у Форбаса,

Кто сиротники сии, къ странѣ пришедши сей,
Съ копорыми шы здѣсь бесѣдовалъ предъ
мною,

Кто родомъ таковы, какой сюда судьбою,
Или намбреньемъ какимъ приведены ?

Ф о р б а с ъ .

Противнымъ въпромъ къ симъ брегамъ прине-
сены.

Гдѣ ихъ опечесиво и кто они, не знаю,
И безъ различья всѣхъ несчастныхъ призираю.

К л и т е м н е с т р а .

Кто можетъ быть меня несчастнѣй изъ людей?
О, сколько бѣдъ и мукъ на проиѣ для Царей!

Здѣсь подражатель хошѣлъ быть оригиналь-
нымъ, и ему удалось. Но можно ли такую
удачу называть счастливою? Не думаю! По
неволѣ вспомнишь слова Пирра: еще одна
побѣда, и я погибъ! Въ Вольперовой праге-
дїи вмѣстѣ съ Клитемнестрою приходишь
и Егистъ — мы знаемъ уже его характеръ
подозрительный и свирѣпый, слѣдователь-
но приходъ его долженъ насъ привести въ
ужасъ; ибо все предыдущее заспавило насъ
принимать живое участіе въ судьбѣ Оре-
спа. У господина Грузинцова напрошивъ
приходъ Клитемнестры не производишь ни-
какого дѣйствія — она мать, ее не бо-
ишься; а вопросъ ея показываетъ одно
только любопытство — ибо Клитемнестра,
выслушавъ отвѣтъ Форбасовъ, потчасъ

забываетъ о пришельцахъ, и начинаетъ поминать и чипапелля и зрипелля елегическою исповѣдью своихъ пресупленій, въ епомѣ мѣстѣ весьма неприличную; ибо Форбасъ ни почему не можетъ быть повѣреннымъ Клиземнеспры. — И еша сцена тѣмъ болѣе заславляетъ насъ негодовать на прихотливое желаніе господина Сочинителя быть оригинальнымъ въ такое время, когда всего бы лучше было оспаться смиреннымъ подражателемъ, что она замѣняетъ превосходную сцену Вольшеровой трагедіи, шу именно, въ которой мы въ первый разъ знакомимся съ Клиземнеспрою и видимъ характеръ ея въ противоположности съ характеромъ Елекспры. Вольшеръ представляетъ намъ въ Клиземнеспрѣ мать привязанную къ дѣтямъ своимъ чувствами природы, но отдаленную отъ нихъ своимъ преступленіемъ; она очень мало говоритъ о раскаяніи, но зрипель видитъ, что она несчастна, и онъ сожалѣетъ объ ней; напрошивъ признаніе слишкомъ ясное было бы для нее унижительно, оно произвело бы одно только ошращеніе. Господинъ Грузинцовъ ешаго не подумалъ, и вопъ что его Клиземнеспра говоритъ Форбасу:

Когда мой духъ пылалъ любовью побѣжденный,
Непредсказывая мнѣ супругъ мой пораженный;

Средь роскошей вела благополучны дни,
 Пилили спраспну мысль воспорги лишь одну,
 Предавшись въ плѣнъ мечпамъ въ блаженствѣ
 ушопала

И въ щастіи себѣ подобныхъ не считала,
 Но время рушитъ все и за собой влечетъ.
 Сей огонь во мнѣ потухъ; и вижу бездну бѣдъ!
 Со шрепетомъ души прошедше вспоминаю,
 Злодѣйство признаю и судъ боговъ чипаю.

Едва ли можно безъ неприятнаго ощуще-
 нія слушать спарую Клишемнеспру, гово-
 рящую спарому служивелю олшаря: *что
 духъ ея лылалъ*, что она *средь роско-
 шей вела благополучны дни*, что *стра-
 стную мысль ея липали одни воспор-
 ги*, что она *предавшись въ плѣнъ меч-
 тамъ, ушопала въ блаженствѣ*. И что
 же ея раскаяніе? Слѣдствіе изнуренія
 чувствъ; время, лишивъ ее способности
 наслаждаться, напомнило ей, что надобно
 подумать о раскаяніи, о *спасеніи души* и
 она готова спасаться; по первому слову
 Форбаса соглашается освободить изъ тем-
 ницы Елевспру, копорую, не смотря на
 жестокія угрызенія совѣсти, по сіе время
 держала подъ крѣпкимъ присмотромъ; ме-
 жду шѣмъ приказываетъ Форбасу приуго-
 шовить олшарь *богамъ, мстящимъ за
 преслуллениа*. Форбасъ упрямылся, со-
 вѣщуетъ оставить мстящихъ боговъ въ
 покоѣ; Клишемнеспра горячится; напоми-

наешъ Форбасу, что онъ можешъ раздра-
жилъ свою Царицу; надобно повиновать-
ся, и Форбасъ повинуется, и олшаръ бу-
дешъ гошовъ въ III явленіи шрепьяго ая-
па, и Клишемнестра будешъ говоришь пе-
редъ нимъ слѣдующую галимашью:

О пѣнь Амридова! героя грозна пѣнь!
Для шризы въ честь швою сей посвящаю день,
Молю шебя, да симъ швой ярый гнѣвъ смяг-
чипся,
Да мертвый мой супругъ со мною примирися,
При жизни шы умѣлъ прешупниковъ прощати,
По смерти будешъ имъ изъ гроба отомщати.
Судьба меня съ шбой на вѣки разлучила;
На время въ сердце семъ я чувства умершвила;
Минушу предъ шбой измѣнницей была,
Минушу... но сей мигъ я съ вѣчношью спрягла
.

Боги отвѣчаютъ Клишемнестрѣ громомъ!
какого другаго отвѣща могла она ожи-
дать за такіе стихи, особливо за мигъ,
слрженный съ вѣчношью? И поди-
вись ея безшдысшву: Егиспова су-
пруга, убійца Агамемнонова, Клишемнестра
въ присушствіи множесшва богомольцевъ
въ присушствіи Електри, споящей (конеч-
но для симметріи) вмѣстѣ съ Кризотеміею
на колѣняхъ предъ олшаремъ, Клишемнестра
называетъ Агамемнона *супругомъ*, съ ко-
торымъ разлучила ее судьба, передъ

которымъ она была измѣнницею минулу. Такова ли должна быть истинная Клишемнеспра ?

Мы хотѣли сначала разсмотрѣть всѣ пять актовъ епой прагедїи; но такой подробный разборъ могъ бы завести насъ слишкомъ далеко; сверхъ того и предыдущихъ замѣчаній кажется довольно будетъ для доказательства, что неизвѣстный Издашель Елекспры напрасно называетъ *ходъ ея превосходнымъ*; ибо и самыя первыя сцены епой прагедїи уже показываютъ, что Авторъ ея, желая сдѣлать лучше Вольпера, сдѣлалъ гораздо хуже. Гдѣ же превосходство? Что жъ касается до характера Клишемнеспры, то А. Н. Грузинцовъ безъ сомнѣнїя имѣетъ право называть себя его шворцемъ: поршишь спарое, превосходное, не ешь ли шворишь новое дурное? Ж.

Ш. С М Ъ С Ъ.

О Цыганахъ.

Цыганы до сихъ поръ очень мало извѣстны даже шѣмъ народамъ, между коими сѣ давнихъ временъ ведутъ они жизнь свою, кочевую и самую бѣдственную.

Бродящія толпы Цыганъ по всей справедливости принадлежатъ къ числу рѣдкихъ явленій между народами. Удивлялись разсѣянiю Жидовъ по лицу земному; но судьба Цыганъ еще необычайнѣе.

Вопервыхъ очень странно и особливаго примѣчанiя достойно, что у нихъ нѣтъ подлиннаго, собственно имъ принадлежащаго имени; ибо каждой народъ, между коихъ живутъ сiи дорогiе гости, называетъ ихъ иначе: Французы Bohémiens, Голландцы Heidenen (язычниками), Англичане Gypsies (Египтянами), Испанцы и Португальцы Sitanos и проч.; наконецъ Аравшяне, достойные цѣнители нравственныхъ качествъ цыганскихъ, называютъ ихъ *Ширажъ* (ворами), и Цыганы со всею ревностiю спараютъ часъ опъ часу болѣе заслуживать сiе почтенное имя.

По изслѣдованiямъ о Цыганахъ, живущихъ въ разныхъ странахъ Европы, число ихъ должно простираеться опъ семи до восьми сотъ тысячъ. Своими привычками они во многомъ

походять на дикихъ; многимъ однакожь и отличаются; только сіе отличие не всегда относится къ ихъ выгодамъ.

Цыганы вообще средняго роста и собию стройны. Тѣлесныя недуги бывають между ними очень рѣдко. Въ черныхъ и быспрыхъ глазахъ ихъ видны умъ, изъ котораго можно бы сдѣлать полезное употребленіе, но къшорой весьма часто обращаютъ они на поспыдныя изобрѣтенія. Здѣсь рѣчь идетъ не объ одной только привычкѣ ворожить и шѣмъ у просподушныхъ поселянъ выманивать деньги: ибо думаю, что не споитъ сожалѣнія глупецъ, кошорой охотно плашитъ другому; едва прикрытому лохмощемъ глупцу же за предсказаніе о будущемъ и въ чаяніи достать чрезъ него много денегъ: но Цыганъ обвиняютъ въ другихъ важнѣйшихъ проступкахъ. Упрямая склонность ихъ бродить по разнымъ шпоронамъ и непреклонная страсть къ лѣни подають весьма невыгодныя объ нихъ мысли и оправдываютъ всякое подозрѣніе. Говорятъ, что они до крайности безчинны и невоздержны, и что вовсе не уважаются ими союзы родства при брачныхъ сочепаніяхъ, коихъ не можно называть браками. Вообще извѣстно, что Цыганы предпочитаютъ всякой другой пищѣ мясо животнаго, умершаго опъ болѣзни, и даже шѣмъ хвалятся. Умствуя по своему, они говорятъ, что „мясо животнаго, кошорому самъ Богъ велѣлъ умереть, безъ сомнѣнія лучше, нежели мясо животнаго, убишаго человекомъ.“

Но важнѣйшее обвиненіе состоитъ въ томъ, что Цыганы бдятъ человѣческое мясо:

Не думайте, чтобы, по примѣру дикихъ, неимѣвшихъ сообщенія съ нашею половиною свѣта, они пожирали неприятелей своихъ, взятыхъ въ плѣнъ на сраженіи; сколь въ прочемъ ни гнусно сіе обыкновеніе, но его не лъзя сравнивать съ опвраишельною прапезою Цыганъ; ибо у дикихъ обѣимъ сторонамъ неприятельскимъ угрожаетъ одинакая опасность: напротивъ того о Цыганахъ говорятъ, будто они не только похищали младенцовъ и дѣшей обоого пола, но что даже пожирали самыхъ ближнихъ родственниковъ своихъ и лучшихъ приятелей. Одинъ Австрійскій комиссаръ, которому въ 1782 году поручено было изслѣдовать въ Венгріи дѣла сего рода, нашелъ въ Цыганахъ настоящихъ антропофаговъ, и увѣрялъ, что въ числѣ находившихся тогда въ шемницахъ были и такіе, которые убили и сожрали своихъ родителей.

Изъ сего видно, что въ семейственной жизни Цыганъ заключаются всѣ опвраишельныя мерзости того ещественнаго и первобытнаго состоянія, которое изо всей силы своей выхваляли велемудрые софисты минувшаго столѣтія. Цыганская неопряищность вошла въ пословицу, и ее можно сравнивать развѣ только съ образомъ жизни Гошпенноповъ; чтожъ касается до циническаго безстыдства, то самъ Діогенъ могъ бы у нихъ многому поучиться.

Надобно однакожъ замѣшить, что сказанное выше не до всѣхъ Цыганъ касается; икоторыя изъ нихъ ощутили омерзѣніе къ ремеслу побродягъ, и достаютъ пропитаніе какъ себѣ такъ и своему семейству не ворон-

спвомъ, не зажигапельспвомъ, не убійствами, а совсѣмъ инымъ образомъ. Они по большей части, а особливо въ Венгріи, занимающа ремесломъ кузнечнымъ. Кажется, что охота работашъ надъ желѣзомъ съ давняго времени преимущественно ими овладѣла, и что сіе ремесло доставило имъ отъ нѣкоторыхъ государей право или дозволеніе бытъ впускаемыми въ ихъ области. Имѣя весьма недостаточный снарядъ, они работашъ исправно; чтожъ было бы, когда бы способностямъ ихъ дано было лучшее направление? Въ Венгріи, въ Трансильваніи и въ другихъ мѣстахъ Цыганъ упошребляющъ еще на опыскиваніе золотыхъ крупинокъ, находящихся во многихъ рѣчкахъ. Наконецъ промыслъ Цыганъ состоитъ въ покупкѣ, продажѣ и обмѣнѣ лошадей. Честность людей, упражняющихся въ семъ промыслѣ, во всякое время была сомнительною; но Цыганы славными подвигами своими столько въ немъ оплчились, что вездѣ заслужили себѣ названіе самыхъ хитрыхъ обманщиковъ по сей части.

Нужно ли упоминашъ, что сіи лукавые побродяги не слишкомъ заботятся о религіи? Живучи въ какомъ-либо мѣстечкѣ или въ деревнѣ, они соображающъ съ господствующимъ тамъ исповѣданіемъ, то есть смотря по надобности бывающъ католиками, лютеранами, кальвинистами, и такъ далѣе, но бывающъ единственно для вида. Есть между ними люди, которыхъ они называющъ священниками, и которые копѣекъ за 10 дающъ имъ брачное благословеніе столько разъ, сколько потребуешся. По видимому, они умирающъ, не имѣя никакого помятія о будущей жизни.

Подобно дикимъ, они провожаютъ мертвыхъ своихъ крикомъ и воемъ. Примѣчанія достойно, что самоубійство вовсе неизвѣстно между ними. Сколько ни бѣдственной кажешся жизнь ихъ; однакожъ они весьма къ ней привязаны, и никогда не рѣшаются прекратить ея насильственно.

(Изъ Сѣв. Пч.)

А н е к д о т ѣ ѣ.

Въ N. . . прое приятелей, которые убивали вечера за бостномъ, сошлись по обыкновенію играть въ карты. Одинъ изъ нихъ, сказавъ *на десять въ сюралъ*, въ ту же самую минушу, пораженный параличемъ, упалъ со стула и умеръ; другой бросился помогать и звалъ людей; претій хладнокровно разсматриваетъ карты покойника, и говоритъ: онъ бы проигралъ большую игру! всѣ козыри въ одной рукѣ!

Лонгевиллю сказали, что сосѣди порскаютъ съ собаками въ его дачахъ. Не мѣшайте имъ!“ описывалъ доброй человекъ: „лучше имѣть приятелей, нежели зайцовъ.“ М - з.

Помѣщаемъ въ числѣ анекдотовъ необыкновенную быль, выписанную изъ иностранныхъ вѣдомостей и доставленную къ намъ отъ одного благосклоннаго читателя Вѣстника изъ Рязани. Нашедши ее въ Gazette de France прошлаго года, мы пропустили безъ вниманія; но разсмотрѣвъ прилѣжно, паперъ ми-

дѣлѣ, что она сподѣлѣ бытъ извѣстною и служишь хорошимъ примѣромъ для подражанія.

Марія Логай, жена Іосифа Корпеля, 5 го Ноября 1810 года скончалась послѣ продолжительной болѣзни въ Монсекѣ. Еще съ Августа мѣсяца начала она съ надлежащею предосторожностію заботишься о другой женѣ для своего любезнаго мужа, и была шакѣ счастлива, что нашла пригожую дѣвицу, достойную заступишь ея мѣсто. Она незамедлила объявишь о томъ своему супругу, которой искренно поблагодарилъ ее за столь нѣжную попечительность. Марія просила избранную преемницу бытъ на своемъ погребеніи и съ того времени приняшь на себя хозяйственныя хлопоты. Вторая жена въ самомъ дѣлѣ явилась въ назначенное время, и исполнила преобозаніе своей предмѣстницы. Корпель на другой же день послѣ похоронѣ занялся пригошовленіемъ къ новой женишьбѣ; чрезъ шедшь дней было провозглашено объ ней въ церкви, а чрезъ шри недѣли совершено бракосочешаніе.

Московскія записки (*).

Марша 9 го Московская Публика имѣла удовольствіе слышашъ первую Русскую Орашорію *Освобожденіе Москвы*, сочиненную г-мъ *Горчаковымъ* и положенную на музыку г-мъ *Дектревемъ*, извѣстнымъ по многимъ пре-

(*) Слѣдующее извѣстіе объ Орашоріи доспавдено отъ одного почтеннаго любителя ешечественныхъ произведеній. *Изд.*

востоднымъ его сочиненіямъ для музыки пѣвческой. Знвшіе талантъ г-на Дехтярева давно ожидали отъ него какого-нибудь важнаго произведенія для полнаго хора музыки; [ожидаіе исполнилось: г-нъ Дехтяревъ своею Орапорією доказаль, что онъ можетъ поставитъ имя свое на ряду съ первѣйшими композиторами въ Европѣ. Немногія музыкальня произведенія знаменитѣйшихъ иностранныхъ авторовъ приняты были съ толікою похвалою отъ всей публики, какъ музыка Орапоріи г-на Дехтярева. Рукоплесканія сопровождали почти каждой куплетъ ея. Оркестръ состоялъ почти изъ 200 единственно Русскихъ музыкантовъ и пѣвцовъ подъ управленіемъ самаго г-на Дехтярева. Величественные хоры съ музыкаю роговою, прекраснѣйшія аріи, гармоническіе переходы поновъ и мастерскія фуги, изъ коихъ составлена Орапорія, утвердятъ навсегда славу г-на Дехтярева между его соотечественниками и даже въ другихъ государствахъ; ибо Орапорія переведена уже однимъ ученымъ мужемъ на Италіанскій языкъ, и полная партитура музыки съ Италіанскими словами отправлена будетъ въ Неаполь. Въ семъ похвальномъ предпріятіи болѣе всѣхъ участвуемъ одинъ почтенный любитель отечественныхъ произведеній музыки (Его Превосх. Н. П. В.):

Къ чести г-на Горчакова, сочинителя словъ Орапоріи, можно сказать, что онъ взялъ содержаніе поэмы изъ Россійской Исторіи, весьма удачно; расположеніемъ хоровъ, аріи, речитативовъ и вступленій показаль онъ себя хорошимъ знаткомъ и рачительнымъ употребителемъ музыки отечественной. Подвигъ

бессмертныхъ мужей. Пожарскаго, Минина и Палицына, спасителей Россіи, должны быть прославляемы въ твореніяхъ спихотворцевъ, рিশоровъ и музыканшовъ; и гдѣ приличіе слышать воспѣваніе великихъ дѣлъ сихъ незабвенныхъ сыновъ Отечества, какъ не въ Москвѣ, гдѣ совершились оныя!

Г. Д.

Имѣемъ передъ глазами печашное объявленіе о *Фаунѣ насѣкомыхъ, находящихся въ Россійской Имперіи*. Сіе богатое и по многимъ отношеніямъ весьма важное изданіе выдетъ въ свѣтъ подъ титуломъ: *Prodrome de la Faune des insectes de l'Empire de Russie*. Оно будетъ составлено по образцу: *Фауны насѣкомыхъ Германіи* Доктора Панцера, съ пою только разницею, что здѣсь предложатся предметы или совсѣмъ неизвѣстные, или непочино описанные и изображенные въ другихъ сочиненіяхъ. *Фауна* будетъ выходить въ свѣтъ шестрадами, изъ коихъ въ каждой господа Издатели обѣщались помѣстити десять описаній на Латинскомъ и Французскомъ языкахъ, и столькоже насѣкомыхъ, срисованныхъ съ натуры, выгравированныхъ и раскрашенныхъ. Фигуры будутъ вырѣзаны искуснымъ художникомъ, г-мъ Вандраминомъ и писаны на самой лучшей бумагѣ веленовой. Господа Издатели засвидѣтельствовали шоржественно, что не корыстолюбіе управляетъ ихъ намѣреніемъ, какъ то не рѣдко случается въ чужихъ краяхъ, объявляютъ, что имъ нужно только возвратити свои собственныя издержки, которыя употреблены будутъ на вырѣзываніе фигуръ и печатаніе текста. Все изданіе состоятъ будетъ изъ 4 Томовъ, изъ ко-

ихъ въ двухъ первыхъ должны содержаться описанія, а въ послѣднихъ 500 картинъ описанныхъ и раскрашенныхъ кистью. На каждой вырѣзанной доскѣ предполагается писнуть не болѣе 200 картинъ, для того чтобы сохранить возможное совершенство. Цѣна каждому экземпляру полагается съ текстомъ на веленовой бумагѣ 220 рублей, а на обыкновенной хорошей 180. Желающіе подписаться платятъ одну половину суммы впередъ, а другую когда выйдетъ полное число тетрадей, первой Томъ составляющихъ, и о семъ они будутъ извѣщены особымъ уведомленіемъ. Если предполагаемое число подписывающихся на получение *Фауны* не наполнится до 1 Мая сего года; въ такомъ случаѣ каждой заплачившій половину денегъ, получитъ ее обратно. Подписка принимается: въ Москвѣ въ книжныхъ лавкахъ у *Горна* и у *Рисса* и *Сосе*, а въ С. Петербургѣ въ книжныхъ же лавкахъ у *Роспина* и у *Лиснерла*. На объявленіи поставлены имена Издателей: *Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Бакроузъ Фитингофъ*. *Надворный Совѣтникъ и Профессоръ Вотикики М. Адамсъ*.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Въ Саксоніи 31 Октября ежегодно празднуется память религіи. Главный придворный священникъ Рейнгардъ напечаталъ свою проповѣдь, произнесенную минувшаго года. Въ ней доказывается, что слабость Нѣмецкой націи происходитъ отъ недостатка въ вѣрованіи, и что вѣрою только приобрести можно силу

и крѣпость. Въ Рижской Газетѣ литературы и художества по сему случаю приводящъ на память опвѣвъ нѣкоего Французскаго Генерала, разбиитаго Англичанами, „Это опѣ того, что вы не часно ходите къ обѣднѣ!“ сказалъ ему одинъ спарой царедворецъ Людовика XIV. „Не уже ли вы думаете, возразилъ ему Генералъ, что ерешикъ Марлбургъ слушаетъ обѣдню чаще нежели я?“

✱

Между новыми картинами, выставленными въ нынѣшнемъ году для публики въ Парижѣ, одна достойна примѣчанія по своему расположенію. На ней изображенъ Императоръ Наполеонъ передъ сраженіемъ при Ваграмѣ. По ереди картины на открытомъ полѣ Императоръ спитъ на соломенномъ стулѣ сидя, сложивши руки и положивши одну ногу на скамйкѣ. Позади его горитъ огонь, при свѣтѣ коего видно нѣсколько офицеровъ; они споятъ и смотрятъ на спящаго Монарха. Нѣсколько водалѣ, сидитъ за столомъ Князь Невшательскій и подаетъ гусару запечатанную бумагу. Еще далѣе, офицеры бѣжатъ пирровъ и передающъ одинъ другому свѣ виномъ бушылку. Впереди видны спящіе на землѣ солдаты. Картина понравилась.

✱

Вновь печатается на Нѣмецкомъ языкѣ, въ Берлинѣ, Путешествіе вокругъ свѣта Россійской эскадры подъ начальствомъ Капитана Крузенштерна. Сіе важное твореніе переводится шеперь и на Французскій языкъ извѣстнымъ Деклеркомъ.

✱

Въ слѣдъ за Россійскимъ Кукомъ идетъ новый Форштеръ, Г. Крузенштернъ писалъ

Путешествіе свое какъ мореплаватель; Ф. Лангдорфъ, смотрѣвшій на предметы въ качествѣ испытателя природы и наблюдателя людей, объявляетъ о намѣреніи своемъ издать на Нѣмецкомъ языкѣ *Замѣчанія свои во время плаванія вокругъ свѣта съ 1803 до 1807 года* (Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807), въ двухъ Частяхъ со многими картинами. Въ первой Части будетъ помѣщено описаніе путешествія изъ Копенгагена въ Англію къ острову Тенерифу, въ Бразилію, по Южному Океану въ Камчатку, потомъ въ Японію и обратно къ Камчатку же. Вторая Часть должна заключать въ себѣ путешествіе на Алеутскіе острова, Уналашку, св. Георгія, св. Павла, Кодьякъ, Норфолкъ-Зундъ, Новый Албюнъ, обратное плаваніе въ Камчатку, описаніе сего полуострова и Охотска, и путешествіе черезъ Сибирь въ С. Петербургъ. Сочинитель общается предложитъ замѣчанія свои о нравахъ, обыкновеніяхъ и образѣ жизни разныхъ народовъ, и вообще сказанія о такихъ случаяхъ, о которыхъ людямъ всякаго сословія читають приятно. Описанія новыхъ растѣній и животныхъ, переменны и направленіе вѣтровъ, стремленіе морской воды, наклоненіе магнитной стрѣлки, опредѣленіе и ходъ часовой машины и тому подобное къ плану его не принадлежатъ.

Шенье, извѣстный Французскій стихотворецъ, сочинитель разныхъ трагедій, недавно скончался въ Парижѣ. Онъ былъ ревностный защитникъ философовъ въ Национальномъ Институтѣ. Не задолго передъ смертью, въ частныхъ засѣданіяхъ, имѣлъ онъ весьма жаркія

споръ съ Кардиналомъ Мори. На мѣсто Шенье въ члены Института принятъ Шапобрианъ, шворецъ книги *О духѣ христіанства* и другихъ сочиненій.

✱

Гасе, ученой Нѣмецъ, находящійся въ Парижѣ, намѣренъ издать въ свѣтъ нѣсколько сочиненій, въ которыхъ сдѣлаетъ извѣстными важнѣйшія рукописи Императорской библіотеки. Первая книжка вышла подъ титуломъ: *Recueil de Memoires sur differens Manuscrits Grecs et cet.* (т. е. Собраніе записокъ о разныхъ Греческихъ рукописяхъ и проч.); въ ней содержатся: Сочиненіе Греческаго Грамматика, Дракона Спрапоиикскаго о родахъ стиховъ; Извѣстія о Византійскомъ историкѣ Левѣ Діаконѣ и объ одномъ сочиненіи Греческаго Императора Мануила Палеолога. Левъ писалъ въ послѣдней половинѣ десятаго столѣтія. Въ осьмой и девятой книгахъ своей Истории онъ подробно описываетъ походъ Русскаго Князя Святослава на Грековъ; однакожъ его сказаніе несогласно съ Несторовымъ. Сочиненіе Императора Мануила содержитъ въ себѣ разговоръ, которой имѣлъ онъ съ однимъ Магометацкимъ учителемъ въры, находясь въ Анкирѣ, куда самъ приводилъ войско въ помощь Турецкому Султану Баязету (противъ кого, не упомянуто). Въ семъ сочиненіи заключающа всѣма любопытныя извѣстія о политическихъ отношеніяхъ 14 вѣка и о тогдашнихъ обычаяхъ Греческихъ.

IV. ПОЛИТИКА.

Засѣданіе Верхняго Парламента Февраля 12 го.

Лордъ - Канцлеръ произнесъ рѣчь слѣдующаго содержания :

„Милорды и Господа ! Его Высочество Принцъ Регентъ повелѣлъ объявить вамъ, что онъ горестно оплакиваетъ, не только вмѣстѣ со всѣми подданными Его Величества, но и въ особенноти по чувству сыновнему, по великое бѣдствіе народное, которымъ подвигнулъ Его Высочество принять на себя опшравленіе Королевской власти именовъ Его Величества.“

„Объявляя вамъ, сколь удостовѣренъ Его Высочество о великихъ трудностяхъ, сопряженныхъ съ возложеннымъ на него важнымъ служеніемъ, по препорученію Е. В - а мы увѣряемъ васъ, что Принцъ Регентъ съ полнымъ довѣріемъ взываетъ къ благоразумію и ревности Парламента и къ преданности народа вѣрнаго и усерднаго о пособіи Ему въ исполненіи столь труднаго подвига ; а Его Высочество съ своей стороны употребитъ всѣ усилія направитъ ввѣренную себѣ власть къ попеченію о благѣ и безопасности владѣній Его Величества.“

„Намъ поручено объявить вамъ объ удовольствіи Его Высочества, что въ послѣднюю кампанію сухопутныя и морскія силы Его Величества снова имѣли случаи показать храбрость свою и искусство.“

„Завоеваніемъ острововъ Бурбона и Амбойны уменьшилось число неприятельскихъ колоній 1).“

„Нашествіе на Сицилію, возвѣщенное съ предварительными увѣреніями объ успѣхѣ 2), отражено 3) стараніями и мужествомъ силъ морскихъ и сухопутныхъ Его Величества. Благоразумныя распоряженія военныхъ начальниковъ вспомоществуемы были усердіемъ и ревностію жителей Сициліи и содѣйствіемъ военныхъ силъ Его Сицилійскаго Величества 4).“

„Въ Португаліи и въ Кадиксѣ, коихъ защищеніе составляетъ главный предметъ усилій Его Величества въ продолженіе послѣдней кампаніи 5), покушенія неприятеля были уничтожаемы 6) даже до сего времени 7). Совершенное искусство, благоразуміе и неусыпность Генералъ-Лейтенанта Лорда Веллингтона, равнымъ образомъ строгая подчиненность офицеровъ и солдатъ оказывались во все продолженіе кампаніи. Слѣдствія, сими великими качествами произведенныя, возбуждая бодрость и довѣріе въ союзническихъ войскахъ Его Величества, весьма выгодно обнаружилась въ хорошемъ ихъ поведеніи вообще, и въ особенностяхи при участіи ихъ въ сраженіи при Бузако, гдѣ былъ отраженъ неприятель 8). Е. К. Высочество повелѣлъ также объявить вамъ объ упованіи своемъ,

что вы подадите ему способы и впредь оказывать дѣятельнѣйшее вспоможеніе храброй націи полуострова для подкрѣпленія въ борьбѣ, которую желаетъ она продолжать постоянно. Е. К. Высочество удостовѣренъ, что вамъ извѣстно, сколь нужно для Великобританіи споспѣшествовать окончанію сей войны, отъ которой совершенно зависитъ свобода народовъ Испанскаго и Португальскаго (9).“

„Равнымъ образомъ поручено намъ извѣстить васъ, что нынѣ происходятъ переговоры между симъ Королевствомъ и соединенными Американскими областями, и что Е. К. Высочество желаетъ окончить ихъ дружественно, и такимъ образомъ, которой былъ бы совмѣщенъ съ достоинствомъ короны Его Величества, съ морскими правами и съ выгодами Великобританіи.“

„Господа члены Нижняго Парламента! намъ поручено извѣстить васъ, что Принцъ Регентъ повелѣлъ предсавить вамъ смѣту издержекъ текущаго года, Его Высочество объявляетъ вамъ съ великимъ удовольствіемъ, что жоня торговля сего Королевства, затрудняемая многими препятствіями, нѣвопорнымъ образомъ распрострала одну часть доходовъ Его Величества, а особливо въ Ирландіи (10); однакожъ доходы Великобританіи, не бывъ никакими новыми налогами увеличены, въ минувшемъ году значительно превышали прежніе. Его Высочество взываетъ къ вашему усердію и къ вашей щедрости о пособіи Его Величеству въ сей трудной борьбѣ, начавшейся по необходимости.“

„Милорды и Господа! намъ поручено отъ Принца Регенша объявить вамъ, что Е. К. Высочество неперпѣливо жelaетъ передать Его Величеству управление симъ Королевствомъ, такъ чтобы оно не потерпѣло никакого ущерба, и что Е. Высочество проливаетъ мольбы ко Всемогущему, да милосердіемъ своимъ ускоритъ Онъ конецъ бѣдствія, оплакиваемого всѣмъ народомъ и въ особенности горестнаго для Е. Высочества.“

Замѣчанія Монисера.

1) Превосходство Англійской морской силы по необходимости давало ей возможность овладѣть всѣми небольшими колоніями Франціи. Маршеника, Гваделупа, Иль-дела-Реюньонъ, Иль-де-Франсъ должны были сдать ескадрамъ, на моряхъ господствующимъ. Гарнизоны ихъ состояли только изъ 2000 человекъ. Большаго числа людей содержать было не можно. Весьма понятно, что 2000 человекъ, находясь за тысячу миль отъ своего опечесства, не могутъ устоять противъ многократныхъ нападеній 12000 человекъ.

Но приобретение Англичанами сихъ колоній можно ли назвать бѣдою для Франціи при нынѣшнихъ обстоятельстввахъ?

Сии колоніи находились въ невыгодномъ состояніи, будучи въ осадѣ. Привязанность колонистовъ къ первому опечесству ихъ увеличилась, и гордость ихъ возрастаетъ подъ господствомъ такого неприятеля, которой только что унижаетъ подпадающихъ его власши. Жители Ка-

нады, сто лѣтъ уже опдѣленные отъ Франціи, все еще остающіяся Французами, какъ и жили береговъ Лоары.

При шеперешнихъ обстоятельствѣхъ Мариника, Гваделупа, Иль-дела-Реюньонъ, Иль-де-Франсъ ничего недоспавляли своему государству, а спали ему ежегодно болѣе 20 ти миллионѣхъ. Съ 20 ю миллионами въ одинъ годъ можно построить десять кораблей; и шакъ въ пять или въ шесть лѣтъ продолженія войны будетъ чѣмъ снарядить 50 кораблей линейныхъ.

Кофе, сахаръ, хлопчатая бумага, произведенія сихъ колоній, шеперь столь низкую цѣну имѣютъ въ Лондонѣ, что прибыль торговая незамѣяетъ издержекъ провоза сихъ вещей въ Европу. Весьма сомнительно, чтобы упомянутые острова приносили доходъ Англіи, достпашочный для содержанія въ нихъ гражданскихъ чиновниковъ и войска. Тамъ надобны гарнизоны. Раздѣляя военныя силы свои, Англія со многихъ споронъ дѣлается ошкрыше для нападенія.

Колоніи, приобрѣтенныя Англіею, ошпашь доспанутся Франціи или при заключеніи мира, или когда Имперія будетъ имѣть 120 кораблей и 200 фрегатѣхъ и судовъ меньшихъ. Сія эпоха весьма близка отъ насъ; она предусмошрѣна и дальность ея исчислена.

Возможность имѣть большую на моряхъ силу естъ слѣдствіе нынѣшнихъ обстоятельствъ Имперіи. Всѣ дѣла Исп-

ріи, Італіи, Франціи и Германіи при-
 тояющія рѣками, коихъ устья вѣ нашей
 власти. Адриатическое море, Зюдерзе,
 Шельда, Брестская и Тулонская рейды,
 множество пристаней вѣ Имперіи слу-
 жають школою для нашихъ мапросовѣ и
 доставляютъ намъ способы вооружитъ
 всѣ шѣ корабли, которые построитъ мо-
 жемъ.

2) Слова сіи болѣ приличны перу, кошо-
 рое пишетъ на удачу случайныя шепрадки,
 нежели сочишителю рѣчи, произносимой
 онѣ лица правительствѣ.

Для покоренія Сициліи надлежало отъ-
 рядитъ съ швердой земли 30,000 человекѣ;
 но не сочтено за надобное сдѣлать ешо
 вѣ 1810 году, да и ни вѣ какомъ актѣ
 не объявлено о намѣреніи завоевать Си-
 цилию вѣ сіе время.

Неаполитанскій Король, вопреки уси-
 ліямъ Англичанѣ, собралъ вѣ Реджіо фло-
 пиллію, изъ 600 судовѣ состоящую, и на
 всѣхъ судахъ служили Неаполитанскіе
 мапросы. Онѣ удерживалъ покушенія
 12,000 Англичанѣ, и заставилъ Англійское
 правительствѣ опозвать войска, угрожав-
 іиѣ нападеніемъ на Корфу. Выходивши
 каждой день на Сицилійской берегѣ, онѣ
 всегда одерживалъ побѣды. Его подданныѣ
 показали Англичанамъ, сколь ревностно
 вѣривъ ниѣ сражающія. Сицилія поко-
 рена будеть, когда пожелается: но раз-
 вѣ ешо не успѣхъ, что Англичанѣ заспа-
 вили сдѣржать 12,000 человекѣ столь
 далеко отъ Англии и Ирландіи? Слѣдстви-
 емъ того есть шраякая выгода, происхо-

дѣящая ошѣ раздѣленія военныхъ силъ Бришанскихъ, ошѣ дѣйствій весьма убыточныхъ для казны и ошѣ нравственнаго вліянія въ умы Сицилійскихъ жишелей, которые пошеряли наконецъ шерябніе, видя передъ собою ерешиковъ, грубыхъ и всегда пьяныхъ, и перенося епу Бришанскую гордость, оскорбительную для всѣхъ народовъ.

3) Отпращено? Просимъ сочинителя рѣчи располковать намъ, какъ можно опрашишь такое предпріятіе, которое никогда не было начато?

4) Англійской народъ знаетъ о шомъ лучше нежели его правительство. Всѣмъ въ Лондонѣ извѣстно, что Сицилійскіе жишели отнюдь не оказывали усердія и ревности, и что они ненавидяшѣ Англичанъ; даже Дворъ не скрываетъ своего ошѣ нихъ отвращенія: но нужно было упомянуть *о содѣйствіи морскихъ силъ Его Сицилійскаго Величества*, для шого чшобы увѣришь, будшо Король Неаполитанскій имѣлъ успѣхъ съ своею флотилліею пошому единшвенно, что войско соспояло не изъ однихъ Англичанъ, но что и Сицилійцы дѣйствоввали съ ними вмѣстѣ. Другой не было причины упоминашь *о морскихъ силахъ* Сициліи.

5) За годъ прежде Англійское Правительство хошѣло не менѣ какъ выгнать Французовъ изъ Мадриша и выпроводить ихъ за Пиренейскія горы; а шеперь уже шолько *защитеніе Португалліи и Кадыкса* есть главный предметъ его усилій. Ласкаемъ себя надеждою, что

въ рѣчи, которая произнесена будещь въ 1812 году, Англія равнобрно получишь успѣхъ въ главномъ предметѣ своихъ усилій; ибо въ то время не Португаллія и не Кадиксъ, а Гибралтаръ будещь главнымъ предметомъ оныхъ.

б) Вы говорите, что намѣренія непріятели были уничтожаемы въ Португалліи. Положимъ на часъ, что непріятель сдѣлалъ бы высадку при Единбургѣ; что овладѣвъ Шотландією, Норшуберландомъ и шакъ далѣе, онъ цѣлыя двѣ недѣли непрерывно преслѣдовалъ бы вашу армію; что опустивъ по правиламъ благоразумія, съ оружіемъ въ одной рукѣ и съ пламенникомъ въ другой, вы опустошили бы поля свои, испребили скотину, разорили гумна, разрушили сады и замки; что наконецъ расположившись на неприступныхъ высотахъ передъ Лондономъ между моремъ и Темзою, защищаемыхъ тысячею пшью снами пушекъ большаго калибра, взятыхъ съ кораблей и изъ арсеналовъ, вы имѣли бы оба фланга въ такомъ безопасномъ состояніи, что нельзя было бы ни обойти васъ ни отрѣзать отъ моря, и что все еще хвастали бы вы, будто защищали Англію. Но жители Эссекса, Миддлсекса и другихъ областей, сказали бы вамъ, что жечь и опустошаніе справу не значитъ защищать ее; что Лондонъ не есть граница для войска, пришедшаго изъ Шотландіи; что въ опустувленіи за 80 миль отъ границы, когда при часпи всего государства оспавлены непріятели, не видно ни обороны ни могущества. Точно такимъ образомъ защи-

пили вы Португаллію. Вы оставили Алмейду, Цивидадъ Родриго, Оливенцу, Бадайозъ и Кампо-Мажоръ, и допустили захватить въ плѣнъ около 25 тысячъ человекъ изъ войска вашихъ союзниковъ; вы опсступились отъ странъ лежащихъ между Минго, Доуро и Мондрагоною, между Бейрою и Тагомъ; вы жгли и опустошали; и теперь смѣете говорить, что защитили Португаллію, и что намбренія неприязеля уничтожены! Далъ бы Богъ, что бы Веллингтонъ подобнымъ образомъ нѣкогда защитилъ Англію!

(*Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.*)

Обозрѣніе произшествій.

На мѣсто Дюка Виченцы, которой по неоднократному своему прошенію ошозванъ во Францію, посломъ въ С. Петербургъ назначенъ Генераль Графъ Лорисшонъ.

Иль - де - Франсъ сдался Англичанамъ въ Ноябрь мѣсяцъ протекшаго года. Вице-Адмираль Берпи начальствоваль на флотъ, а Генераль Аберкромби въ сухопутномъ войскѣ. Англійская сила состояла изъ 70 судовъ военныхъ и перевозныхъ; Французской Генераль Декенъ принужденъ былъ уступить превосходству оной и подписалъ договоръ о сдачѣ острова. Французскому войску дозволено опправиться въ опечесиво со всѣмъ имуществомъ; собственность и вѣра жителей обезпечены. Въ 1789 году на семъ островѣ было

48,000 жилищей, и въ помѣ числѣ полага-лось 28,600 невольниковъ; послѣднихъ шеперь умножилось до 50,000. — Испанскій Посолъ въ Лондонѣ скончался послѣ непродолжительной, но жестокой болѣзни. — Въ Ирландіи произошли между каполиками нѣкоторыя безпокойства. Войскамъ, назначеннымъ въ Португаллію, какъ сказывающъ, велѣно остаться тамъ на прежнихъ квартирахъ впредъ до повелѣнія.

Доказательствомъ миролюбивыхъ распо-ложеній Вѣнскаго Двора служитъ то, что Императорская Королевская армія по пѣхотѣ уменьшена до 100,000 человекъ, а по конницѣ до 30,720. Артиллерія остается на прежнемъ положеніи.

Повелѣніемъ Е. В. Короля Прусскаго открыто въ Берлинѣ собраніе депутатовъ отъ всѣхъ сословій и изъ всѣхъ провинцій. При первомъ засѣданіи 23 Февраля Государствен-ный Канцлеръ Гарденбергъ въ чипанной рѣчи объявилъ имъ, что они созваны между про-чимъ и для разсужденій о лучшемъ способѣ произвести въ дѣйство новую систему нало-говъ. Касательно же финансовъ Государствен-ный Канцлеръ упомянулъ, что Пруссія имѣетъ мало внѣшнихъ долговъ, за исключеніемъ воен-ной констрибуціи, коея одна половина весьма скоро будетъ уплачена, а другая знапно будетъ уменьшена передачею Франціи конфискованныхъ заморскихъ товаровъ. — Произшедшія въ верх-ней Шлезіи безпокойства между крестьянами нынѣ прекращены совершенно, такъ что во-лости дали письменныя обязательства бытъ покорными начальству.

Разныя извѣстія.

Въ письмахъ изъ Вѣны въ Италію пишутъ, что Папа Пій VII сложилъ съ себя протисвенную корону, и назначилъ въ преемники по себѣ одного Кардинала, которой за нѣсколько лѣтъ передъ симъ былъ уже избранъ въ Сициліи, и которой теперь находится въ Мальтѣ.

Въ листкахъ Венгерскихъ помѣщено много несправедливыхъ извѣстій о Сербіи, на примѣръ будто Сербы ушомлены и испощены войною, будто осада Виддина снята и ш. д. Кто знаетъ характеръ Сербовъ, которые уже шесть лѣтъ неутомимо сражаются за свою свободу; кто знаетъ, что они поразили большую Турецкую армію при Ниссѣ, гдѣ предводитель ихъ Георгій Пепровичъ получилъ отъ Турковъ же названіе *Черного* (по есть спрашнаго; ибо Турки называютъ чернымъ все бѣдственное и ужасное): тотъ конечно вѣдаешь, какими почтяться должно сіи слухи. Еще до сраженія надъ Дриною Сербы клятвенно обязались побѣдить, или умереть за вѣру и опечество. И нынѣ всѣ они единодушно желаютъ — никогда не быть опять подъ Турецкимъ господствомъ.

Въ Стокгольмѣ серебро такъ рѣдко, что недавно 50 талеровъ предложены были на продажу съ публичнаго шорга. Полиція запретила продажу оныхъ.

По повелѣнію Императора Наполеона, въ Иллирійскихъ областяхъ снято запрещеніе, которое было наложено на собственности Австрійскихъ подданныхъ.

(Изъ Рижск. Зрилл.)

28 Марта.

У в ѣ д о м л е н і я .

Присланныя изъ Переяславля отъ К. *сто* рублей, по желанію благотворителя, будутъ вѣрно доставлены Ивану Пепровичу Сенковскому, какъ скоро онъ возвратится въ Москву изъ Е..., куда отправился не на долгое время.

✽

При письмѣ отъ неизвѣстной благотворительной особы получено Издашелемъ 50 руб., изъ которыхъ одна половина отправлена въ Тамбовъ къ *Андрею Божову* (Вѣспн. Европы 1810 № 24 стр. 304), а другая въ Новомосковскъ ко вдовѣ *Діаконицѣ Зажковой* (тамъ же стр. 331).

✽

Доставленные отъ Ц. К. *сто* рублей препровожжены въ Скопинской городской Магистратѣ для употребленія въ пользу шамошнихъ жителей, претерпѣвшихъ несчастіе пожара (Вѣспн. Евр. 1810 № 12 стр. 324).

✽

Отъ неизвѣстной особы доставлены при запискѣ 25 рублей, которыя по желанію благотворителя и отправлены въ Кіевъ къ шамошнему Губернскому Почтмейстеру Іасону Савичу Баженову для врученія госпожѣ Ельдезинѣ (Вѣспн. Евр. № 6 стр. 134).

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 8. А П Р Ъ Л Ъ 1811.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Девятая глава изъ Гиббоновой исторіи объ уладкѣ и разрушеніи Римской Имперіи.

Состояніе Германіи до нашествія варваровъ при Императорѣ Деціи.

Мы обязаны были предложить краткое извѣстіе о правительствѣ и религіи Персовъ по связи ихъ съ упадкомъ и разрушеніемъ Римской Имперіи. При случаѣ упомянемъ о племенахъ Скиѣскихъ или Сарматскихъ, копорыя съ оружіемъ своимъ, съ коньми, со spadaми скопины, съ женами и семействами скипалцовъ по неизмѣримымъ равнинамъ между моремъ Каспійскимъ и Вислою, между предѣлами Персіи и Германіи. Но воинственные Германцы, кои сперва сопротивлялись, но

помѣ нападали , а наконецъ разрушили западную Римскую Имперію , должны занять важнѣйшее мѣсто въ сей исторіи : они имѣютъ большее и такъ сказать ближайшее право на нашу внимательность. Просвѣщеннѣйшіе народы нынѣшней Европы вышли изъ лѣсовъ Германскихъ ; въ грубыхъ установленіяхъ варваровъ сихъ мы обрѣтаемъ начало своихъ законовъ и обычаевъ. Германцы , при первобытномъ состояніи простоты своей и независимости , были разсмащиваемы наблюдательнымъ окомъ и описаны мастерскою кистію Тацита , перваго изъ историковъ , соединившихъ науку философіи съ замѣчаніями событій. Многіе испытатели древностей испощали прилѣжаніе свое надъ выразительною красноречіемъ его описаній ; многіе историки новѣйшихъ временъ , умомъ философическимъ одаренные , подвергали ихъ изслѣдованію проницательнаго своего любопытства. Предметъ сей , въ прочемъ разнообразный и важный , разсмащиваемъ былъ столь часто , такъ хорошо и такъ успѣшно , что нынѣ сдѣлался онъ обыкновеннымъ для читателя , оспариваясь для писателя все еще труднымъ. И такъ мы удовольствуемся замѣчаніемъ , или лучше сказать повтореніемъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ общепользованныхъ климатовъ , обычаевъ и установленій , которыя содѣлали дикихъ

варваровъ Германіи споль спрашными неприятелями Римскаго могущества.

Древняя Германія, кромѣ отдѣленной отъ нея, покоренной Римлянами, провинціи на западномъ берегѣ Рейна, соспавляла шретью часть Европы. Почши все проспранство, занимаемое нынѣшнею Германіею, Даніею, Норвегіею, Швеціею, Финляндіею, Лифляндіею, Пруссіею и большею часпїю Польши, обипаемо было разными племенами шого великаго народа, въ которомъ соспавъ шѣла, языкъ и обычаи заключающъ въ себѣ признаки общаго происхожденія, и до нынѣ сохраняющъ очевидное сходство. Древняя Германія отдѣлялась на западѣ Рейномъ отъ Галліи, а на югѣ Дунаемъ отъ Иллирійскихъ провинцій Римской Имперіи. Цѣпь горъ, названныхъ Карпашскими, начинаясь отъ Дуная, закрывала Германію со стороны Дакіи и Панноніи. Воспючные предѣлы, едва замѣнены были по причинѣ обоюднаго опасенія Германцовъ и Сармашъ; они часпо перемѣнялись отъ смѣшенія враждующихъ и примиряющихся племенъ обоихъ народовъ. Во мракѣ отдаленнаго сѣвера древніе полагали Ледовишой океанъ за Балшійскимъ моремъ и за полуоспровомъ или оспровомъ Скандинавскимъ.

Нѣкоторые остроумные писатели думали, что Европа была гораздо холоднѣе прежде нежели нынѣ; и древнѣйшія описанія климата Германіи сильно подтверждаютъ ихъ догадку. Общія жалобы на чрезвычайный холодъ и на непрерывную зиму можеть быть незаслуживаютъ особливаго вниманія; ибо мы не имѣемъ средства опредѣлить почную степень чувствительности или выраженій какого нибудь древняго писателя, родившагося въ счастливыхъ странахъ Греціи или Азіи. Но я упомяну о двухъ замѣчательныхъ общо-спельсвахъ, менѣе подлежащихъ сомнѣнію.

1. Большія рѣки пропекавшія въ Римскихъ обласяхъ, Рейнъ и Дунай, весьма часто замерзали, шавъ что черезъ нихъ по льду можно было перевозить великія тяжести. Варвары не рѣдко пользовались временемъ спужи при своихъ нашествіяхъ; безъ страха и опасности они переправляли черезъ обширную льдистую поверхность многочисленныя войска свои, конницу и тяжелые обозы. Нынѣшнія времена не представляють намъ подобныхъ примѣровъ.
2. Лапландской олень, сіе полезное живошное, доставляющее дикому обитателю сѣвера немалыя выгоды въ печальной жизни его, по сложенію своему переносить можеть жестокой холодъ и даже имѣеть въ немъ необходимую нужду. Онъ найденъ на каменныхъ горахъ

Шпицбергенскихъ въ десяти градусахъ отъ полюса, и повидимому любима снѣга Лапландіи и Сибири. Теперь онъ не можетъ жить, а и того болѣе плодился ни въ одной странѣ, лежащей къ югу отъ Балтійскаго моря; но во время Юлія Цезаря сѣверной олень сей, равно какъ лось и дикой быкъ имѣли опеческовомъ своимъ лѣсомъ Герцинскій, осѣнявшій тогда большую часть Германіи и Польши. Успѣхами общежитія доспапочно обясняются причины уменьшенія холода. Мало по малу вырублены сїи неизмѣримые и дремучіе лѣса, недопуславшіе до земли лучей солнечныхъ; высушены болота, и по мѣрѣ обрабошыванія почвы воздухъ становился теплѣе. Канада въ нынѣшнее время есть почное подобіе древней Германіи. Находясь подъ одною широкою съ лучшими провинціями Франціи и Англїи, страна сїя подвержена чрезвычайной снужѣ. Тамъ сѣверные олени многочисленны; земля долго бываетъ покрыта глубокимъ снѣгомъ а большая рѣка Св. Лавреншя льдомъ, въ такое время когда на водахъ Сены и Темзы плавають лодки.

Легко сказать на угадъ, но трудно опредѣлить съ досповѣрностію, какое дѣйствіе имѣлъ климатъ древней Германіи надъ способностями души и шѣла шамошнихъ

жителей. Многие писатели предполагали, многие приняли за истину, хотя в прочем без очевидных доказательств, что жестокая северная спужа благоприятствовала долговечной жизни, что женщины были там плодовиты и роды человеческой способности к производству себя подобных невели в жарком или умеренном климате. Мы скажем можем с большою вероятностью, что пронзительный воздух Германіи способствовал образованію мужественных и дебелих членов у тамошних жителей, которые вообще были ростом выше нежели обитатели юга; что климат надблял их телесною крепостью, болые способною к порывистым усиліям невели к трудам постоянным, и что вдыхал в них по природное мужество, которое бывает необходимым средством крѣпости нервов и жизненной силы. Трудность зимних походов, охлаждавшая мужество в Римском войске, была едва примѣною для сихъ привыкших ко спужѣ дѣтей сѣвера, которые однакожь в свою очередь не способны были переносить лѣтній жаръ, и изнемогали под небомъ Италіи.

На всемъ земномъ шарѣ нѣтъ ни одной обширной страны, которая была бы найдена лищенною жителей, или коея пер-

вое населеніе можно бы опредѣлить съ нѣкоторою историческою достоверностію. Не смотря на то, разумъ философа рѣдко можетъ воздержаться отъ изслѣдованій о началѣ и произхожденіи великихъ народовъ, и любопытство наше испощается въ многотрудныхъ и тщетныхъ усиліяхъ. Тацитъ, рассуждая о числѣ несмѣшанной съ постороннею Германскою кровію и о неприступномъ ихъ опечествѣ, убѣжденъ былъ называть сихъ варваровъ природными, отъ земли родившимися жителями (*indigenae*). Мы можемъ смѣло принять за достоверность, что древняя Германія первоначально не была заселена чужеземными пришельцами, прежде нежели составилось въ ней полиэтическое общество, и что имя и народъ получили бытіе свое отъ постепеннаго соединенія бродящихъ дикарей, обитавшихъ лѣсовъ Герцинскихъ. Утверждать же, будто дикари сіи родились отъ земли своего опечества, значило бы то же, что поспѣшно предлагать недуманное мнѣніе, опровергаемое вѣрою и неодобряемое разумомъ.

Но такія сообразныя съ разсудкомъ сомнѣнія не совмѣстны съ народнымъ тщеславіемъ. Для народовъ, приемлющихъ священные Моисеевы преданія о мѣрѣ, Ноевѣ ковчегѣ служивѣ шѣмъ, чѣмъ осада Трои

иногда была для Грековъ и Римлянъ. На основаніи извѣстной истины сооружено огромное и нелѣпое зданіе вымысловъ; отъ того происходишь, что дикій Ирландецъ и дикій Тапаринъ въ состояніи каждый предскажишь по одному изъ сыновъ Афефовыхъ въ качествѣ своихъ родоначальниковъ. Особенно въ семнадцатомъ столѣтіи жили многіе испытатели древностей, люди весьма ученые и легковѣрные; при шемномъ свѣтѣ вымысловъ и преданій, догадокъ и словопроизводства, они водили Ноевыхъ правнуковъ отъ сполпа Вавилонскаго до предѣловъ міра. Изъ числа сихъ оспроумныхъ кришниковъ особливаго достоинствъ примѣчанія Олаусъ Рудбекъ, бывшій Профессоръ Упсальскаго Университета. Что ни есть достопамятнаго въ исторіи и въ басняхъ, все по ревностный гражданинъ сей приписываетъ своему опечеству. Изъ Швеціи, которая въ старину составляла немалую часть Германіи, самые Греки получили знаки алфавита, науку звѣздочисленія и даже вѣру. Платонова Апланпиды, сирена Гипербореевъ, Гесперидскіе сады, Счастливые Острова и самыя Поля Елисейскія суть не что иное какъ слабое и несовершенное подобіе прелестной Швеціи (прелестною казалась она шаманному уроженцу). Не могло спастись, чтобы сирена, споль щедро облагодѣтельствованная при-

родою, оставалась долго ненаселенною послѣ попопа. Ученый Рудбекъ полагаетъ, что Ново семейство изъ восьми человекъ въ немногіе годы размножилось до двадцати тысячъ. Помощь онъ разводилъ ихъ малыми отдѣленіями въ разныхъ мѣстахъ для наполненія земли жилищами и для расширенія человеческого рода. Германское или Шведское отдѣленіе, которое существовало, если не ошибаюсь, подъ начальствомъ Аскенара, сына Гомерова, внука Афетова, отличилось необыкновеннымъ прирѣжаніемъ въ совершеніи великаго сего дѣла. Сѣверные ульи пустили рои по большей части Европы, Африки и Азіи, и кровь (употреблю метафору сочинителя) текла отъ конечностей къ сердцу.

Однакожъ сѣл весьма тщательнѣе обработанная система Германской древности уничтожается одною историческою истинною, по очевидности своей опровергающею всякое сомнѣніе и всѣ противныя толки. Германцы въ Тацитово время не знали употребленія азбуки, а она есть главнѣйшее изъ обстоятельствъ, коими просвѣщенной народъ отличаетъ отъ толпы дикарей, грубыхъ и неспособныхъ къ разсужденію. Безъ сего искусственнаго пособія человеческая память скоро или теряетъ, или искажаетъ ввѣряемыя себѣ понятія; благород-

нѣйшїя способности души не имѣя для себя пищи и подкрѣпленїя, лишаясь своей силы; разсудокъ спановишся пупымъ и лѣнливымъ, а воображенїе слабымъ и неспройнымъ. Для лучшаго уразумѣнїя сей важной истины, измѣримъ разспоянїе, въ просвѣщенномъ обществѣ, между ученымъ человекомъ и *безграмотнымъ* поселникомъ. Первой чпенїемъ и размышленїемъ распроспраняетъ кругъ своей опытности, и проспираетъ бытїе свое до опдаленныхъ вѣковъ и до спранъ далекихъ; между шѣмъ какъ послѣднїй, прироспшїй къ малому проспранспву земли и живущїй въ предѣлахъ немногихъ лѣтъ, дѣйствїями душевныхъ способностей едва превосходитъ вола, своего соспрудника. Такое же, или еще большее различїе находишся между двумя народами; и мы смѣло сказашь можемъ, что безъ письменныхъ знаковъ ни одинъ народъ не могъ сохранишь достоверныхъ записокъ своей исторїи, ни приобрѣсти значительныхъ успѣховъ въ опвлеченныхъ наукахъ, ниже довести до нѣвошораго совершенства полезныя и прїятныя искусства.

Искусствъ сихъ древнїе Германцы вовсе не имѣли. Они проводили жизнь свою въ соспоянїи невѣжества и бѣдности, которое угодно нѣвошорымъ умникамъ называть соспоянїемъ проспошы и

добродѣтели. Сказываютъ, что нынѣшняя Германія содержишь въ себѣ около двухъ тысячъ прехъ сошъ городовъ, обведенныхъ стѣнами. На большемъ, гораздо пространствѣ Географъ Цполемей нашелъ только девяносто селеній, которыхъ онъ величаетъ городами, хотя они едва ли заслуживаютъ сѣ названіе, ежели станемъ судить по нынѣшнему дѣль порядку. Мы можемъ только предполагать, что они были не иное что какъ грубыя укрѣпленія, въ срединѣ лѣсовъ построеныя и назначенныя для сохраненія женъ, дѣщей и скоотины, когда войнамъ должно идти на опраженіе внезапнаго нападенія непріяшельскаго племени. Но Тацитъ говоритъ рѣчительно какъ о дѣль весьма извѣстномъ, что Германцы въ его время городовъ не имѣли, и что они презирали сдѣланныя Римлянами крѣпости, почитая ихъ болѣе мѣстомъ заключенія нежели безопасности. У нихъ даже зданія не были смежны, и не составляли правильнаго селенія; каждой варваръ строилъ жилище свое на помѣ мѣстѣ, которое болѣе нравилось ему, или на равнинѣ, или при пошкѣ свѣжей воды, или близь лѣса. Ни камень, ни кирпичъ, ни черепица не были употребляемы для сихъ тѣсныхъ обиталищъ. Сіи зданія были не иное что какъ низкія хижины круглаго вида, построенныя изъ просыхъ бревенъ, подры-

шья соломою, имбющія опшверзшїе вб кровлѣ для дыма. Вб самой жестокой холодѣ грубой Германецѣ прикрывалѣ нагошу свою коропной одеждою, сдблленною изѣ кожи како-го нибудѣ живошнаго. Народы, жившіе далѣ кѣ сѣверу, одѣвались вб звѣриные мѣхи, а женщины для своего упошребленія дѣлали родѣ грубой холспины. Разная дичина, коєю изобиловали лѣса Германїи, доспавляла жишелямѣ и пищу и упражненїе. Многочисленныи спада рогатой скотины, болѣ замѣчательной по красивому виду нежели по своей пользѣ, соспавляли главную часпѣ ихѣ богатства. Земля производила польно весьма небольшое количество хлѣба: упошребленїе плодовишыхѣ садовѣ и луговѣ искусствомѣ обрабатываемыхѣ было вовсе неизвѣстно Германцамѣ; нельзя также чаяшѣ какихѣ-либо успѣховѣ вб земледѣлїи у такого народа, у котораго собственность ежегодно перемѣнялась для хозяевѣ при новомѣ раздѣленїи пахатныхѣ полей, и гдѣ для избѣжанія споровѣ оспавляли большую часпѣ земли необработанною.

Золото, серебро и желѣзо были весьма рѣдки вб Германїи. Грубые жишели ея не имбли ни искусства, ни шерпвнїи, необходимо нужныхѣ для ошыскиванія шѣхѣ богатыхѣ рудѣ серебряныхѣ, коими спольщедро награждено вниманїе государей Браун-

швейгскихъ и Саксонскихъ. Швеція, нынѣ снабжающая желѣзомъ Европу, равнымъ образомъ тогда не вѣдала о своихъ богатствахъ; и судя по воинственному духу Германцевъ, заключаешь можно, что очень мало было бы для нихъ полезнымъ желѣзо, хотя бы и знали они благороднѣйшее употребленіе сего металла. Посредствомъ военныхъ и мирныхъ сношеній нѣсколько Римской монеты, болѣе серебряной, вошло въ употребленіе между жителями береговъ Рейна и Дуная; но отдаленнѣйшія племена совсѣмъ не знали употребленія денегъ, производили торговлю свою посредствомъ взаимнаго размѣна вещей потребныхъ, и глинянымъ сосудамъ своимъ полагали цѣну равную серебрянымъ, предлагаемымъ отъ Римлянъ въ подарокъ государямъ ихъ и посланникамъ. Человѣку размышляющему сїи главныя обстоятельство открываютъ болѣе свѣдѣній нежели упоминательное вычисленіе подробностей. Цѣна монеты установлена общимъ согласіемъ для означенія нашихъ нуждъ и нашей собственности, равно какъ буквы изобрѣшены для выраженія нашихъ понятій; но и другое возбуждая большую дѣятельность въ силахъ и склонностяхъ человеческой природы, содѣйствовало размноженію тѣхъ предметовъ, для означенія коихъ предназначены оныя изобрѣшенія. Употребленіе золота и серебра, можно сказать вообще, не

совсѣмъ необходимо; но нельзя исчислить пѣхъ важныхъ и многоразличныхъ выгодъ, которыя земледѣльство и всѣ искусства получили отъ желѣза, обработаннаго силою огня и руки человѣческой. Монета, однимъ словомъ, служилъ всеобщимъ побужденіемъ, а желѣзо удобнѣйшимъ орудіемъ дѣятельности; и весьма трудно понять, какимъ образомъ народъ, не бывъ однимъ побуждаемый, а другимъ вспомошествоваемый, могъ бы освободиться отъ самаго грубаго варварства.

Обративши вниманіе свое на дикихъ, въ какой бы часпи свѣта ни обитали оныя, находимъ, что лѣность и совершенная безпечность составляютъ главное ихъ свойство. Въ благоустроенномъ государствѣ каждая способность человѣка раскрыта и находится въ дѣятельности; великая цѣль взаимной зависимости соединяетъ всѣхъ членовъ общества. Большая часть ихъ занята постоянными и полезными трудами. Малое число избранныхъ людей поставлено фортуною выше потребностей житейскихъ; но и они по своему произволу могутъ употреблять время на снѣжаніе выгодъ богатства или славы, на приведеніе дѣлъ своихъ въ лучшее состояніе, на приобрѣтеніе новыхъ познаній, на исполненіе должностей, на забавы и даже

на вѣщи свѣтской жизни. Германцамъ неизвѣстны были сіи разнообразныя занятія. Заботы о домѣ и семействѣ, попеченіе о поляхъ и скотинѣ возложены были у нихъ на стариковъ и слабыхъ, на женщинъ и невольниковъ. Безпечный воинъ, незнающій какъ употребить праздное время свое, проводилъ дни и ночи въ удовольствіяхъ чувственныхъ, во снѣ и за яспвами. И однакожь, по чудесному разнообразію природы (какъ замѣчаетъ одинъ писатель, въ сокровеннѣйшія тайны ея проникнувшій), шѣ же самые варвары, безпечные до чрезвычайности, болѣе всѣхъ бывающъ неупомимы. Они любяшъ лѣность и ненавидяшъ спокойства. Холодная душа, изнемогающая подъ собственною своею тяжестью, заботливо ищетъ новыхъ и сильныхъ ощущеній. Война и опасности служили единственными забавами, приличными дикому ихъ свойству. Звукъ призывающій Германца ко брани казался приятнымъ его уху. Онъ пробуждалъ его отъ скучнаго бездѣйствія, давалъ ему работу, сильнымъ упражненіемъ тѣла и попрысеніемъ душевныхъ способностей обновлялъ въ немъ чувство существованія. Въ скучное время мира сіи варвары предавались опасной игрѣ и непомѣрному пьянству: по и другое избавляло ихъ разными способами отъ заботы мыслишь, игра воспламе-

няя въ нихъ спраспи, а пьянство погашая разумъ. Они проводили за споломъ дни и ночи, и пѣмъ гордились; часто кровь друзей и родственниковъ проливалась въ многлюдныхъ и шумныхъ ихъ собравіяхъ. Долги на честное слово (по еспь по игрѣ; они и до насъ дошли подъ симъ названіемъ) были ими свяшо уважаемы и плашмы съ невѣрояшною точностію. Опчаянный игрокъ, пославивши себя самаго и свободу свою на послѣдній бросокъ костию, перпѣливо подвергался рѣшенію форпуны, и слабѣйшему но болѣе счастливому сопернику своему позволялъ взять себя, наказывать и продать въ рабство на чужую спорону.

Крѣпкое пиво, напишкѣ весьма неискусно приготовленный изъ пшеницы или ячменя и превращенный въ нѣкоторое подобіе вина, служило доспашочнымъ удовольствореніемъ грубыхъ затѣй Германскаго распущства. Нѣкоторые, опѣвдавши вкусныхъ винъ Испаліи и попомъ Галліи, полюбили сїи пріяшныя напишки; однакожъ они непомышляли, какъ по послѣ было сдѣлано съ успѣхомъ, развести виноградныя лозы на берегахъ Рейна и Дуная, и неспарались спрудолубіемъ своимъ учредить выгодную шорговлю. По ихъ образу мыслей, спыдно было доспавать уси-

лїями прудовъ шо, что можно получить посредствомъ оружія. Желаніе уполяшь жажду крѣпкими напишками не рѣдко принуждало варваровъ нападать на обласши, изобилующія сими завидными дарами напурь или промышленности. Такимъ образомъ Нельшическіе народы привлекаемы были въ Италію вкусными плодами и винами, произведеніемъ счастливѣйшаго климата. Нѣмцамъ, призваннымъ во Францію, какъ союзникамъ въ продолженіе междоусобной войны шестнадцатаго вѣка, общаны были кварширы въ изобилующихъ виномъ провинціяхъ, въ Шампаньи и Бургундіи. Пьянство, почишаемое между нами постыднѣйшимъ, однакожъ не самымъ опаснѣйшимъ порокомъ, въ государствахъ менѣе просвѣщенныхъ иногда служило поводомъ къ дракѣ, войнѣ и даже къ перемѣнамъ политическимъ.

Трудами десяти вѣковъ, со временъ Карла Великаго, климатъ древней Германіи сдѣланъ болѣе сноснымъ, а земля плодотворною. Пространство, на которомъ нынѣ живешь выгодно и въ довольствѣ цѣлой милліонъ земледѣльцовъ и ремесленниковъ, не могло снабдить спа тысячь лѣнливыхъ воиновъ самыми необходимыми потребностями. Германцы неизмѣримые лѣса свои назначали для звѣриной ловли, большую часть полей опредѣляли на пасѣбища для скот-

жизни, а достальной очень малой участю въ
 весьма нерадиво заботились хлебомъ — и жало-
 вались на скудость и неплодїе земли своей,
 которая не могла довольствоваться жителеей!
 Число голода напоминаетъ имъ о пошреб-
 ности земледельческаго искусства, и въ
 такомъ случаѣ трепя или можетъ быть
 четвертая часть молодыхъ людей удаля-
 лась изъ отечества. Въ просвѣщенномъ
 государствѣ обладаніе собственностию и ея
 употребленіе привязываетъ гражданъ къ
 родинѣ; но Германцы, которые владели за
 собою все драгоцѣннѣйшее, оружіе, снопич-
 ну и женъ своихъ, охотно оставляли дре-
 мучіе лѣса для приобрѣтенія добычи и для
 завоеваній. Безчисленные полны, въ самомъ
 дѣлѣ или только по мнѣнію нѣкопорохъ,
 вышедшія изъ сего обширнаго вмѣстѣлица
 народовъ, слишкомъ увеличены страхомъ
 побѣжденныхъ и легковѣремъ попомства.
 Такимъ образомъ мало по малу утверди-
 лось мнѣіе, принятое даже знаменитыми
 писателями, будто во времена Цезаря и
 Тацита свѣрѣ имѣлъ гораздо болѣе жите-
 лей нежели нынѣ. Прилѣжнѣйшее изслѣдо-
 ваніе причинъ многочисла, кажется, удо-
 стовѣрило новѣйшихъ философовъ въ не-
 справедливости и даже въ несбыточности
 сего предположенія. Именамъ Маріаны и
 Мангавеля можемъ противопоставить име-
 на Робертсона и Гюма.

Народъ воинственный, какимъ были Германцы, неимѣвшій ни городовъ, ни писма, ни искусствъ, ни монеты, жившій въ дикомъ состоянїи, находилъ вознагражденїе для себя въ свободѣ, охраняемой бѣдностью, и несовмѣстной ни съ желанїями нашими, ни съ обладанїемъ избытками.

„Между Свїонами (пищевъ Тацивъ) и богашство уважается; по сей по причинѣ они управляются неограниченною властью одного начальника. У нихъ оружіе не ввѣряется всему народу, какъ по бываешъ у прочихъ Германцовъ, но хранится подъ наблюденїемъ невольника, не гражданина.

„Синоны, сосѣди Свїоновъ, унизились далѣе рабства: они повинуются жемцинѣ.“

Симъ напоминанїемъ объ опличномъ отъ другихъ племени Римской Имперїи доспашочно показываешъ общую теорїю правительствъ. Намъ однакожъ шрудно понять, какими средствами богашство и единовластїе проникло до опдаленныхъ краевъ сѣвера, и шамъ погасило жаръ, сильно пылавшій близъ предѣловъ Римскихъ провинцій; или какимъ образомъ предки Дапчанъ и Норвежцовъ, опличившіеся въ послѣдовавшія времена неукротимымъ воинскимъ рвенїемъ, такъ легко могли опказаться отъ общей Германской свободы. Въ прочемъ нѣкоторыя племена береговъ Балтійскаго моря повиновались власпи государей, со-

храня права гражданскія ; но въ большей части Германіи правленіе было народное , руководимое не столько общими или положительными законами , сколько случайнымъ преимуществомъ породы , или мужества , или краснорѣчія , или дѣйствиємъ суевѣрія .

Гражданскія правительствва первоначально возникли отъ добровольнаго соединенія людей для общей обороны . Дабы достигнуть желаемой цѣли , необходимо нужно , чтобы каждой членъ обществамнѣніе и дѣйствія свои подчинилъ суду большаго числа своихъ соварищей . Германскія племена слѣдовали сему простому правилу общежитія . Юноша , сынъ свободныхъ родителей , достигшій зрѣлаго возраста , вводимъ былъ въ общее собраніе согражданъ ; ему торжественно вручали щитъ и копье , и признавали его достойнымъ членомъ воинственнаго сословія . Собраніе воиновъ сихъ было созываемо въ опредѣленное время и при нечаянныхъ случаяхъ . Разсмотрѣніе проступковъ , выборъ начальниковъ и важныя дѣла , до войны и мира относящіяся , оканчивались непринужденными голосами . Иногда важныя дѣла предлагаемы были по предварительномъ разсмотрѣніи въ избранномъ совѣтѣ начальниковъ . Судьи могли разбирать и убѣждать ; но главное рѣшеніе дѣлъ и исполненіе оныхъ принадлежало народу ; и

приговоры Германцевъ по большей части оканчивались шумно и поспѣшно. Варвары, привыкшіе полагать вольность въ угожденіи наспоящей спраспи, а мужество въ неуваженіи будущихъ слѣдствій, съ презрительнымъ негодованіемъ отвергали предспавленія справедливоспи и порядка, и обыкновенно глумимъ ропшомъ извъяляли неодобреніе свое прошивъ скромныхъ совѣщовъ. Но когда любимый ораторъ предлагалъ о защищеніи какого-либо даже мало-значущаго гражданина опъ обиды вибшняго или внупреннаго неприащеля; когда онъ взывалъ къ согражданамъ своимъ о поддержаніи народной чести, или о произведеніи въ дѣйство опаснаго но славнаго намбренія: тогда громкіе звуки опъ щиповъ и копій показывали одобреніе и готовность слушащелей. Германцы всегда собирались вооруженные; и пошому каждой разъ надлежало опасаться, что шумная шолпа, разгоряченна упорствомъ и крѣпкими напишками, употребитъ оружіе или для подкрѣпленія, или для поданія голоса. Вспомнимъ, какъ часто Польскіе сеймы обагрѣемы были кровію, и какъ часто большинство голосовъ уступало наглоспи и насильству.

Въ каждомъ племени избирали военачальника на случай войны; а когда угрожала опасность чрезвычайная, тогда изб

многихъ племенъ избираемъ былъ одинъ предводитель. Храбрѣйшій воинъ получалъ право вести на брань поварищей своихъ болѣе примѣромъ нежели повелѣнїями. Власть его, въ прочемъ ограниченная, была завидна. Съ окончанїемъ войны она прекращалась, и въ мирное время племена Германскїя не имѣли надъ собою верховнаго начальника. Назначенные общимъ собранїемъ князя должны были разбирать дѣла, или лучше сказать прекращать ссоры каждой въ своемъ округѣ. При выборѣ сихъ судей не менѣе уважаема была порода какъ и личное достоинство. Каждой имѣлъ при себѣ сразу и совѣтъ изъ спа мужей состоящій. Главный изъ князей, по видимому, опличался нѣкопорыми преимуществами въ санѣ и почестяхъ; и для шого Римляне иногда въ привѣтствїяхъ своихъ давали ему царское пицло.

Довольно представить два достопамятные примѣра о власти князей, чтобы дать свѣдѣнїе вообще о цѣлой системѣ Германскихъ обычаевъ. Распоряженїе участками полей въ каждомъ округѣ зависѣло совершенно отъ князя, который ежегодно раздавалъ оныя по новому назначенїю. Но князь сей не имѣлъ права наказывать частнаго гражданина ни смертію, ни заключенїемъ, ниже побоями. Люди, споль ре-

ностно заботившіеся о личных правах своих и сколько мало уважавшіе свое имущество, могли быть чужды искусства и промышленности, и в то же время одушевлены высоким мнѣніемъ о чести и свободѣ.

Германцы уважали только шѣ обязанности, кои сами на себя возлагали добровольно. Послѣдній воинъ дерзновенно сопротивлялся насильству начальника. „Знаш-
 „нѣише изъ молодыхъ людей (по словамъ
 „Тацита.) несмыдились быть вѣ сомнѣ дру-
 „жины какого-либо славнаго князя, копо-
 „рому посвящали оружіе свое и услуги.
 „Каждой изъ поварищей, побуждаемый
 „благороднымъ соревнованіемъ, старался
 „заслужить высшую степень; а честолюбіе
 „князей соспояло вѣ приобрѣщеніи боль-
 „шаго количества храброй дружины. Князья
 „одинъ передъ другимъ гордились числомъ
 „избранныхъ воиновъ, во время мира быв-
 „шихъ украшеніемъ для нихъ, а во время
 „войны обороною. Слава имени отличныхъ
 „героевъ простиралась за предѣлы страны
 „отечественной; окрестныя племена дарами
 „и посольствами помогали ихъ дружеству,
 „и часто одна слава ихъ давала побѣду споро-
 „нѣ, ими покровительствуемой. Посыдно
 „было для начальника, вѣ рѣшишельной часѣ
 „опасности, храбростію не превзойти сво-

„ей дружины; поспыдно для дружины не
 „сравнишь съ начальникомъ. Пережишь
 „его въ сраженіи почиталось безчестіемъ не-
 „загладимымъ. Священнѣйшая обязан-
 „ность поварицей состояла въ томъ, что-
 „бы охранять особу его и своими подвига-
 „ми увеличивашь его славу. Благороднѣйшіе
 „воины, когда опечесивенная спрана ихъ
 „изнемогала отъ мирнаго бездѣйствія, пол-
 „нами опправлялись въ мѣста дальнія ис-
 „нашь упражненій силамъ своимъ и для
 „приобрѣтенія славы одолбніемъ опасно-
 „стей. Борзый конь, окровавленное при одер-
 „жанной побѣдѣ копые были наградою под-
 „виговъ, и поварици ничего болѣе не пре-
 „бывали отъ щедрости своего начальника.
 „Госпепрїимное угощеніе проспоу пра-
 „везою служило вмѣсто жалованья. Война,
 „грабежи и добровольныя приношенія были
 „къ тому достапчочнымъ пособіемъ.“ Та-
 „ковое учрежденіе, которое въ прочемъ могло
 бы ослабить другія общесства, укрѣпляло
 свойсства Германцовъ, и даже приводило въ
 зрѣлось между ними всѣ добродѣтели,
 возможные для варварскаго народа, вѣр-
 носшь, мужесство, госпепрїимство и уч-
 тивство въ обхожденіи съ женскимъ по-
 ломъ, которое напослѣдокъ сполько сла-
 вилось во времена рыцарства. . .

„Во дни рыцарства, или лучше ска-
 зашь вымысловъ, всѣ муцины были кра-

бры и всѣ женщины целомудренны.“ Хотя послѣдняя добродѣтель съ большимъ трудомъ приобретается и хранился нежели первая; однакожь ее, почти безъ всякаго исключенія, приписываютъ женщинамъ древней Германіи. Тамъ многоженство было въ обыкновеніи только между князьями и единственно для умноженія родственныхъ связей. Разводы запрещались болѣе обычаями нежели законами. Прелюбодѣйство называлось варъ пресшупленіе рѣдкое и ничѣмъ незаглаждаемое; не льзя было вины своей оправдывать примѣромъ или обыкновеніемъ. Замѣтно, что Тацитъ съ удовольствіемъ выславляетъ прошивоположность варварской честиности развратному поведенію Римскихъ женщинъ; однакожь нѣкоторыя особливья обстоятельство подтверждаютъ истину сказанія о супружеской вѣрности и целомудріи Германцовъ, или по крайней мѣрѣ дѣлаютъ оное весьма правдоподобнымъ.

Успѣхами гражданскаго общежитія конечно усмиряются порывистыя страсти; но тѣ же успѣхи не спользуются благопріятствуютъ целомудрію, коего смертельной врагъ есть избѣженный разумъ. Вѣжливостъ вредитъ взаимному обхожденію двухъ половъ, дѣлая оное болѣе приащнымъ. Грубыя вождельныя спановящая опаснѣе, когда

они возвышены, или лучше сказать припрыпы нѣжностию спраши. Прелестъ одежды, движеній, поступковъ увеличиваетъ красоту, и воспаляетъ чувства посредствомъ воображенія. Роскошныя забавы, полуночныя танцы, соблазнительныя зрѣлища вводятъ въ искушеніе слабость женскую и вмѣстѣ даютъ удобные случаи. Грубыя жены варваровъ ограждены были отъ сихъ опасностей бѣдностію, уединеніемъ и заботами о домашнемъ хозяйствѣ. Германскія хижины, со всѣхъ сторонъ открытыя для нескромности или совѣспничества, охраняли супружескую вѣрность гораздо надежнѣе нежели стѣны, замки и евнухи Персидскихъ гаремовъ. Къ сей причинѣ прибавимъ еще и другую, благороднѣйшую. Германцы съ супругами своими обходились почтительно, являли къ нимъ довѣріе, совѣщались съ ними при всѣхъ важныхъ случаяхъ, и искренно почитали ихъ вмѣстѣ шилцемъ святыни и мудрости, выше человеческой. Нѣропоры изъ числа исполковашельницъ судебъ, какъ на примѣрѣ Велледа во время войны Батавской, именѣ божества управляли храбрѣйшими племенами въ Германіи. Прочія женщины, не бывъ почитаемы въ качествѣ богинь, пользовались уваженіемъ какъ свободныя и равныя воинамъ подруги, обрядомъ супружества соединенныя съ ними, какъ участницы

трудоу, опасностей и славы. Въ походахъ спавъ варварской былъ наполненъ женщинами, которыя съ непоколебимою твердостью оставались свидѣтельницами звука оружій, различныхъ видовъ разрушенія и почтенныхъ ранъ на сынахъ своихъ и супругахъ. Опшупающее войско не одинъ разъ опять было обращено противъ неприятеля благороднымъ опчаянїемъ женъ, которыя болѣе спрашились неволи нежели смерти. Послѣ несчастной бишвы онѣ собственными руками освобождали себя и дѣшей своихъ онѣ оскорбленій гордаго побѣдителя. Такія героини имѣютъ полное право на удивленіе наше; но за то уже онѣ, безъ сомнѣнїя, не были ни любезны, ни способны къ любви истинной. Спавши ревнивыми суровыхъ доблестей другаго пола, онѣ должны были опказаться онѣшой придекапельной нѣжности, которая состоитъ изъ прелестей и слабости женщины. Гордость заставляла Германокъ удерживать всякое нѣжное движеніе сердца, несомѣстное съ чувствомъ чести; а главная честь женскаго пола всегда состояла въ цѣломудрїи. Чувства и опшупки сихъ высокихъ духомъ героинь должно принимать за причину, за дѣйствіе и за доказательство общаго свойства цѣлаго народа. Женское мужество, возбуждено ли оно изступленїемъ, или укрѣплено привычкоу,

обыкновенно бываетъ только слабымъ и
несовершеннымъ подражаніемъ храбрости
мущинъ, копорю ознаменованы вѣки и
спраны. . .

К.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Александръ Великій и Абдолонимъ.

(Елизода изъ Деллиевой поемы Сады.)

Не мудрецы одни находятъ счастья сѣнь
Подъ сѣною лѣсовъ, при ручейкахъ, въ доли-
нахъ;
Не рѣдко и цари сокрывшися въ пустыняхъ,
Остава тронъ опцовъ, потерянный покой
Находятъ въ хижинѣ, въ безвѣстности златой.

Будь мнѣ свидѣтель въ помѣ, о старецъ
оснѣженный
Лѣтами, горесью, Абдолонимъ смиренный!
Наслѣдникъ царства, зломъ отъ царства оп-
лученъ,
Опщельникъ, радостей ты не былъ опчужденъ.
Въ покоѣ сладостномъ, въ занятяхъ прият-
ныхъ,
Ты позабылъ свой родъ, забылъ неблагодарныхъ,
И опроверженный мяпежниками тронъ.

Пустыня райская! съ одной спраны Сидонъ
Прекрасной гаванью, морями окруженный,
Съ другой спраны Ливанъ до облакъ возвышен-
ный,

Вънчаннй кедрами цвѣтущими ; они
Уступами вокругъ горы обсажены,
Являютьъ вставшій лѣсъ изъ за другаго лѣса,
Надъ сѣнью нову сѣнь, завѣсу надъ завѣсой.
По скапости горы плодоносящій холмъ,
Склонялся исподволь одѣвннй ковромъ ;
Два свѣтлыхъ ручейка, съ Ливана низпадая,
Текли съ журчаніемъ холмъ злачннй освѣжая.
Въ саду и къ шой спранѣ, гдѣ солнечннй вос-
ходъ,
Среди безчисленнхъ естественнхъ красотъ
Вдоль простиралася долина разширена
И бурннмъ сѣверомъ и югомъ въѣкъ забвенна.
Средь сада тополы, сѣннстнй кипарисъ,
Вѣтвями чашными приятно соплелись,
И улыбаются кустарники душисты ;
Съ ихъ благовоніемъ мѣшался воздухъ чистнй.
Впереди лѣсъ яблоней подчищеннй, молодой,
Лимонъ гордящійся одеждою златой,
И смоква сладкая и сочная граната,
И пальма стройная, дарами столь богата.
Лужайки муравой кудрявою цвѣли.
Вокругъ разбросаны утесы и скалы
Чистѣйша мрамора, гдѣ жилки пурпуровы,
Сребролазурныя и златобирюзовы,
Въ ихъ грубомъ образѣ приятнѣй для него,
Чѣмъ яшмовы столпы вокругъ дворца его.
Спада, которыя въ лугахъ его гуляли,
Начало, долге царей ему напоминали.
Монархи первые, онѣ думалѣ иногда,
Какъ добры пастыри пасли людей спада ;
А днесъ каковой мудрецъ, страдалецъ произволь-
ной,
Захочетъ бремя взять правленья добровольно?
Такъ думалѣ счастливнй часпушымъ посощ-
комъ,

И полный властелинъ надъ спадомъ, цвѣтши-
комъ,
Онъ прилагалъ обѣ ихъ нѣжнѣйшее раченье;
Сынъ добрый раздѣлялъ съ нимъ трудъ и по-
печенье.

Одинъ величественъ и въ зиму дней — съ брадой,
Висящею до чреслъ серебряной волной;
Румяныхъ цвѣтъ ланишь не помрачила спа-
росшь;

Походка пвердал напоминаетъ младость;
Ни время, ни труды, ни горе не могло
Склонить къ землѣ его владычье чело.
Сынъ въ цвѣтъ лѣтъ своихъ какъ роза расцвѣ-
шаетъ,

Пухъ персика браду прелестно отѣняетъ;
Исполненъ нѣжности; но величавый зракъ
Являетъ рода въ немъ высокаго признакъ.
Чепа сія тогда какъ время вечераю,
И солнце слабый лучъ изъ за морей бросало,
Раченье отъожа на время о цвѣщахъ,
Читала лѣтопись о грозныхъ мяшежахъ,
Народа и вельможъ о буйствѣ страшномъ,
яромъ;

Какъ искра сдѣлалась великимъ вдругъ пожа-
ромъ;

Какъ наглость съ воплями въ чертоги ворвалась,
Цареубійшвеннымъ мечемъ вооружась,
Ихъ предковъ кровію пронъ царской обагрили,
И ошъ наслѣдія опцовъ ихъ опчуждили.
И старецъ слезы лилъ о бѣдствіяхъ опцовъ;
Но царь своихъ овецъ, монархъ своихъ садовъ,
Въ приюшномъ уголкѣ обленъ, здравъ, покоенъ,
Онъ прона не желалъ, былъ хижиной доволенъ.
Сынъ не шаковъ его; онъ въ сердцѣ ощущалъ
Духъ силы, мужества; онъ славою пылалъ
Превыше возраста, превыше рока слезна!
Не усмиралъ сей пылъ примбръ опца любезна,

Съ охотою новою за заснувъ брадея вновь :
 Все побѣждала въ немъ сыновняя любовь.
 Такъ отпраשלъ юная, которая судьбами
 Назначена покрышь окрестность всю шблями,
 Въ сивовѣковомъ лѣсу, сторбѣвшемъ ошъ громовъ,
 Безильна, кроешся еще подъ опчій кровъ.
 Средь сада былъ олшарь изъ дерева крощаго,
 И шамъ пустынники молили Всеблагаго.
 Однажды ввечеру работы окончавъ,
 Поливъ свои цвѣшны, спшда свои загнавъ,
 Они молилися колбнопреклоненны,
 Ля шки шеплыхъ слезъ, обнявъ олшарь свя-
 ценный ;
 Вѣнки, пучки цвѣшовъ, душистый еиміамъ —
 Вошъ всѣ дары, вошъ всѣ ихъ жершвы небесамъ.
 День былъ безвѣшренный, лучи свѣшила рдана
 Скользили косвенно ошъ запада багряна,
 И издали моря казалися въ огнѣ ;
 Зефиры въ парусномъ играли полошнѣ ;
 Сидонскихъ кораблей чущь колебалися флаги —
 И расправлялися изгибы свѣшлой влаги.
 Приникло, все молчишь на суши, на водѣ :
 Природа съ чувшвами внимала ихъ молебъ.
 Неоспановленный сибнами храма долу
 Обѣшь ихъ доходилъ къ всевышнему престолу :
 Чшо можешъ преклонишь на милосшь гнѣвъ
 небесъ,
 Какъ не вздыханіе, не рѣки шеплыхъ слезъ,
 Опецъ возвыся гласъ просилъ у щедра неба
 Опчизнѣ счастья, себѣ насущна хлѣба ;
 Молилъ простершися, да горню благодать
 Благоизволишь Зевсъ на сына низпослашь.
 Сынъ обѣ родителѣ молилъ со умиленьемъ,
 И богъ боговъ возвращлъ на ихъ съ благоволен-
 емъ ;

Подвигнулся Олимпъ, безсмертныхъ сонмъ воз-
сталъ —
И добродѣтельныхъ спрадалцовъ созерцалъ :
Полѣвка доблестей за спарца умоляли ,
Невинныя лѣша за юношу вѣщали

Внезапно зазвучалъ прубы военной громъ,
И войско облегло пустыню ихъ кругомъ ;
Младый Абдолонимъ спрахъ ощутилъ без-
вѣщный ,
Но спарець: „не спрашисъ сего, мой сынъ лю-
безный !

„Когда гордыня рашъ на брань вооружитъ ,
„То ужасъ богачамъ; бѣднякъъ покойно спишь.“
Скончавъ, у олшаря оспался неподвижный.
Ужь близко бубновъ громъ и прубны звуки слы-
шны ,

Окрестъ гора горъ сей громъ передаетъ . . .
Се онъ ! се Александръ, царь грозныхъ силъ
градеть !

Се онъ ! — надменный Тиръ къ ногамъ своимъ
повергши ,

И рашы сильныя и царства опровергши !
Наскуча зрѣшь вездѣ опустошеній слѣдъ,
Развалины градовъ, пепелъ сель, — триумфъ
побѣдъ ,

Сей спрахъ земныхъ владыкъ, престоловъ со-
крушитель ,
Престоловъ хочешь бышь шеперь възстанови-
тель :

Онъ дивенъ, онъ великъ и въ прихосяхъ своихъ !

Уже у врагъ, уже коснулся прага ихъ . . .
Столпы не рѣзбою онъ видишь украшенны ,
Простыя верей изъ дуба округленны ;

Вкругъ сада вмѣсто рвовъ и каменныхъ оградъ
Крыжовникъ, роза, шериъ, — иглистый пали-
садъ.

И вождь, котораго законъ лишь мечъ единый,
Который сокрушалъ высокія швердыни,
Безвѣспной силою остановленный спалъ,
На сей ничтожный валъ съ почтеніемъ взиралъ;
Тѣлохранишелей и ближнихъ оставяетъ,
И набожной шпопой во внутренность вступаетъ.
Едва вступилъ шуда — побѣдъ умолкнулъ гласъ,
Смирался въ сердцѣ онъ, и огонь спростей
погасъ.

Онъ ищетъ старца тамъ повсюду, обрѣщаетъ,
И приближался, почпшительно вѣщаетъ :

„Все что ни вижу здѣсь, мнѣ дѣлаетъ упрекъ;

„Упрекъ сей справедливъ: я счастье пренебрегъ,

„Природы позабылъ невинные ушавы,

„Монарховъ низвергать искалъ опасной славы;

„Я счастье новое узнаю наконецъ :

„Ты. кровь царей, прими изъ рукъ моихъ вѣнецъ!

„Твой жребій царствовашъ; забудь объ низкой
долѣ :

„Прешупенъ, кто отъ правъ откажется по
волѣ !

„Сладчайшей мзды побѣдъ меня ты не лишай,

„И новой славою мой подвигъ увѣнчай.

„Народъ и доблести, и Александръ, и боги

„Зовущъ себя на тронъ, зовущъ себя въ чер-
шюги.“ —

„И пакъ, о Александръ! по приходи своей

„На троны взводишь ты, низводишь съ нихъ
Царей?“

Абдолонимъ ему смиренно отвѣчаетъ :

„Пустыня отъ тебя Царей не укрываетъ!

„Кормила царства вновь гоповъ я кормчимъ
быть,

„Наслѣдіе отцовъ для сына сохранишь ;

„А ты, коль счастье селъ постигнушь ты спо-
собенъ,
„Возри на хижину; въ ней каждымъ днемъ до-
воленъ,
„Сномъ крѣпкимъ каждую ночь я сладко засыпалъ,
„Спокойствие Царямъ безвѣстное вкушалъ;
„Позволь, да наслажусь въ послѣдній въ сей
юдоли
„Прекраснымъ вечеромъ — блаженствомъ ши-
хой доли.
„Покорствуя судьбамъ, я буду вновь Царемъ
„И завтра приму правления яремъ.“

По сердцу отзывъ сей владѣтелю вселенной.
Прощальнымъ симъ рѣчамъ, бесѣдъ продол-
женной,
Младый Абдолонимъ въ цвѣтникъ любимый
свой
Спѣвшишь; нарвалъ цвѣшовъ, и робкою рукой
Ихъ Александру въ даръ какъ сердца дань под-
носишь,
И розы сочешашъ съ кровавымъ лавромъ про-
ситъ.
Вождь улыбается дарамъ нелестнымъ симъ,
И лавроносное чело склоня предъ нимъ,
Въ объятія заключилъ, цѣлуешъ въ восхищенъ,
И любишь видѣшь въ немъ Царя — свое шво-
ренье.

Оставилъ наконецъ невинную чешу,
Въ кошорой уважалъ онъ нравовъ чистоту,
Кшорую узнавъ, гнушашся спалъ войною,
И славы бранныя блестящею мечшою.
Увидѣлъ Александръ, что мѣръ завоевалъ
И ясный миръ души на вѣки поперялъ.
Но въ день сей онъ вкусилъ благодѣянья сла-
достъ
И воскресилъ въ душѣ давно погибшу радость,

Которой щещно онъ искалъ земли въ концахъ,
 Которой не нашелъ ни въ браняхъ, ни въ пирахъ,
 Которой не даешъ блескъ пышной діадемы;
 И побѣдитель сей, ни чѣмъ ненасытимый,
 И Александръ на часъ доволенъ самъ собой,
 Гордится подвигомъ души своей благой.

Въ то время доторалъ на башняхъ лучъ ве-
 черній,
 Темнѣлъ небесный сводъ, Абдолонимъ послѣдній
 И продолжительный окрестъ бросаетъ взоръ
 На дальніе лѣса, на дальнія цѣпи горъ;
 Спѣшитъ въ послѣдній разъ природой насла-
 диться,
 Съ цвѣтами, съ хижиной, съ деревьями про-
 сниться.

Едва съ земли, съ небесъ прогнавъ ночную
 тѣнь,
 Аврора извела изъ моря юный день:
 „Иду на пронь, мой сынъ! Увы, придетъ время,
 „И на себя падешъ сіе несносно бремя.“
 Рекъ спарецъ пронупый: „О сколь мнѣ жалокъ
 ты!
 „Намъ вѣрно-подданныя дрова, спада, цвѣтны,
 „Не измѣняли намъ, не вѣдали коварства,
 „Благословеннаго не раздирали царства;
 „О сколь отличная теперь насъ участь ждешъ!..
 „Опора слабая моихъ преклонныхъ лѣтъ,
 „Приди въ обѣщія мои, о сынъ любезный!
 „Приди и раздѣли сей жребій неизбѣжный;
 „Утѣши въ старости печальнаго отца,
 „Подъ блескомъ царскаго спонающа вѣнца!
 „А ты, драгой чертогъ, шалашъ, соломой кры-
 той;
 „Лѣса, кошорыхъ тѣнь служила въ зной защи-
 той,

„Гдѣ удовольствіе для сердца находилъ ;
 „Древа , копорыя я самъ садилъ , распилилъ ,
 „Работалъ , отдыжалъ на лонѣ гдѣ природы ,
 „Веснами вашими свои считалъ я годы ;
 „Лѣтосчисленіе , которое вѣрнѣй
 „Было писаніе народовъ и царей ;
 „Просшите милоя ! удѣлъ Монарховъ въ мірѣ
 „Лишь слезы подъ вѣнцомъ , рабами быть въ
 порфирѣ.“

Изрекъ — и къ важному готовился пути ,
 Въ послѣдній говоритъ имъ взорами : проси!
 Уже въ десницѣ скиптръ ; одѣтый въ багря-
 ницу ,

Онъ удаляется возсѣвъ на колесницу ,
 Блещущей свисою и спражей окруженъ ;
 Рукоплесканія встрѣчаютъ съ градскихъ стѣнъ ;
 Но только лишь стопы до градскихъ вратъ ко-
 снулись ,

Воспоминанія въ душѣ его проснулись —
 И радость и печаль , смѣшеніе чувствъ , во-
 сторгъ ;

Въ безмолвіи вступилъ отцовъ своихъ въ чер-
 тогъ ,

Свидѣтель славы ихъ , свидѣтель униженій ;
 Его преслѣдуютъ окровавленны стѣны ;
 Мнѣ слышашъ вопли ихъ . . . но числа крови
 шельцовъ ;

Молбы усердныя народа и жрецовъ ,
 И возліанія и дымъ благоуханій ,
 Очистили слѣды прошедшихъ злодѣяній ;
 Онъ царствуетъ , и съ нимъ правдивость пред-
 сѣдитъ ,

Любезный подданнымъ вѣнецъ не стягошитъ .
 Но спарецъ иногда отъ міра въ удаленіе
 Слѣзитъ въ любимое свое уединеніе ,

И ушудясь какъ Царь, шамъ любитъ какъ му-
дрецъ
Съ природой ошдожнупь, сложа съ себя вѣнецъ,
Сплетаешъ вѣшви дравъ, сядя подъ мирной
сѣнью,
И счастья прошлаго любуется хоть шѣнью,
Воейковъ,

М а д р и г а л ь.

1.

Нѣтъ, нѣтъ не буду я любить —
Тебѣ шо обѣщаю;
Кокешокъ только я однихъ вездѣ встрѣчаю;
Подъ властію у нихъ не лзя спокойнымъ бышь!
Вотъ кляшва — не искашь ихъ болѣе по свѣшю!
Нѣтъ, нѣтъ не буду я любить — — —
Другихъ — но не Лизешю!

2.

Ты хочешь, другъ мой, знаешь,
Любовь моя къ тебѣ на долголь продолжашся?
Спрашусь тебѣ сказать! . . .
Но должно мнѣ во всемъ ошкрышся:
Та спрашь, кошорая давно пылала въ насъ,
Во мнѣ бышь можешъ прѣкрашшся
Чрезъ день, или чрезъ два — — — кто знаешъ
смерши часъ!
С. л. р. въ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О слогахъ простомъ и слогахъ укра- шенномъ.

Красота слога, по словамъ Аджиссона, состоитъ въ изображеніи простыхъ, однако не низкихъ или обыкновенныхъ мыслей и чувствъ. Не лѣзя, мнѣ кажется, лучше опредѣлишь того, что называемъ мы прекраснымъ слогомъ.

Чувства, только что натуральныя, ни мало не приносятъ удовольствія уму и кажутся недостойными нашего вниманія: шутки мажора, размышленія пастуха, рассказы носильщика и просты и неприятны. Какая длинная и скучная вышла бы комедія, когда бы записывашъ слово въ слово разговоры женщинъ за чайнымъ столикомъ, или на балѣ. Одна украшенная, изящная природа можетъ нравиться вкусу: на примѣрѣ списывая жизнь людей низкихъ, должны мы довольствоваться одними рѣзкими, замѣчательными чертами. Смѣшное простое сердце Санхи Пансы, благодаря неподра-

жаемому искусству Серванша, занимаешь насъ гораздо болѣе нежели великій характеръ какого-нибудь героя, или страданія какого-нибудь любовника.

То же правило должны наблюдать и ораторы, и философы, и крипики и вообще всѣ писатели, говорящіе отъ собственнаго лица своего. Если языкъ писателя неприятенъ, замѣчанія не опличающа ни чѣмъ необыкновеннымъ, чувства не сильны; то онъ напрасно будешь хвалишься простотою и ясностію слога; онъ можетъ быть правильнымъ, но никогда не будешь привлекателемъ. Книга такого писателя конечно спасется отъ нападенія крипики; но такое счастье совсѣмъ незавидно; жребій книги и жребій человека весьма различны: *шаишься въ мирномъ пріютѣ неизвѣстности* блаженство для перваго и совершенное несчастіе для послѣдней.

Съ другой стороны такія произведенія, въ которыхъ все необыкновенно и все далеко отъ простоты естественной, никогда не представляющъ приятнаго и поспояннаго занятія разсудку. Творишь химеры не значишь, въ спрогомъ смыслъ, подражашъ природѣ. Сходство поперяно, а списокъ, не имѣющій сходства ни съ какимъ образцомъ, всегда опшрашителенъ для разсудка. Изли-

щесство украшеній споль же неприятно въ слогѣ стихотворномѣ, какъ и въ слогѣ письменномѣ или философскомѣ, и шаное излишество во всякомѣ родѣ сочиненія почищается недоспащкомѣ. Выраженія необыкновенныя, цвѣтны оспроумія, выисканныя сравненія, эпиграммащическіе обороты, особливо когда они вспрѣчающся слишкомъ часто, болѣе безобразны нежели совершенствующы сочиненіе. Песпрота украшеній въ гошическомѣ зданіи ушомляешъ глаза: вниманіе разсѣяно; дѣйствіе цѣлаго уничтожается разнообразіемъ многочисленныхъ частей; шакъ шочно и чшеніе книги, въ которой на каждой строкѣ видно усидіе авшора ослѣпляшъ блескомъ ума, становидся наконецъ скучно и ушомляешъ разумъ. Такое дѣйствіе производишъ и самый оспроумный писатель, который свое оспроуміе, хощя бы оно впрочемъ было само по себѣ и приятно, употребляешъ не на мѣстѣ, не во время, не заботясь о томъ, прилично ли оно предмету; одна прекрасная мысль теряется въ шолпѣ выраженій блестящихъ и шолько что блестящихъ.

Опредѣлишъ надлежащую смѣсь украшеннаго слога съ простымъ есшъ важная задача для кришики. Предложимъ нѣсколько общихъ замѣчаній объ ешомъ предметѣ.

Первое. Хотя и надлежитъ, избѣгая крайностей, держаться опредѣленной среды; но еша средина заключается не въ одной точкѣ, а напрошивъ въ *предѣлахъ* довольно *обширныхъ*. Взгляните на разстояніе, находящееся между Лукреціемъ и Попомъ. Первый спойшъ на крайнемъ *предѣлѣ простоты*, послѣдній на крайнемъ *предѣлѣ украшенности*. Промежутковъ наполненъ поемами, которые всѣ одинъ отъ другаго опличны, но каждый по собственному слогу и по опличительному своему свойству заслуживаетъ наше уваженіе. Корнель и Конгревъ (если только позволено сравнивать поемовъ, споль опличныхъ одинъ отъ другаго), давъ оспроумію своему болѣе свободы и разцвѣтивъ слогъ свой нѣсколько болѣе нежели Попъ, а Софокль и Теренцій, имѣя болѣе простоты нежели Лукрецій, нажешся мнѣ, выступили изъ той среды, въ которой заключающа произведенія совершеннѣйшія, а пошому и представляющъ въ себѣ нѣкоторыя излищества въ сихъ двухъ прошивуполжныхъ характерахъ. Изъ всѣхъ великихъ спихотворцевъ самыми ближайшими къ срединѣ и наиболѣе опдалившимися отъ обѣихъ крайностей почиаю *Виргилія* и *Расина*.

Вшорое. Весьма трудно, если и не совсѣмъ невозможно, опредѣлить словами наспящую

середину между излишнею простотою и излишнею украшенностію, или предписашъ вѣрное правило, какъ безошибочно оплечаешь, въ епомѣ случаѣ, красоту ошѣ погрѣшности. О семъ предметѣ можно очень много сказать, но ничему не научишь чипашеля и даже самому не бышь искуснымъ на дѣлѣ. Фонпенелево *разсужденіе о пашлушеской поезіи* прекрасно; онѣ очень хорошо опредѣляетъ шотѣ слогѣ, кошорый одинѣ можешъ бышь приличенѣ Буколикамѣ. Но прочитайше еклоги Фонпенелевы, и вы увидише, что онѣ, не смотря на свое оспроуміе, имѣлѣ ложный вкусѣ, и слишкомѣ уже приблизилѣ къ предѣламѣ *украшенности* опредѣленную имѣ почку совершенства еклоги. Чувства его пашуховѣ приличіе будуарамѣ Парижскимѣ, нежели мирнымѣ лѣсамѣ Аркадіи; но кшождѣ епо вообразилѣ, чищая крипическія его разсужденія? Виргилій не могѣ бы сказать ничего лучше о неприличіи украшеній и пышности пашушескому слогу, если бы вздумалѣ написашъ диссерпацію обѣ епомѣ родѣ спихотворства. Люди, несходспвая во вкусахѣ, обыкновенно согласны въ общихѣ своихѣ разсужденіяхѣ о предметахѣ вкуса. Крипика не можешъ бышь наспавищельна, если она не входилѣ въ подробности, и не поддерживаешѣ опвлеченныхѣ правилѣ своихѣ примѣрами. Всѣми признано, что

красота, какъ и добродѣтель, заключае-
ся въ *средины*; но гдѣ ея середина? Зада-
ча сія никогда не можетъ достаточно разрѣ-
шена быть разсужденіями общими.

Третье. Мы должны болѣе остерегаться
себя отъ излишней украшенности, нежели
отъ излишней простоты; ибо первая и
далѣе отъ прекраснаго и болѣе опасна, не-
жели послѣдняя.

Истина неоспоримая, что умъ и
спрасть никогда не бывающъ совмѣстны.
Когда говоритъ чувство, тогда молчитъ во-
ображеніе. Способности души человѣческой
не могутъ всѣ въ одно время дѣйствовать:
чемъ болѣе одна изъ нихъ беретъ поверх-
ности надъ другими, тѣмъ менѣе остае-
ся для дѣятельности ихъ свободы. Такимъ
образомъ и въ тѣхъ сочиненіяхъ, въ ко-
рыхъ изображается человѣкъ — его дѣйствія,
его спрасти — потребно болѣе простоты,
нежели въ такихъ, которыя заключающъ
въ себѣ замѣчанія или мысли. Но такъ
какъ сочиненія перваго рода вообще почи-
таются самыми привлекательными, что
по сей же причинѣ — если выбирать между
излишествомъ *простоты* и излишествомъ
украшенности — первая всегда предпочте-
на должна быть послѣдней.

Надобно замѣшшь, что сочиненія, копорыя мы любимъ перечишывашь и копорыя чловѣкѣ со вкусомъ знаетъ наизусть, всѣ вообще опличаются проспошою: лишише ихъ прелестей выраженія или гармоніи стихотворной, копорыя служили для нихъ убранствомъ, онѣ сами по себѣ ничего не представляють разительнаго въ мысли. Если достоинство сочиненія составляютъ однѣ черты остроумія, то оно конечно поразитъ съ перваго взгляда; за то при повтореніи умъ нашъ, знакомый уже съ мыслию, заранѣе къ ней переносится и дѣйствіе ея совсѣмъ уничтожено. Начните перечишывашь эпиграмму Марціала: при первой строкѣ представляется вамъ всѣ послѣдующія, и для васъ не будетъ никакого удовольствія повторять известное. Напрошивъ въ Капулу каждое слово, каждая строка имѣетъ собственную приятность, и къ сему стихотворцу возвращаешься всегда съ новымъ наслажденіемъ. Весьма довольно прочишашь одинъ разъ Кауле; но Царнель и въ пятидесятый разъ покажется столь же новымъ, какъ и въ первый. Книги по же, что женщины, копорыя нравятся намъ нѣкоторою проспошою и въ обращеніи и въ одеждѣ гораздо болѣе, нежели богатымъ платьемъ, важною наружностію, поражающими взглядъ, но мало дѣйствующими на сердце. Теренцій есть скромная и спыдливая

красавица, которой мы все позволяемъ, именно потому, что она ничего не пребуемъ; которой чистая непорочность прогаемъ до глубины сердца, хотя не производимъ въ немъ никакого сильного поспраенія.

Излишняя *украшенность*, сказали мы, есть самая опасная крайность; ибо мы наиболее въ нее вдаваться способны. Простота кажется глупостію, когда не бываетъ соединена ни съ приятностію, ни съ правильностію совершенною; напрошивъ въ блескахъ ума заключено что-то изумляющее; онъ поражаетъ обыкновеннаго читателя, который гововъ вришь, что такой родъ сочиненія и самый трудный и самый превосходный. Въ Сенека множество приятныхъ погрѣшностей, какъ говоритъ Квинтилианъ, и по этой причинѣ Сенека есть самый опасный авторъ для вкуса молодыхъ или не слишкомъ осторожныхъ писателей.

Прибавлю: излишне украшенный слогъ есть недоспажокъ наиболее опасный въ наше время; ибо люди обыкновенно впадаютъ въ эту крайность въ такое время, когда науки доведены до нѣкотораго совершенства, и когда уже писатели съ дарованіями произвели превосходные образцы въ разныхъ родахъ. Желаніе нравиться новымъ заспавляетъ насъ пренебречь и еспественное и протное, и

мы или обращаемся къ принужденному или къ блестящему. Такъ краснорѣчіе Аппианское искажено было краснорѣчіемъ Азіатскимъ; шакъ гений и вкусъ Августа вѣка унизились во времена Клавдія и Нерона; и наконецъ, признаки такого же униженія представляющъ намъ, если не ошибаемся, въ настоящее время и Франція и Британнія.

Съ Англ. Ж.

Разсужденіе о трагедіи.

Удовольствіе, которое во время представленія хорошей трагедіи зритель находишь въ ощущеніяхъ ужаса, горести, состраданія, по нашуръ своей неприятныхъ, можешь съ перваго взгляда показаться неизвѣстнымъ. Чѣмъ болѣе сердце наше распрото, тѣмъ привлекательнѣе для насъ и самое зрѣлище; конецъ пѣсы есть та минута, въ которую переспашъ въ насъ дѣйствовашъ сія неприятныя спраспи. Въ трагедіи можешь быть одна шолько сцена полной радости, счастья, безопасности, и еша сцена обыкновенно бывашъ послѣдняя; еслижъ такая сцена вшпрѣчается въ серединѣ пѣсы, шо ешо единшвенно для разнообразія, для противоположности, дабы минущимъ ощущеніемъ радости усиливъ шо чувшво

печали, которое должно произвѣсти изображеніе слѣдующихъ несчастій. Единствен-ная цѣль стихотворца: возбудить и безпрестанно усиливать въ сердцахъ зрителей жалость, негодованіе, ненависть и ужасъ; чѣмъ живѣе сіи чувства, тѣмъ живѣе и самое наслажденіе; мы счастливы въ ту минуту, когда слезами, рыданіями, или воплями можемъ облегчить сердце свое, исполненное состраданія и нѣжной скорби.

Нѣкоторые критики обратили глаза на это необыкновенное явленіе человѣческой души и старались проникнуть въ его причины.

Аббатъ Дюбо въ своихъ Разсужденіяхъ о стихотворствѣ и живописи говоритъ, что самое неприятное состояніе души человѣческой есть то, когда она, не будучи оживлена ни какою страстію, дремлетъ въ бездѣйствіи. Дабы избавить себя отъ тяжкаго бремени равнодушія, мы ищемъ занятія; все то, что можешь въ насъ пробудить страсть, или овладѣть нашимъ вниманіемъ — работа, игра, общесво, зрѣлища (какія бы они ни были, хотя бы и страшныя зрѣлища казни) — становящся для насъ тогда привлекательны. Пусть будетъ еще страсть неприятная, меланхолическая, безпорядочная — мы все пред-

почтемъ ее скучной дремотъ души, про-
испекающей ошъ совершеннаго ея спокой-
ствія.

Такое объясненіе отчасти удовлеотво-
рительно. Войдите въ горницу, гдѣ вдругъ
за нѣсколькими сполами играющъ въ кар-
ты — вы замѣтите, что большее число
зрителей окружающъ сполъ, на копо-
ромъ игра крупнѣе, хотя самые игроки и
не споль искусны. Сильнѣйшія спрасти,
возбуждаемая большимъ проигрышемъ съ
выигрышемъ, производящъ и въ зрителѣ
участіе сильнѣйшее; онъ почти пересе-
ляющся въ душу его; онъ занящъ и занящъ
приятно; время летящъ быспре; онъ за-
бываетъ по шяжкое чувство, которое обык-
новенно угнетаетъ душу его, когда онъ одинъ
съ своими мыслями.

Замѣчено, что записные лжецы въ
своихъ рассказахъ увеличивающъ препер-
пѣнныя ими опасности, шруды, печали,
и всѣ обстоятельство убійствъ или жесто-
кошей, ими видѣнныхъ; съ такими же при-
бавленіями описывающъ они и все прият-
ное, веселое, великолѣпное. Нѣкошорый
тайный голосъ говорищъ имъ, что ешо не-
обходимо, дабы понравишься слушащелямъ,
овладѣть ихъ вниманіемъ: возбуждая спра-
сти, они надѣются и самые рассказы свои
сдѣлать болѣе привлекательными.

Есть однако одно обстоятельство, которое препятствует нам еще остроумное мнение вполне применить к рассматриваемому нами предмету. Мы уверены, что зрелище прагматическое, производящее в нас приятный ужас или приятное сожаление, возбуждало бы в нашей душе совершенно противоположные чувства, когда бы из вымышленного обратилось в существенное; но сему последнему, по наружности, надлежало бы быть самым действительным лекарством от скуки и усыпления. Фоншенель еще замечил: следующие мысли его могут служить очень хорошим дополнением к теории Аббама Дюбоса.

„Удовольствие и горесть, столь отличные одно от другого чувства, мало различаются в своих причинах.
 „Из действия щекотанья можно заключить: что удовольствие, чрезвычайно сильное, обращается в спадание, а спадание, легкое и умеренное, может быть удовольствием. Бывает приятная и сладостная печаль: это спадание ослабленное и утешенное. Сердце любит движение; предметы меланхолические и даже горестные — если только ощущение горестное услаждено посторонними обстоятельствами — имеют для него прелесть. Действие театральное производит на нас

„почти такое же впечатлѣннѣе, какъ и дѣй-
„ствіе существенное; но епо дѣйствіе не-
„полное; сколь бы ни овладѣло зрѣлище на-
„шимъ воображеніемъ, а чувства нашимъ
„разсудкомъ, все оспаешся въ глубинѣ души
„какое-то неясное понятіе о несуществен-
„ности видимыхъ нами предметовъ. Но
„ешаго понятія, при всей его неясности,
„достаточно для ослабленія той горести,
„которую чувствуемъ, видя спраланіе лю-
„безныхъ намъ людей, и сія горестъ, ша-
„кимъ образомъ ослабленная, сама собою пре-
„вращается въ удовольствіе. Мы плачемъ
„о несчастіяхъ героя, къ которому привя-
„заны сердцемъ, но въ то же время ушѣ-
„щаемся, увѣрены будучи, что эти несча-
„стія вымышленныя, и сія-то смѣсь раз-
„нообразныхъ чувствъ производитъ прият-
„ную горестъ и сладостныя слезы. Но
„такъ какъ горестъ, производимая предме-
„тами *видимыми* и *наружными*, должна
„быть сама по себѣ сильнѣе утѣшенія,
„происходящаго отъ мысли *отвлеченной*;
„то и въ сей смѣси дѣйствіе горести
„должно быть и ощушительнѣе и замѣш-
„нѣе (*).“

Епо разрѣшеніе Фоншенелево, убѣдительно-
ное и справедливое, требуетъ еще нѣкотораго

(*) Reflexions sur la poetique § XXXVI.

дополненія. Спроси, возбуждаемая краснорѣчїемъ, стихотворствомъ и живописью имбюмъ для насъ особенную прелесть. Цицероновы эпилоги приводятъ въ восхищеніе чашапеля, имбющаго вкусъ образованный: не лзя чашашъ ихъ и не бышь распроганнымъ до глубины сердца. Превосходство Цицерона, какъ орапора, основано безъ сомнѣнїя на его совершенствѣ въ епихъ чашпяхъ рѣчи. Извлекая слезы изъ глазъ своихъ слушапелей, онъ приводилъ ихъ въ восторгъ. Описаніе убійства Сицилійскихъ вождей по повелѣнїю Верреса ешь образцовое въ родѣ своемъ произведеніе; но кшожь вообразилъ, чшобы самое зрѣлище ешаго убійства произвело такое же удовольствіе, какъ и его описаніе. Замѣсимъ, что для слушапелей Цицероновыхъ горестъ не была улаждаема мыслію, что предметъ ея вымышленный — ибо они всѣ были увѣрены въ истинѣ происшествїя, описываемаго орапоромъ. Какимъ же очарованіемъ удовольствіе могло родиться опъ ощущенїя непрїятнаго, и припомъ удовольствіе, имбующее всѣ наружныя признаки скорби?

Я опвѣчаю: ешо чудесное дѣйствіе произведено было шѣмъ самымъ краснорѣчїемъ, которое съ такою силою изобразило происшествіе спрашно. Сила генїя, обнаружившаяся въ живоспи описанїя; иснѹ-

спво, видимое въ выборѣ и въ соединеніи самыхъ разительныхъ обстоятельствъ; здравый умъ, замѣтный въ расположеніи сихъ обстоятельствъ, словомъ, дѣйствіе столь многихъ необыкновенныхъ качествъ, соединенное съ силою выраженной и красотою орапорскихъ періодовъ, доставили слушаателямъ въ то время живѣйшее удовольствіе, и возбудили въ сердцахъ ихъ движенія сладкія. Такимъ образомъ не только неприятность спраски печальной уничтожена была чувствомъ прошивнымъ и гораздо сильнѣйшимъ; но самое дѣйствіе епой спраски, благодаря краснорѣчію, сдѣлалось приятнымъ, даже восхищительнымъ для сердца. И то же самое краснорѣчіе, обращенное на предметъ маловажный, не только не произвело бы того же дѣйствія, но вѣроятно произвело бы прошивное: душа, оставшись въ покоѣ, не могла бы найти никакой приятности въ красотахъ воображенія и вѣщности, копорыя, напрошивъ, присоединены будучи къ спраски, дѣйствуютъ съ необыкновенною силою. Живое чувство скорби, негодованія, ужаса возрастаетъ отъ чувства красоты. Последнее, будучи *главнымъ* и самымъ оцщительнымъ, объемлетъ всю душу; оно сообщаетъ, такъ сказать, всѣ качества свои первому, по крайней мѣрѣ даетъ ему собственную наружность и изменяетъ всѣ его свойства.

Душа, приведенная въ волненіе спраспїю, и въ то же время пльняемая краснорбчїемъ, наполнена смбшеннымъ чувствомъ, кошорое въ цблости своей для нее восхищительно.

Правило сіе принадлежишь и прагедїи. Прибавимъ: прагедїя еспь подражанїе, а всякое подраженїе само по себѣ нравишся. Общояшельство сіе способствуешъ къ изглаженїю послбднихъ слбдовъ неприашнаго въ спраспи и къ превращенїю дбйствїя оной въ наслажденїе полное и сильное. Въ живписи предметы ужасные и печальные нравишся гораздо болѣе предметовъ приашныхъ, представляющихся намъ въ совершенномъ спокойствїи. Спраспъ поспрашаешъ душу; а то главное чувство, о кошоромъ говорено выше, преобращаешъ ещо ощущение въ удовольствїе. И въ прагедїи *вымысль* улаждаешъ спраспъ не сполько потому, что онъ ее ослабляешъ, сколько потому, что приобщаешъ къ ней ощущение новое. Можно мало по малу ослабляшь истинную гореспъ и наконецъ ее уничтожишь; но сіи переходы изъ одного состоянїя въ другое конечно не произведутъ никакого приашнаго чувства въ сердцѣ.

Для подпвержденїя нашей теорїи надлежишь привеспи въ примѣрѣ нѣсколько

случаевъ, въ которыхъ ощущеніе *второстепенное* преобразуется въ *главное*, или усиливаетъ его, хопя и бываетъ различнаго, а иногда и прошивнаго съ нимъ свойства.

Новость обыкновенно возбуждаетъ вниманіе. Ея дѣйствіе сливается съ спраспїю, производимую самимъ предметомъ, и ее усиливаетъ. Произшествіе, само по себѣ радостное или печальное, досадное или приятное, подѣйствуешь на насъ безъ сомнѣнія сильнѣе, когда оно будетъ необыкновенное или новое. Новость, сама по себѣ приятная, увеличиваетъ и приятныя и неприятныя спраспи.

Кто хочешь сильно занять меня описаніемъ произшествій, потѣ долженъ сначала возбудить во мнѣ любопытство и неперпѣнїе, и потѣ уже привесть меня къ развязкѣ. Такую хипрость употребляетъ Яго въ извѣстной сценѣ съ Опелломъ; зришель чувствуетъ, что ревность Мавра усиливается отъ неперпѣнїя, и сія послѣдняя спраспѣ въ ешой сценѣ совершенно превращается изъ второстепенной въ главную.

Препящствїя усиливаютъ спраспи; пробудивъ наше вниманїе, подспрекая наши

дѣятельныя силы, онѣ производятъ въ насъ новыя чувства, копорыя служатъ пищею главному.

Родители обыкновенно любятъ по дѣтя нѣжнѣе, копорое по слабому и болѣзненному сложенію шѣла приключило имъ болѣе заботъ, печалей и безпокойства. Приятное чувство нѣжности усиливается въ ешомъ случаѣ неприятнымъ ощущеніемъ скорби.

Ничто не дѣлаетъ друга шполь драгоценнымъ, какъ сожалѣніе о его потерѣ. И самая приятность его общешва не имѣетъ такого сильнаго дѣйствія.

Ревность, тяжелое чувство; но безъ примѣси ревности и приятное чувство любви не можетъ существовать во всей своей живости и силѣ. Разлука мучительна для любовниковъ; но краткая разлука благоприятна для самой ихъ спраспи; она шогда шолько бываетъ для нее пагубна, когда опъ продолжительности своей обративши въ привычку и перешапетъ бытъ шягошною. Ревность и разлука въ любви ешъ шодолце рессанте Италіанцевъ, копорое почитаютъ они необходимымъ условіемъ всѣхъ удовольствій.

Слѣдующее замѣчаніе старшаго Плинія можетъ послужить къ подтвержденію нашего правила. Давно замѣчено — говоритъ онъ — что послѣднія, недовершенныя произведенія славныхъ художниковъ, оставшіяся послѣ ихъ смерти, вообще цѣннымы бывають выше: такова Ириса *Аристидова*, *Никомановы* Тиндариды, *Тимомахова* Медea и *Алеллесова* Венера. Онѣ предпочитаемы самымъ довершеннымъ произведеніямъ сихъ художниковъ. Мы съ любопытствомъ разсматриваемъ недовершенную картину живописца и по нѣсколькимъ чертамъ рѣзца стараемся угадать полусозрѣвшія мысли ваятеля: сожалѣніе о славной рукѣ, охлажденной смертію въ то время, когда она шворила или довершала, какъ будто усиливаетъ удовольствіе, производимое въ насъ самимъ швореніемъ.

Сихъ примѣровъ будетъ достаточно для доказательства, что удовольствіе, доставляемое намъ стихотворцами, ораторами и музыкантами посредствомъ возбужденія горести, сожалѣнія, негодованія, есть самое обыкновенное, и кажетъя неестественнымъ съ перваго погляда. Живость воображенія, сила выраженій, гармонія стиховъ, прелестъ подражанія, сами по себѣ очаровательны для души; когда же всѣ онѣ соединяются въ предметъ, производящемъ

въ насъ какую нибудь особенную спраспъ , тогда они измѣняютъ дѣйствіе епой въпроспешной спраспи , совершенно подчиня оную главной , сильнѣйшей , и удовольствіе наше опъ того возрастаетъ . Спраспъ сїя , будучи возбуждена простымъ явленіемъ сущеспешнаго предмета и неподчинена другой , болѣе сильной , могла бы бытъ и неприятною и пятгоспною ; напроспвъ , производимая дѣйствіемъ искусствъ изящныхъ , смягченная ими , или украшенная , она привлекательна и душа предается ей съ живымъ наслажденіемъ .

Но дѣйствіе бываетъ совсѣмъ прошивное , когда воображеніе подчинено спраспи ; первое , не будучи главнымъ , уступаетъ послѣдней , которая занимаетъ тогда ея мѣсто , и самое спраданіе черезъ по необходимо должно увеличиться .

На примѣрѣ : увидимъ ли горестнаго опца , когда съ возможнымъ краснорѣчіемъ будемъ описывать погибель его сына ? Чѣмъ болѣе въ епомъ случаѣ поразимъ его воображеніе , тѣмъ болѣе дадимъ пици его пѣчали .

Смяшеніе , ужасъ и стыдъ жестокаго Верреса , безъ сомнѣнїя , соопвѣтспвовали сильному краснорѣчію его обвинителя : имъ

сообществовало необходимо и его оправданіе. Первые спраши, будучи слишкомъ сильны, не могли уступить мѣста своего удовольствію, производимому краснорѣчіемъ; онѣ были неприятны для Верреса по той же причинѣ, по которой производили со-справданіе, горесть, негодованіе въ судіяхъ и слушателяхъ.

Лордъ Кларендонъ, дошедши въ своей Испоріи до описанія бѣдствій Королевской партіи, почувствовалъ, что оно должно быть тяжело для его читателей, и онъ почти ни слова не сказалъ о смерти Короля: картина сія, думалъ онъ, не могла не быть возмущительна и противна; ибо и онъ самъ и читатели его въѣва слишкомъ живое участіе принимали въ епомъ произшествіи: оно было для нихъ *горестно*; напрошивъ, епо же самое произшествіе, будучи любопытно и только *прогательно* для читателей нашего времени, попому именно и чрезвычайно для нихъ приятно.

Иногда прагическое дѣйствіе бываетъ слишкомъ ужасно. Оно приведетъ въ содроганіе, и епо сильное чувство не можетъ уже перейти въ удовольствіе: въ такомъ случаѣ и краснорѣчіе прагика служитъ только въ увеличенію нашего неприятнаго ощущенія. Англійская прагедія *Честолю-*

бывая магика можетъ служишь пому при-
мбромъ. Въ ней видимъ почтеннаго спар-
ца, который въ испуленіи бѣшенства и
отчаянїя разбиваетъ голову о мрамор-
ную колонну; мозгъ, смѣшанный съ кро-
вію, лѣтся по мрамору. Такія отвраща-
тельныя зрѣлища слишкомъ часно обезо-
браживаютъ Англійскую сцену.

И самыя обыкновенныя чувства жало-
сти должны бышь услаждены какимъ ни-
будь приятнымъ ощущеніемъ, дабы прине-
сли удовольствіе зрителю. Спраданїя утѣ-
сненной добродѣтели и поржество ширана
прошивны сердцу, и превосходные траги-
ки никогда не представляютъ ихъ намъ на
сценѣ. Для совершеннаго удовольворенїя
зрителей надлежитъ вооружить добродѣ-
тель силою отчаянїя, а преспуленїя на-
казать, или унижить.

Не въ одной поезїи и краснорѣчїи, но
и въ самой обыкновенной общественной
жизни обращеніе нашего правила имѣетъ
описанное нами дѣйствіе. Пускай усилился
подчиненная спрасть и перейдетъ въ глав-
ную: она заглушитъ такъ сказашъ по чув-
ство, которое прежде только пишало и уве-
личивало. Излишняя ревность уничтожаетъ
любовь; излишняя прудность производитъ
или отвращеніе, или холодность; излишняя

болѣзненность младенца можетъ иногда утѣшить попечительнаго родителя и сдѣлать его наконецъ равнодушнымъ.

Изъ *Essays and Treatises*, by D. Hume:
Ж.

III. К Р И Т И К А.

Замѣчанія на статью о необходимости ошибокъ.

(Письмо къ Издателю.)

Если критическія разсужденія входятъ въ Вѣстникъ Европы; если справедливыя замѣчанія — каковымъ, разумѣется, считаю и мое — служатъ къ общей пользѣ; то я, кажется, не сдѣлаю *ошибки*, препроводивъ къ вамъ нѣсколько строкъ, содержащихъ мысли мои о *необходимыхъ ошибкахъ*.

Между прочими статьями, напечатанными въ 23 No Вѣстника Европы 1810 года, нашелъ я статью о *необходимыхъ ошибкахъ*. Г. Сочинитель статьи сей увѣряетъ, что „Арисотель писалъ о ошибкахъ сего рода; но между исполкователями и послѣдователя-

ми его — продолжаетъ онъ — никакъ нераспространялся о семъ предметѣ.“ Къ сему увѣренію г. Сочинитель прибавляетъ даже и самыя примѣры, въ доказательство что такія ошибки существуютъ.

Не будучи ни исполковашелемъ, ни послѣдовашелемъ Аристотеля, не имѣя намѣренія кришиковать г. Сочинителя сей спашьи иначе какъ съ доброй стороны, я считаю обязанностію сказать, что *необходимыя* ошибки существовать не могутъ: по крайней мѣрѣ въ такомъ смыслѣ, какъ разумѣетъ ихъ г. Сочинитель. Слѣдующимъ, можешь быть, подтвердишься мною сказанное.

По мнѣнію моему, *ошибка* есть такое дѣйствіе человека, которое рождается противъ его воли; или лучше, когда опъ предприняшаго имъ намѣренія выдѣтъ послѣдствіе прошивное, и такое, какого онъ вовсе не ожидалъ, и даже предполагать и предвидѣть не могъ, въ такомъ только случаѣ *ошибка* имѣетъ свое мѣсто: — но тамъ, гдѣ собственная воля руководила человека, гдѣ послѣдствіе оправдываетъ намѣреніе его, съ какимъ предпринято было дѣйствіе, тамъ совсѣмъ нѣтъ ошибки. — Для большаго доказательства сей мысли пройдемъ слегка два примѣра, приведенные г. Сочинителемъ, и содержащія, по мнѣнію его, *необходимыя* ошибки.

Если Мильшонъ заставилъ прародителей нашихъ — героевъ Поперяннаго Рая — говорить словами и выраженіями отборными, благородными, величественными, пиитическими: то симъ не сдѣлалъ онъ *ошибки*; а только

же отступилъ отъ исторической истины, и отступилъ — по совершенной необходимости: сколько пошому что не зналъ точныхъ словъ, коими прародители наши сообщали другъ другу мысли свои, неменѣе и пошому, что писалъ — поему!

Если художникъ, сдѣлавшій группу Лаокоона, представилъ его и дѣтей нагими; то, отступивъ *съ намѣреніемъ* отъ исторіи, симъ удержалъ онъ возможность послѣдовать правиламъ художника, кои при семъ случаѣ шѣмъ были необходимѣе, чѣмъ болѣе художникъ хотѣлъ изобразить на мускулахъ Лаокоона и дѣтей его всѣ усилія ужаса, въ минушу неизбѣжной смерти сего несчастнаго семейства; въ прошивномъ же случаѣ художникъ, для изображенія опчаянія, долженъ былъ бы довольствоваться одними шолько лицами Лаокоона и дѣтей его.

И такъ Мильшонъ, художникъ группы Лаокоона, и всѣ имъ подобные *не ошибались*, а шолько *съ намѣреніемъ* отступали отъ исторической истины. И такъ въ заглавіи сей спашьи, вмѣсто *о необходимыхъ ошибкахъ*, должно бы, кажется, поставили: *О необходимыхъ произвольныхъ погрѣшностяхъ*, и тогда она удержитъ принадлежащее ей достоинство. Мудрено ли, что ни кто изъ исполкователей и послѣдователей Аристотеля не распространялся о шакомъ предмѣщѣ, кошорой несуществуетъ!

Но какъ всякое правило имѣетъ исключеніе; то послѣ сего долженъ я признашья, что — не смотря на сдѣланное мною возра-

женіе — гошовъ согласишься съ г. Сочинителемъ и ушверждашь, что *необходимыя* ошибки существуютъ; но не иначе однакожъ, какъ только въ такомъ случаѣ: когда бы, *на примѣръ*, человекъ, совершенно незнающій Французскаго языка, заспазленъ былъ другимъ, власъ надъ нимъ имбющимъ, читашь Французскую книгу; тогда, натурально, онъ ошибался бы при каждомъ словѣ, и ошибался — *по необходимости!* Или: если бы человекъ, неимбющій никакого понятія о ваяніи, подобнымъ же сказанному образомъ, принужденъ былъ дѣлать — группу Лаокоона; тогда число ударовъ рѣзца его было бы равно числу его ошибокъ прошивъ правилъ ваянія, и всѣ сіи ошибки были бы необходимы! — Но существовали ли такой человекъ, кошорой сдѣлалъ бы подобное приказаніе?

Н. Н.

Марша 1 го 1811 го
Иркушскъ.

IV. С М Ъ С Ъ.

Анекдоты о скулцахъ.

Не задолго передъ симъ въ Лондонѣ умеръ на шестьдесятъ шестомъ году жизни одинъ Прокурорскій писецъ, человекъ необыкновен-

ный по своей скупости, оставивший по себе великое богатство. Онъ былъ холостъ и не любилъ женщинъ; никогда не смѣлся; никогда не покупалъ и не заказывалъ себѣ платья, а донашивалъ ветошь, по наследству доставшуюся ему послѣ дяди, такого же скряги; самъ починялъ башмаки свои; носилъ парики самые дешевыя; въ послѣднiя пять лѣтъ никого не впускалъ въ свою спальню; вмѣсто носоваго платка употреблялъ бумагу; самъ готовилъ себѣ пищу, обыкновенно всему предпочитая свиное сало. Чтобы даромъ не пропадала кожа, онъ изрѣзывалъ ее въ тонкіе ремни, и перевязывалъ ими башмаки свои; однакожь скоро принужденъ былъ отказаться отъ сего выгоднаго обыкновенiя, потому что собаки не давали покоя ногамъ его, сгрызая обвязки. Кошку свою кормилъ онъ самымъ страннымъ способомъ: напиралъ ее кожей свиного сала, и бѣдная тварь должна была слизывать пишательныя частичцы, чтобы не умереть отъ голода. Богатое наследство послѣ сего скряги получили его родственники.

*

Минувшаго Ноября въ Дублинѣ умеръ одинъ холостой старикъ 83 лѣтъ, достопамятный по странности своей, по скупости и по богатству. Въ молодости своей научившись бочарному ремеслу, онъ отправился въ Америку, и тамъ нашелъ дядю своего, которой обладалъ несмѣтнымъ богатствомъ, такъ что былъ въ состоянiи за дочью дать въ приданое 200,000 фунтовъ стерлинговъ. Племянникъ, шествуя по слѣдамъ своего дяди, успѣлъ и самъ нажить 300,000 ф. с. Съ симъ богатствомъ возвратился онъ въ Ирландiю, но неперемѣнилъ своего образа жизни:

какъ прежде, былъ строгъ къ себѣ и къ другимъ, во всемъ отказывалъ себѣ, и терпѣлъ ужасную нужду и въ пищѣ и въ одеждѣ. Любовь, жалость, житейскія выгоды были ему совсѣмъ неизвѣсны.

На канунѣ смерти его одинъ изъ знакомыхъ, знавшій объ его болѣзни, прислалъ къ нему врача. Скупецъ принялъ его ласково; но вспомнивши, что за пособіе надобно заплатить деньги, сказалъ съ досадою: „Господинъ докторъ! я человекъ очень крѣпкаго сложения. Я увѣренъ, что болѣзнь моя ни мало не опасна, и что могу самъ себя вылѣчить; однакожь, чтобы не огорчить приятеля, отъ котораго вы ко мнѣ присланы, соглашусь принять вашу помощь, ежели только вы неспанете дорожиться. Прошу объявить цѣну за труды ваши до совершеннаго моего выздоровленія.“ Докторъ запросилъ восемь гиней; больной ужаснулся. Послѣ долгаго спора дѣло кончано на шести гинеяхъ съ половиною. Докторъ тотчасъ принялся лѣчить, написалъ рецептъ, и старикъ на другой день умеръ.

Имѣя много бѣдныхъ родственниковъ, онъ ничего имъ не оставилъ, а завѣщалъ все имѣніе свое одному живущему въ Индіи богатому семейству, возложивъ на него обязанность выдавать преслѣбому своему служилею по 4 ф. с. ежегодно. „Сими деньгами, сказано въ завѣщаніи, проведешь онъ послѣдніе дни свои въ счастливой независимости.“

*

Въ прошломъ году умеръ въ Парижѣ одинъ купецъ, также весьма сиранный. Онъ торговалъ свѣтными припасами, которые полу-

чалъ изъ Прованса, своего отечества. Съ приходящими покупателями иначе не сносился онъ какъ письменно: надлежало подсунуть подъ дверь записку, на которую онъ немедленно отвѣтствовалъ такимъ же образомъ. Никто не могъ войти въ его комнату, которая походила болѣе на крѣпость нежели на обыкновенное жилище; двойныя двери заперты были множествомъ замковъ, задвижекъ и скобокъ. Онъ неимѣлъ ни жены ни служителя, и самъ отправлялъ домашнія работы. Каждой разъ начитавши въ газетѣхъ, что „молодая дѣвушка, *собою видная*, желаетъ опредѣлиться въ домъ къ *одному* человеку“, пошчасъ ходилъ освѣдомляться; но, кажется, ни одна ему не понравилась, ибо до смерти своей оставался онъ одинокимъ. Будучи весьма богатъ, онъ издерживалъ самую малость, не болѣе 10 су въ день. Сосѣди замѣтили, что онъ нѣсколько дней сряду не выходитъ изъ дому; постучались, призвали полицейскаго чиновника и слѣсаря; выломали двери и нашли хозяина мертвымъ. Онъ сидѣлъ у открытаго сундука; руки его лежали на мѣшкахъ съ золотомъ; шло уже портилось. Кромѣ золота и серебра, которыми наполненъ былъ сундукъ, найдено дорогихъ камней на 80,000 франковъ. Каждая пуговица кафтана его содержала въ себѣ по четверному Испанскому пистолю, въ 84 франка, а воронникъ внутри набитъ былъ двойными луидорами. Все богатство досталось сестрѣ его.

(Изъ *Journ. des Dames.*)

Московскія валискы.

Вновь образованное при здѣшнемъ Университетѣ Общество Исторіи и древностей Россійскихъ имѣло уже два засѣданія. Оно подкрѣплено весьма значительными приношеніями, коими обезпечивается бышіе его и будущіе успѣхи. З. П. Зосима (съ братьями) предсказывалъ 3800 рублей на издержки изданія Русскихъ лѣтописей. Купецъ Терапоншовъ принесъ въ даръ рѣдкіе памятники шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій, какъ то Осирожскую Библию, Апостолъ, напечатанный въ Москвѣ при Лже-Димитріѣ, и другія печатныя и рукописныя книги на Славянскомъ языкѣ, и сверхъ того 500 рублей деньгами. Гг. Зосима и Терапоншовъ наименованы благошворителями Общества, на основаніи Устава. Отъ неизвѣстной особы присланы 1000 рублей, богатое на столѣ покрывало и яшмовая чернильница. Членъ Общества, Его Превосходительство Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кущузовъ обѣщавъ доставитъ портретъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА для украшенія залы собранія. Подпискою дѣйствительныхъ Членовъ составила сумма свыше 1000 рублей.

Театръ. Зима окончилась; но зимнія забавы для любителей театра будутъ продолжаться и весною. Пешербургскіе актеры г. Самойловъ и г-жа Самойлова заслужили своими талантами одобреніе отъ здѣшней публики. Оба они играютъ въ операхъ и поютъ превосходно. Г. Дюпоръ покажетъ нѣсколько опытовъ несравненнаго проворства и легкости ногъ своихъ. Уже два раза мы ви-

дѣли его въпренникомъ Зефиромъ; что будетъ далѣе, увидимъ. Для совершенной полноты удовольствія, весьма желательна, чтобы искусство пантомимическое было неразлучно съ танцевальнымъ; но они бывають не всегда вмѣстѣ. Такъ у хорошихъ пѣвцовъ иногда недостаетъ искусства игры театральной.

„Читая книгу *Рускія Историческія и правоучительныя повѣсти* г-на Глинки (пишетъ къ Издашелю г. С. С.), я нашелъ на страницѣ 138 й слѣдующее любопытное примѣчаніе: „Амбодикъ Максимовичъ написалъ „Искусство повивальное въ пяти Часяхъ; онъ занимался также болѣзнями женщинъ и дѣшей. Сочинитель *Новаго опыта историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ* называетъ Амбодика Несторомъ Медицины.“ Здѣсь, не въ обиду г-ну Сочинителю Русскихъ повѣстей, можно замѣтить, что не Сочинитель упомянушаго Словаря, но гораздо прежде священникъ при крещеніи далъ Амбодикѣ имя Нестора, и что Лѣтописецъ Несторъ неимѣетъ никакихъ отношеній къ Нестору Амбодикѣ, Медицины Доктору. Не смѣя подавая совѣсовъ г-ну Сочинителю Русскихъ повѣстей (и многихъ поемъ, драмъ, оперъ, трагедій, стиховъ поздравительныхъ и привѣстивенныхъ, разсужденій полемическихъ и до разныхъ наукъ и художествъ касающихся), прошу васъ, чрезъ изпечатаніе моего замѣчанія, напомнить всѣмъ Петербургскимъ, Московскимъ и въ другихъ Россійскихъ городахъ находящимся наборщикамъ, чтобы они *стѣжили зѣплати у лѣсти*, небрежностію своею не вводили бы писателей въ заблужденіе и не-

давали бы случая забавникамъ сочищать епиграммы.“

Къ сей книжкѣ приложена карпинка съ изображеніями двухъ Французскихъ медалей, выбитыхъ въ Парижѣ на случай одержанной при Іенѣ побѣды надъ Прусскимъ войскомъ 1806 года. Онѣ вырѣзаны вѣрно; обѣ изобрѣтении и расположеніи частей предоставляемъ судить свѣдущимъ любителямъ нумизматики.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Въ Коммерческомъ календарѣ (Almanac du commerce) показано, что 1808 года въ Парижѣ было 118 шпографщиковъ (нынѣ число ихъ уменьшено до 80), 260 книгопродавцовъ и 2000 писателей. Чшо жъ они писали? пошомство едва ли о шомъ узнаешь; а шеперь очень мудро собранъ свѣдѣнія о произведеніяхъ ихъ учености, хощя правда и самыя граммашки сочиняли весьма красивыя книжечки. Нѣкто, на примѣрѣ, по имени Фревилъ издалъ *Грамматическую энциклопедию*, въ кошорой части рѣчи представилъ въ видѣ кошекъ, собакъ и куриць. Недавно объявлено о другой *живописной* граммашкѣ, въ кошорой при каждомъ правилѣ находишья будетъ по одной выпискѣ изъ какого-нибудь славнаго сочинителя и по одному рисунку съ какой-нибудь славной картины. Господинъ издашель называется Тюбержъ; онъ уже напечаталъ и продаетъ извлеченіе изъ своей книги; кошорая однакожъ еще не окончана.

Въ Дерптѣ напечатана книга *Aufklärung einiger Dunkelheiten der Natur*, т. е. Объясненіе нѣкоторыхъ темныхъ явленій въ природѣ. Г. Сочинишель называетъ свѣтъ и тѣну двумя различными *веществами*. Нижняя часть нашего земнаго шара, говоритъ онъ, наполнена веществомъ тмы или сѣвернымъ холоднымъ ефиромъ, а верхняя ефиромъ дня или веществомъ свѣта. Зимой плаваютъ земля въ пространствѣ тмы, а лѣтомъ во сферѣ свѣта. Солнце есть шаръ, коего одна половина горитъ, а другая темная. Посреди горячей половины находится свѣтильня, которая получаетъ пищу для своего пламени изъ нижней половины, плавающей въ веществѣ свѣта, сгустившемся наподобіе масла!!! При увѣдомленіи о сей книгѣ упомянуто, что сочинителю уже 65 лѣтъ отъ роду.

Вышло Шатобрианово *Путешествіе изъ Парижа въ Иерусалимъ, а оттуда въ Египетъ, въ Вирварійскія области, въ Испанію и обратно въ Парижъ*. Изъ Французскихъ листковъ видно, что книгу сію читаютъ очень прилѣжно, и что въ ней содержится много любопытнаго. Въ прочемъ нельзя незамѣтить, что Шатобрианъ часто порицалъ слогъ свой надупоспѣю.

Князь Николай Еспергази, богатѣйшій помѣщикъ Венгерскій, получающій дохода болѣе 5 миліоновъ гульденовъ, купилъ большую часть оставшихся послѣ Гайдна пожизнковыхъ, и выбишныя въ честь его медали положилъ въ фамиліальной своей архивѣ. Керубини, одинъ изъ первѣйшихъ композиторовъ нашего времени, вслушалъ къ нему въ должность капель-

мейстера, и будетъ жить въ Ейзенштадтѣ резиденціи Князя. Онъ получаетъ жалованья 12,000 гульденовъ наличной монеты и сверхъ того кварширу, шоль и экипажъ.

*

Въ Римѣ составилось Археологическое Общество подъ предсѣдательствомъ славнаго ваятеля Кановы. Труды его начались вѣрнымъ описаніемъ всѣхъ древнихъ памятниковъ, находящихся въ прежней Церковной области.

У. ПОЛИТИКА.

Замѣчанія Монипера.

(Окончаніе.)

7) *Даже до сего времени.* Слова дошпопамятныя. И такъ вы шбмъ хвалились, что оставили при части Португалліи; что опустошили страну, вами, какъ говорите, покровительствуемую, страну, копорую почищаете своею, и второй ненадѣбешесь удержанъ за собою! Вы говорите *даже до сего времени*: вопъ признаніе, очевидностію событій вынужденное у Англійскаго министерства. Мы съ своей стороны не шаймъ нашего желанія, чтобы ваше *до сего времени* просперлось какъ можно далѣе; не шаймъ, что ежели день вашего опплытія долженъ

быть днемъ торжества, то вѣрно не для народа Англійскаго; и что выгоды нынѣшней борьбы для насъ будущъ шѣмъ важнѣе, чѣмъ болѣе вы спанете полагаться на удачу. Усилія въ борьбѣ сей ускорили бы конецъ; но продолжительность ея покажетъ всѣ слѣдствія. Шестидесяти-тысячное войско, расположенное на высотахъ при Лиссабонѣ, принуждено выписывать изъ Лондона даже солому для своихъ надобностей; Англія должна безпрестанно содержать при устьи Тага 600 перевозныхъ судовъ и 20,000 матросовъ; должна кормить не только 80,000 солдатъ и матросовъ, но сверхъ того еще 400,000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей, собравшихся въ Лиссабонѣ; наконецъ должна употреблять деньги на всѣ сіи издержки съ потерю 33 процентовъ: вошъ въ чемъ состоятъ главнѣйшія выгоды Франціи. Онѣ служатъ дополненіемъ къ господствующей на твердой землѣ системѣ, которая съ одной стороны уменьшаетъ ваши доходы, оспанавливая торговлю, а съ другой увеличиваетъ ваши издержки, принуждая васъ имѣть войска въ Сициліи и въ Лиссабонѣ. Между тѣмъ Французская армія, по законному обыкновенію, живешъ на изживеніи поѣспраны, въ которой ведетъ войну, и намъ ничего не стоишъ, кромѣ жалованья, которое получала бы и во всякомъ другомъ мѣсцѣ.

Ежели Массена, получивши подкрѣпленіе и дождавшись осадныхъ своихъ орудій, двинется противъ васъ, сбивши

напередъ ваши батареи; или когда вы сами, ушомясь отъ сей разорительной борьбы, пойдете противъ него: тогда что будетъ? Одержавши побѣду, вы шѣмъ ничего не выиграете, ибо послѣ двухъ переходовъ опять встрѣтитесь съ другими арміями; потерѣвши же сраженіе, вы погибнете. Шестидесять тысячъ человекъ для Англіи по значашь, что пятьдесятъ тысячъ для Франціи. Оба государства содержатся какъ 1 къ 3, въ сужденіи многолюдства; такое же содержаніе приняшь должно еще и вразсужденіи дальности земель, въ которыхъ вы принуждены имѣть войско; слѣдовательно пропорція будетъ какъ 1 къ 9.

Намъ неизвѣстны расположенія Тюльерійскаго кабинета; однакожъ мы желаемъ всемирно, чтобы Князь Еслингенскій не нападалъ на васъ, и продержалъ бы васъ въ теперешнемъ состояніи. Тогда къ вашимъ долгамъ прибавилась бы еще сотня милліоновъ, а мы еще болѣе удостовѣрились бы, что покоримъ полуостровъ. Дѣло идетъ о великомъ пространствѣ земли; слѣдственно въ нѣсколькихъ годахъ нѣтъ особенной важности. И всѣ покоренные народы прежде защищались многие годы; вы только одни показали примѣръ, неслыханный въ бышописаніяхъ: вы одолѣны однимъ сраженіемъ, и нація ваша шакъ покорена Норманнами, что одна побѣда, лишила васъ законовъ, обычаевъ и всего.

(Чтобы не упоминать нашихъ чиншелей длинною выпискою, за нужное почишаемъ ска-

зашь, въ чемь состоишъ сила 8 замѣчанія. Въ немь доказываешся, что сраженіе при Бузако было весьма невыгодно для Англичанъ, хопя и присвоивающъ они себѣ побѣду, и что напрошивъ того Французы имбюшъ справедливыя причины хвалишъся удачею и счастливыми слѣдствіями сего дѣла.)

9) Очень любопытно было бы нынѣ перечислить посланія къ Парламенту, писанныя лѣтъ за двадцать и ближе. Во время похода Герцога Йоркскаго въ Белгію говорено было, что война производися за независимость и свободу Белгіи. Во время высадки, сдѣланной Герцогомъ Йоркскимъ въ Голландіи, опять говорено же, что война производися за свободу и независимость Голландіи, о которой Англія очень заботилась. Такимъ образомъ всегда были повторяемы одинакія слова; но ни въ то время, ни теперь не думано, что важность дѣла состоишъ не въ показаніи предполагаемыхъ выгодъ войны послѣ чаемой побѣды, но въ исчисленіи опасностей, которыми подвергаться должно, чтобы одержать побѣду. Основывался на подобныхъ разсужденіяхъ, лучше было бы уже безъ дальнихъ затрудненій приспашъ къ Гавру и идти прямо въ Парижъ; ибо никто не поспоришъ, что такой походъ былъ бы и выгоденъ и славенъ, предполагая, что онъ окончился бы удачно.

Вѣроятно ли, что Англія можешъ бороться со Франціею въ Испаніи? Вотъ главный вопросъ. Она немогла сопротивляшся, когда многочисленныя Испан-

скія войска были въ Сарагоссѣ, С. Андерсѣ, Бильбао и Бургосѣ. Сильная армія Мурова принуждена была тогда бѣжать со спѣдомъ и лишиться множества людей, лошадей, части обоза и даже казны своей. Она не могла сопротивляясь съ начала пятой коалиціи. Веллингтонъ дошелъ было уже до Талаверы, имѣлъ уже нѣкошорыя удачи — и вдругъ долженъ былъ бросить свои госпитали и больныхъ, и бѣжать въ Португаллію. Присутствіе Мура непомѣшало разбить Блака въ Спινόзѣ, войскѣ Еспрамадуры въ Бургосѣ, а Каспанноса въ Туделѣ и овладѣть Сарагоссою и Мадридѣмъ. Веллингтонъ побѣдоносный въ Талаверѣ не могъ помѣшати ни переходу черезъ Сьерру - Морену, ни покоренію Яены, Севиллы и Гренады, ни осадѣ Кадикса, ни овладѣнію Сеншъ - Рошскимъ лагеремъ. Веллингтонъ не защитилъ Португалліи; онъ допустилъ взявъ крѣпости, пошелъ обратно, занялъ неприступныя мѣста и приготовился сѣсть на суда при первомъ попушномъ вѣтрѣ: шаквы слѣдствія мнимой побѣды при Бузако. Ежели и одержавши побѣду Англичане лишились пространства земли на 80 миль; то отъ какихъ произшествій ожидающъ они возможности выгнать Французовъ изъ полуострова? и ежели принявъ за достовѣрное (въ чемъ ни одинъ благомыслящій не сомнѣвается, и въ чемъ признались даже Генералы Англійскіе послѣ Мурова (похода), что имъ никакъ не можно защитить полуострова; то для чего отваживаться на опасности, не надѣясь удачи? „Очень хорошо — воз-

разяшъ намъ — однакожъ Англичане, продолжая борьбу, мѣшаютъ усовершенію государства; развѣ это не выгода?“ Всякой чувствительной человѣкъ не можетъ воздержаться отъ негодованія, когда видитъ, что распространяютъ всевозможные безпорядки среди народа, изъ 14 миллионовъ человѣкъ состоящаго, и единственно для того только, чтобы на нѣсколько времени остановить ходъ общественнаго усовершенія. Но слѣдствіемъ сихъ поступковъ Англии нынѣ увидимъ то, что уже и прежде видѣли неоднократно, а именно укрѣпленіе могущества Франціи. Въ самомъ дѣлѣ, если бы со времени опшупленія Мурома Англійское Министерство вняло совѣтамъ всѣхъ своихъ Генераловъ, и признало бы невозможнымъ опшорженіе Испаніи отъ власти Французской; то оно опшкалось бы отъ войны Испанской. Война сія прекратилась бы, всѣ провинціи, будучи въ соединеніи цѣлости и силы послѣ разныхъ неудачъ и успѣховъ, составили бы націю могущественную и счастливую подъ правленіемъ Государя, по родству близкаго царствующей фамилии во Франціи; тогда цѣлость и независимость Испаніи были бы лучше обезпечены. Управленіемъ Франціи и Испаніи членами одной фамилии возстановились бы прежнія отношенія, бывшія со временъ Филиппа V. Франція имѣла бы отъ того одну только выгоду, а именно увѣренность, что Испанія никогда не возьмѣтъ противъ нее участія въ войнѣ междуусобной. Испанія, возрожденная изданными въ Байоннѣ конспирату-

цїями, при обновившейся силѣ содѣлалась бы независимѣе, нежели какою была за сто лѣтъ прежде, и тогда бы исполнился обѣщаннй въ посланіи отъ престола. Англія, зная въ прочемъ очень хорошо, что не можетъ защитить Испанію, заняла работою 300,000 Французовъ; не смотря на то Испанія мало по малу покоряется совершенно, и сама Англія, а не кто другой, подвергаетъ опасности независимость и цѣлость Испаніи, вмѣшавшись въ такую войну, которая по опытамъ и по всѣмъ вѣроятностямъ долженствовала быть для нее невыгодною. Завоеваніе Испаніи повлечетъ за собою совсѣмъ другія слѣдствія, а не тѣ, которыхъ бы ожидать надлежало только отъ переменъ царствующаго дома, и которыя были бы весьма полезны для народа новыми учрежденіями и лучшимъ образомъ мыслей, вводимыми правительствомъ юнымъ, твердымъ и сильнымъ. Помощь, для котораго нѣсколько лѣтъ значаще поже, что и одна мышь, важныя послѣдствія, которыя значно содѣйствуютъ будущимъ выгодамъ Франціи, приписетъ не иному чему какъ непредусмотрительной Англійской политикѣ.

10) Мѣсто сіе достойно примѣчанія. Въ прошломъ году вы говорили, что повелѣнія Совѣща доставили вамъ желаемыя выгоды; что ваша торговля обогатилась отъ торговли Американской и земель неупральныхъ. Теперь слышимъ отъ васъ уже совсѣмъ другое: вы признаетесь, что ваша торговля затрудняется препятства-

ми, и что ваши доходы уменьшились; а потому еще только при мѣсяца какъ приняты новыя мѣры на швердой землѣ Европы. Чшо жъ будешъ по прошествіи прехъ лѣтъ? Въ счетахъ финансовъ Франціи видны дѣйствія совершенно пому прошивныя. Правда что и во Франціи бѣдствія нѣкоторыхъ частныхъ людей достойны жалости; однакожъ они никакого вліянія неимѣютъ на доходъ государственный. Банкрупства произошли отъ жадности нѣкоторыхъ купцовъ, которые положились на прочность вашего кредита. Повсюду нанесены вамъ удары; заграждены всѣ каналы, которыми вы припягивали къ себѣ пипашельной сокъ изъ всѣхъ странъ Европы. Время перелома минешъ, и откроются новые каналы, истинно полезныя для Европейской торговли.

Англійское правительство лишается довѣрія, когда торговля перяешъ кредитъ свой. Каждое банкротство частного дома падаетъ на него непосредственно. Напротивъ того Французское правительство имѣешъ кредитъ независимый отъ банкировъ и отъ домовъ купеческихъ. 900 Милліоновъ дохода, получаемого наличными деньгами, есть собственнй доходъ Имперіи; онъ представляешъ богатство ея произведеній, и слишкомъ достапоченъ на всѣ ея надобности; напрошивъ того 1700 или 1800 милліоновъ, необходимо нужныя для издержекъ Англии, собираемы были иначе какъ съ помощію бумажныхъ денегъ и посредствомъ круго-

ваго обращенія черезъ Амстердамъ и Гамбургъ по всей Европѣ; и сіи 1700 или 1800 милліоновъ извлекающя не изъ произведеній земли и не изъ доходовъ государсва, но изъ промысловъ и изъ торговыхъ оборотовъ, которые не будутъ въ состояніи удовлетворять государственнымъ нуждамъ, какъ скоро дѣйствія ихъ прекращаются въ Европѣ. Трехъ-мѣсячная оспановка привела въ ужасъ Лондонъ, и ни одинъ Англійской купецъ не можетъ хладнокровно помыслить о десятилѣтнемъ продолженіи подобной системы. Вексельной курсъ Франціи уже четыре года ~~во всѣхъ~~ ~~городахъ~~ на земномъ шарѣ постоянно выигрываетъ отъ 3 до 10 процентовъ; а курсъ Англійскій постоянно перяетъ, а особливо въ послѣдніе три мѣсяца, отъ 30 до 40 процентовъ. Ни чѣмъ лучше не обнаруживаются общеспельства того и другаго государсва. Какъ въ финансахъ, такъ и въ политикѣ Франція всѣмъ одолжена худымъ расчетамъ той ненависти Англійскаго министерсва, отъ которой оно всегда находится въ заблужденіи.

Обозрѣніе происшествій.

Марша 20 Е. В. Императрица Французская благополучно разрѣшилась отъ бремени Королемъ Римскимъ. Сей титулъ будетъ принадлежать наслѣднику Французскаго престола. Протоколъ о рожденіи подписанъ Гроссъ-Герцогомъ Вирцбургскимъ, Дядею Императрицы,

и Принцомъ Евгениемъ, Вице - Королемъ Италіи, какъ свидѣтелями. Въ тотъ же день ввечеру Его Величество Король Римской предварительно окрещенъ въ Тюльерійской капеллѣ (*), въ присутствіи Императора, Принцовъ, Принцессъ и первыхъ государственныхъ чиновниковъ. Король Римскій принесенъ сюда въ предшествіи своихъ офицеровъ. Маршалъ Дюкъ Конельянскій несъ конецъ его манши. На правой сторонѣ стояли Кардиналы, а на лѣвой Епископы. Въ продолженіе обряда сожженъ фейерверкъ, и весь городъ былъ иллюминированъ. На другой день Е. В. Императоръ принималъ поздравленія. Сенатъ и Государственный Совѣтъ приносили также поздравленія свои и новорожденному Королю Римскому. Его Величество лежалъ въ колыбели, подаренной отъ города Парижа, на возвышеніи подъ балдахиномъ. Президентъ Сената и старшіе президенты отдѣленій Государственного Совѣта произнесли рѣчи, на которыя отвѣчала Графиня Монтеスキу, воспитательница (Gouvernante) дѣшей Императорскихъ. —

Количество свѣстныхъ припасовъ часъ отъ часу уменьшается въ Лиссабонѣ. Хотя Американцы подвозятъ и много муки; но ее очень недостапочно для продовольствія. Знатныя фамиліи, прибывшія сюда изъ внутреннихъ провинцій, ходятъ по улицамъ и просятъ пищи. Сыръ и масло чрезвычайно дороги.

(*) По обыкновенію Римской церкви торжественное крещеніе совершается иногда черезъ нѣсколько лѣтъ, а особливо между знашными особами.

Пригоняють быковъ изъ Виго, Оporto, Алешейо, и пошчасъ бьють ихъ; ошъ того мясо ихъ походитъ на мертвечину. Но и сїи пособїя долго продолжаться не могутъ.

Въ Парижѣ получено извѣстїе, что Испанская крѣпость Бадайозъ сдалась Французамъ на капитуляцію. Гарнизону дозволено выдти съ военными почестями; однакожъ онъ оспался военноплѣннымъ, и будетъ опправленъ во Францію. Число людей проспирался до 7,155 человекъ съ офицерами.

*

Король Шведскїй, по причинѣ болѣзни своей, поручилъ управление Королевствомъ Наслѣдному Принцу, до своего выздоровленїя.

(Изъ Рижск. Зрил.)

18 Апрель.

У в ѣ д о м л е н і я .

Полученные изъ Либавы при письмѣ отъ г-на Власова 300 рублей опправлены въ Карачевъ къ А. А. Яновской (Вѣсн. Евр. 1811, No 4. стран. 324).

КОНЕЦЪ LVI ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЯТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Аместанъ и Мелединъ, или Испышаніе опышности. - -	3
Ошрывки изъ писемъ Іоанна Миллера къ Карлу Бонштейну.	83
Необходимое и излишнее. -	103
Девятая глава изъ Гиббоновой испоріи объ упадкѣ и разрушеніи Римской Имперіи. -	247

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Единоборство Танкреда съ Арганшомъ. - - - -	33
Нижегородская Елегія. -	100
Пѣсня. - - - -	102
На заданныя слова: - -	—
Мысль Сируса. - - - -	103
Упрекъ и оправданіе. - -	—
Уединеніе. - - - -	200
Александръ Великій и Абдолонимъ. - - - -	274
Мадригалы. - - - -	283

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Сокращенное начертаніе Ришорикки. - - - -	104
---	-----

О слогахъ простомъ и слогахъ укра- шенномъ. - - -	284
Разсужденіе о трагедіи. - -	292

III. КРИТИКА.

Ксенія и Темиръ, Трагедія въ пяці дѣйствіяхъ. - - -	42
Электра и Орестъ. - - -	205
Замѣчанія на спашью о необхо- димыхъ ошибкахъ. - - -	306

IV. С М Ъ С Ъ.

О рунахъ. - - - -	55
Софievка. - - - -	123
О Цыганахъ. - - - -	223
<u>Анекдоты.</u> - - - -	227
<u> </u> о бжупкахъ. - - -	309
Письма къ Издашелоу. - 56 и	134
Извясненіе карпинки. - -	137
Московскія записки. - 228 и	313
Разныя извѣстія и замѣчанія. 60,	
- - - - - 231 и	315

V. Ц О Л И Т И К А.

О Вагабисахъ. - - - 64 и	138
Нѣсколько словъ о новоучрежден- номъ Берлинскомъ Унверситетѣ. - - -	154
Засѣданіе Верхняго Парламента Февраля 12 го. - - -	235
Обозрѣніе заграничныхъ произше- ствій. - 79, 159, 243 и	325
Увѣдомленія. - 81, 162, 246 и	327

No 8. Rbcm. Espousé 1811.

